Научный журнал «Эпомен»

Epomen
Scientific Journal

электронное периодическое научное издание

№ 57, июнь 2021
No. 57, June 2021

ISSN 2686-6722

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский, проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2021

Состав редакции журнала

Главный редактор:
Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:
Адаменко Александр Александрович, д-р экон. наук, профессор
Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор
Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК
Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор
Дикаев Салман Умарович, д-р юрид. наук, профессор
Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор
Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор
Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор
Никитина Татьяна Викторовна, д-р экон. наук, профессор
Самойлов Сергей Федорович, д-р филос. наук, профессор
Сапфирова Аполлинария Александровна, д-р юрид. наук, доцент
Торосян Вардан Григорьевич, д-р филос. наук, профессор
Тебекин Алексей Васильевич, д-р. экон. наук, д-р техн.наук, профессор
Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор
Харченко Игорь Яковлевич, д-р техн. наук, профессор
Яковец Евгений Николаевич, д-р юрид. наук, профессор
Башкатов Вадим Викторович, канд. экон. наук, доцент
Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК
Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент
Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент
Масленникова Людмила Владимировна, канд. юрид. наук, доцент ВАК
Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент
Песоцкая Елена Николаев, канд. филос. наук, доцент, профессор Российской Академии Естествознания
Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук
Нетишинская Любовь Фёдоровна, канд. юрид. наук, доцент
Франциско Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доцент
Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики
Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор
Варданян Гоар Вазгеновна (Армения), канд. экон. наук, профессор

Марченкова Екатерина Евгеньевна (Беларусь), канд. филос. наук, доцент
Хлус Александр Михайлович (Беларусь), канд. юрид. наук, доцент
Хилюта Вадим Владимирович (Белорусь), канд. юрид. наук, доцент
Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора: Горбоносова Анастасия Игоревна
Младшие редакторы: Гудзенко Полина Руслановна, Фруслов Данил Геннадьевич, Иванова Виктория Александровна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:
Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:
Adamenko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Economics, professor
Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor
Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK[1] professor
Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor
Dikayev Salman Umarovich, Doctor of Law, professor
Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor
Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor
Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor
Nikitina Tatiana Viktorovna, Doctor of Economics, professor
Samoylov Sergey Fedorovich, Doctor of Philosophy, professor
Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor
Torosyan Vardan Grigoryevich, Doctor of Philosophy, professor
Tebekin Aleksey Vasilyevich, Doctor of Economics, Doctor of Technical Sciences, professo
Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor
Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor
Kharchenko Igor Yakovlevich, Doctor of Technical Sciences, professor
Yakovets Evgeny Nikolaevich, doctor of law, Professor
Bashkatov Vadim Viktorovich, Candidate of Economics, assistant professor
Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor
Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor
Kondratyeva Tatyana Sergeyevna, Candidate of Philology, assistant professor
Maslennikova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, VAK assistant professor
Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor
Pesotskaya Yelena Nikolayevna, Candidate of Philosophy, assistant professor, professor of the Russian Academy of Natural History
Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law
Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor
Frantsisko Olga Yuryevna, Candidate of Economics, assistant professor
Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics
Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor

[1]Higher Attestation Commission (Russian: Высшая аттестационная комиссия, ВАК)

Vardanyan Gohar Vazgenovna (Armenia), Candidate of Economics, professor
Marchenkova Ekaterina Evgenievna (Belarus), Candidate of Philosophy, assistant professor
Khlus Alexander Mikhailovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Khilyuta Vadim Vladimirovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief: Gorbonosova Anastasiya Igorevna
Junior editors: Gudzenko Polina Ruslanovna, Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova Viktoriya Aleksandrovna

Содержание

Философские науки

Заруба Д. С., Очак П. К.
Влияние идей Л. Витгенштейна на развитие аналитической философии XX в. (стр. 17–23)

Экономические науки

Максименко А. А., Поликанова Е. В., Полинская М. В.
Мировые тенденции в налоговом администрировании (стр. 24–29)

Таганова М. М.
Трансформация европейского газового рынка в связи с созданием единого газового хаба Trading Hub Europe (стр. 30–35)

Юридические науки

Аксенова Д. С.
Значение и роль процедуры медиации в гражданском процессе (стр. 36–46)

Андрианов А. А., Головин М. В.
Первоначальный этап расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних (стр. 47–53)

Антипов О. В.
Понятие холодного оружия в науке и законодательстве Российской Федерации (стр. 54–58)

Антипов О. В.
Современные классификации холодного оружия (стр. 59–64)

Ахмедов И. Д.
Изъятие земельного участка за совершение правонарушения (стр. 65–70)

Бахченян А. С.
К вопросу о некоторых проблемах реализации избирательного права на муниципальном уровне (стр. 71–80)

Бахченян А. С.
К вопросу о некоторых проблемах правового регулирования труда несовершеннолетних работников (стр. 81–87)

Боженов М. А., Медведев С. С., Фалько М. Д.
К вопросу о криминологической характеристике личности корыстного преступника (стр. 88–93)

Бреусова С. К., Филимонова В. А.
Правовое регулирование применения насилия в сфере трудовых отношений (стр. 94–100)

Бубненков Р. Р., Медведев С. С., Федорченко Н. Д.
Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних: основные понятия и проблемы в Российской Федерации (стр. 101–108)

Бураков И. В., Кацарская В. А.
Современные коррупционные проявления в аспекте торговли людьми (стр. 109–115)

Васильева А. С., Стрельцов В. В.
Взаимосвязь внешних признаков сокрытия информации с возможным использованием сотрудником органов внутренних дел различных способов противодействия проведению полиграфной проверки (стр. 116–121)

Василькович С. В., Иваненко И. Н. (научный руководитель)
Установление административной ответственности и назначение наказания в случае нарушения порядка ценообразования (стр. 122–127)

Гидзев А. М., Попова Л. И.
Ограничение дееспособности вследствие пристрастия к азартным играм и злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами (стр. 128–134)

Гнидовский В. В.
Особенности земельного участка как объекта гражданско-правовых отношений (стр. 135–143)

Гришко Д. Е., Измайлова Д. Э.
Дискриминация в трудовом праве (стр. 144–151)

Диванян Э. С., Масленникова Л. В.
К вопросу о биржевом товаре (стр. 152–157)

Демирова А. В.
О социальной защите семей с детьми в России и за рубежом (стр. 158–163)

Ефимиади Е. А., Медведев С. С.
Уголовно-правовые аспекты убийства матерью новорожденного ребенка (стр. 164–172)

Иваненко И. Н., Панова К. В.
Проблемные аспекты административной ответственности военнослужащих (стр. 173–180)

Ильина К. Е., Потапальская Л. В.
Соотношение административного правонарушения и уголовного преступления (стр. 181–187)

Исаева М. А., Кислый О. А.
Перспективы развития криминологии в киберпространстве (стр. 188–201)

Карачевцев С. С.
Ответственность перевозчика по морским перевозкам (стр. 202–207)

Картавченко В. В., Коновалов А. С.
Особенности назначения наказания за неоконченное преступление (стр. 208–214)

Каушан В. Е., Медведев С. С.
Высшее положение в преступной иерархии: проблемы теории и судебной практики (стр. 215–225)

Китко М. С.
Характерные особенности оказания бесплатных юридических консультаций на примере деятельности юридической клинки (стр. 226–231)

Кочян А. Е.
Защита исключительного права на товарный знак (стр. 232–236)

Кузовихина М. С., Медведев С. С.
Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних (стр. 237–245)

Кузовихина М. С., Чернов Ю. И.
Особенности проведения аудита в сфере АПК (стр. 246–250)

Лапик С. А., Медведев С. С.
Проблема расширительного толкования диспозиции статьи 106 Уголовного кодекса Российской Федерации (стр. 251–256)

Манасян Р. В., Юшко А. В.
Административно-правовые средства борьбы с коррупцией в системе государственной службы (стр. 257–264)

Маркарян Г. С.
Проблемы реализации пенсионной реформы в Российской Федерации (стр. 265–269)

Махмутова М. Р.
Актуальные вопросы использования норм преюдиции при совершении преступлений в экономической сфере (стр. 270–277)

Нарышкина А. В., Степанова К. В. (научный руководитель)
Особенности определения наказания для лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести (стр. 278–287)

Николаева Е. В.
Профилактика криминальной субкультуры молодежи (стр. 288–294)

Павлов О. С., Чернов Ю. И.
Вопросы административно-правового регулирования в области информационной безопасности (стр. 295–300)

Палазин С. А., Чернов Ю. И., Щербаков А. А.
Административные регламенты в сфере безопасности дорожного движения (стр. 301–307)

Парцвания О. Г., Чернов Ю. И.
Административно-правовое регулирование вынужденной миграции (стр. 308–313)

Плишкина К. Р.
Имидж муниципального служащего как предмет социально-политического анализа (стр. 314–321)

Поборцев Е. И.
Централизация и децентрализация государственного управления в России (стр. 322–329)

Полушкина М. Д., Юшко А. В.
Субъекты, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях (стр. 330–338)

Прокопенко Д. А.
О предмете договора обязательного страхования ответственности владельцев транспортных средств (стр. 339–343)

Синяговский В. Р.
Проблемные аспекты определения стандартов доказывания (стр. 344–350)

Сулейманов Э. Э., Шульга А. К.
Публичный показ и публичное исполнение как способы использования исключительного права на аудиовизуальное произведение (стр. 351–358)

Сухаруков А. Ю.
Проблемы частной собственности на землю в России (стр. 359–363)

Тишик А. И.
Специфика юридического консультирования студентов в системе высшего образования (стр. 364–368)

Фахрутдинов И. Г.
Сервитут в проекте изменений вещных прав (стр. 369–375)

Шевкопляс С. Н., Чернов Ю. И. (научный руководитель)
Административно-правовая охрана обеспечения противоэпидемических мероприятий (стр. 376–383)

Шубина П. Е., Крутова Я. А. (научный руководитель)
Проблема эффективности административной ответственности за коррупционные правонарушения (стр. 384–392)

Щербаков А. А.
Особенности коллективного договора в трудовом законодательстве России (стр. 393–398)

Table of Contents

Philosophy

Zaruba D. S., Ochak P. K.
The influence of L. Wittgenstein's ideas on the development of analytical philosophy of the twentieth century (pp. 17–23)

Economics

Maksimenko A. A., Polikanova Ye. V., Polinskaya M. V.
Global trends in tax administration (pp. 24–29)

Taganova M. M.
Transformation of the European gas market due to the creation of the Trading Hub Europe (pp. 30–35)

Law

Aksenova D. S.
The meaning and role of the mediation procedure in civil proceedings (pp. 36–46)

Andrianov A. A., Golovin M. V.
The initial stage of the investigation of crimes against the family and minors (pp. 47–53)

Antipov O. V.
The Concept of Edged Weapons in Science and Legislation of the Russian Federation (pp. 54–58)

Antipov O. V.
Modern Classifications of Edged Weapons (pp. 59–64)

Akhmedov I. D.
Withdrawal of a land plot for committing an offense (pp. 65–70)

Bakhchenyan A. S.
To the question about some problems of the implementation of the electoral right at the municipal level (pp. 71–80)

Bakhchenyan A. S.
To the question about some problems of legal regulation of labor of minors (pp. 81–87)

Bozhenov M. A., Medvedev S. S., Falko M. D.
On the question of the criminological characteristics of the personality of a self-serving criminal (pp. 88–93)

Breusova S. K., Filimonova V. A.
Legal regulation of the use of violence in the field of labor relations (pp. 94–100)

Bubnenkov R. R., Medvedev S. S., Fedorchenko N. D.
Criminological characteristics of juvenile delinquency: basic concepts and problems in the Russian Federation (pp. 101–108)

Burakov I. V., Katsarskaya V. A.
Current problems of human trafficking (pp. 109–115)

Vasilyeva A. S., Streltsov V. V.
The interrelation of external signs of information hiding with the possible use by an employee of the internal affairs bodies of various methods of counteracting a polygraph test (pp. 116–121)

Vasilkovich S. V., Ivanenko I. N. (research advisor)
Establishing of administrative responsibility and imposing penalties in case of violation of the pricing procedure (pp. 122–127)

Gidzev A. M., Popova L. I.
Limitation of performance due to gaming and abuse of alcohol or narcotic substances (pp. 128–134)

Gnidovskiy V. V.
Features of a land plot as an object of civil law relations (pp. 135–143)

Grishko D. Ye., Izmaylova D. E.
Discrimination in labor law (pp. 144–151)

Divanyan E. S., Maslennikova L. V.
To the question of the exchange commodity (pp. 152–157)

Demirova A. V.
Social protection of families with children in Russia and abroad (pp. 158–163)

Yefimiadi Ye. A., Medvedev S. S.
Criminal-legal aspects of the murder of a newborn child by a mother (pp. 164–172)

Ivanenko I. N., Panova K. V.
Problematic aspects of administrative responsibility of military personnel (pp. 173–180)

Ilyina K. Ye., Potapalskaya L. V.
The ratio of criminal and administrative responsibility according to the degree of public danger (pp. 181–187)

Isayeva M. A., Kislyy O. A.
Development prospects of the criminology in cyberspace (pp. 188–201)

Karachevtsev S. S.
Carrier's liability for shipping (pp. 202–207)

Kartavchenko V. V., Konovalov A. S.
Features of sentencing for an unfinished crime (pp. 208–214)

Kaushan V. Ye., Medvedev S. S.
The highest position in the criminal hierarchy: problems of theory and judicial practice (pp. 215–225)

Kitko M. S.
Characteristic features of providing free legal advice on the example of the activity of a legal clinic (pp. 226–231)

Kochyan A. Ye.
Protection of the exclusive right to a trademark (pp. 232–236)

Kuzovikhina M. S., Medvedev S. S.
Features of criminal liability of minors (pp. 237–245)

Kuzovikhina M. S., Chernov Yu. I.
Features of the audit in the field of agriculture (pp. 246–250)

Lapik S. A., Medvedev S. S.
The problem of broad interpretation of the disposition of Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (pp. 251–256)

Manasyan R. V., Yushko A. V.
Administrative and legal means of combating corruption in the public service system (pp. 257–264)

Markaryan G. S.
Problems of Pension Reform Implementation in the Russian Federation (pp. 265–269)

Makhmutova M. R.
Topical issues of using the rules of prejudice in the commission of crimes in the economic sphere (pp. 270–277)

Naryshkina A. V., Stepanova K. V. (research advisor)
Features of the definition of punishment for persons who have committed crimes of small and medium gravity (pp. 278–287)

Nikolayeva Ye. V.
Prevention of youth criminal subculture (pp. 288–294)

Pavlov O. S., Chernov Yu. I.
Issues of administrative and legal regulation in the field of information security (pp. 295–300)

Palazin S. A., Chernov Yu. I., Shcherbakov A. A.
Administrative regulations in the field of road safety (pp. 301–307)

Partsvaniya O. G., Chernov Yu. I.
Administrative and legal regulation of forced migration (pp. 308–313)

Plishkina K. R.
Image of a municipal employee as a subject of socio-political analysis (pp. 314–321)

Pobortsev Ye. I.
Centralization and decentralization of public administration in Russia (pp. 322–329)

Polushkina M. D., Yushko A. V.
Subjects authorized to consider cases of administrative offenses (pp. 330–338)

Prokopenko D. A.
On the subject of the contract of compulsory liability insurance of vehicle owners (pp. 339–343)

Sinyagovskiy V. R.
Problematic aspects of determining the standards of proof (pp. 344–350)

Suleymanov E. E., Shulga A. K.
The right to public display and public performance of an audiovisual work (pp. 351–358)

Sukharukov A. Yu.
Problems of private land ownership in Russia (pp. 359–363)

Tishik A. I.
Specificity of legal advice to students in the higher education system (pp. 364–368)

Fakhrutdinov I. G.
Servitude in the draft of changes in real rights (pp. 369–375)

Shevkoplyas S. N., Chernov Yu. I. (research advisor)
Administrative and legal protection of quarantine measures (pp. 376–383)

Shubina P. Ye., Krutova Ya. A. (research advisor)
The problem of the effectiveness of administrative responsibility for corruption offenses (pp. 384–392)

Shcherbakov A. A.
Specific features of the collective agreement in the labor legislation of Russia (pp. 393–398)

УДК/UDC 165.6

Влияние идей Л. Витгенштейна на развитие аналитической философии XX в.

Заруба Даниил Сергеевич
студент экономического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: daniilzaruba2@mail.ru

Очак Павел Константинович
студент экономического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: pavel.ochak0@gmail.com

Аннотация

В данной статье рассматривается вклад Л. Витгенштейна в философию языка на основе лингвистических исследований и математического языка. Исследуются особенности аналитической философии XX в., указываются ее основные признаки. Отмечается, что аналитическая философия — это философия языка, которая определяет основополагающую роль языка и речи в познании и структурах сознания и знания. Согласно представлениям Л. Витгенштейна значение слова — это его употребление в языке. При этом язык — социальное явление; индивидуальный язык невозможен. В работе также приводятся основные идеи других ученых — представителей аналитической философии, а также ученых, позднее развивших идеи Л. Витгенштейна. Авторы приходят к выводу о значимости учения Л. Витгенштейна для развития философии XX в.

Ключевые слова: аналитическая философия, язык, проблема, мысли, сознание, методы, анализ.

The influence of L. Wittgenstein's ideas on the development of analytical philosophy of the twentieth century

Zaruba Daniil Sergeyevich
student of the Faculty of Economics
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: daniilzaruba2@mail.ru

Ochak Pavel Konstantinovich
student of the Faculty of Economics
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: pavel.ochak0@gmail.com

Abstract

This article examines the contribution of L. Wittgenstein to the philosophy of language on the basis of linguistic research and mathematical language. The features of the analytical philosophy of the XX century are investigated, its main features are indicated. It is noted that analytical philosophy is a philosophy of language that defines the fundamental role of language and speech in cognition and structures of consciousness and knowledge. According to L. Wittgenstein, the meaning of a word is its use in language. Moreover, language is a social phenomenon; an individual language is not possible. The work also provides the main ideas of other scientists - representatives of analytical philosophy, as well as scientists who later developed the ideas of L. Wittgenstein. The authors come to the conclusion about the importance of L. Wittgenstein's teachings for the development of philosophy of the XX century.

Key words: analytical philosophy, language, problem, thoughts, consciousness, methods, analysis.

В XX в. широкое распространение получила англо-американская традиция философии — аналитическая философия. Становление данной традиции в начале XX в. связано с ослаблением метафизической философии. Она сформировалась на базе британского неореализма Б. Рассела

и Дж. Э. Мура. Именно она положила начало развитию идей позднего Л. Витгенштейна.

Представители аналитической философии — это Б. Рассел, Дж. Э. Мур, Г. Фреге и Л. Витгенштейн. Б. Рассел обосновал философские начала математической логики и предложил доктрину логического атомизма [1, с. 17], развитую Л. Витгенштейном; Дж. Э. Мур критиковал традиционную этику и идеалистическую метафизику. К предшественникам аналитической философии можно отнести Дж. С. Милля, Д. Юма, Т. Гоббса, среди античных философов —Аристотеля, а также ярких представителей схоластики средних веков — Г. В. Лейбница и Р. Декарта.

Аналитическая философия изучает основания знания не только в эмпирической и чувственной форме, но и в логической и рациональной. Методы анализа человеческого опыта, выработанные в прошлые века, и разнообразные идеи позволяют углубиться в исследование языка, в котором осмысливается этот опыт [2].

Аналитической философии свойственны следующие признаки:

1) лингвистический редукционизм (философская идея, что все может быть описано или объяснено языком с ограниченным количеством концепций);
2) семантический акцент — акцентирование внимания на проблеме значения.
3) методологический уклон — приоритетное значение имеет метод анализа, разработка концепций и типологий по сравнению с другими методами получения эмпирических данных.

Характерная черта аналитической философии — детальное исследование языка с целью решить проблемы философии. Основные задачи философии анализа — это построение структуры мысли, соотнесение языка и реальности, а также разделение значимых и не несущих смысла выражений [3].

Аналитическая философия — это философия языка, которая определяет основополагающую роль языка и речи в познании и структурах сознания и знания. По некоторым теориям она возникла из-за неидеаль-

ности языка, неоднозначности как слов, так и выражений, которые тоже несовершенны [2]. Задача философии состоит в том, чтобы построить совершенный язык, который мог бы сразу же решить все философские проблемы. Поэтому аналитическая философия — логико-философское направление, стремящееся к формализации и идеалу языка. Данным вопросом занимались последователи Л. Витгенштейна: О. Нейрат, Ш. Мориц и Р. Карнап. Они выдвинули установку верификационизма, которая заключалась в том, что научность знания может быть подкреплена или опровергнута только в том случае, если все высказывания и предложения языка можно свести к эмпирической проверке. Т. е. чтобы «установить смысл предложения, надо заранее знать определенный прием, устанавливающий, когда предложение должно считаться верифицированным». «Именно научный язык имеет преимущество над повседневным, т. к. его символы могут восприниматься в только одном смысле» [1, с. 46].

Ф. Вайсман выделял два мнения насчет верификации предложения: «Первое таково: как бы я ни пытался, я никогда не смогу полностью верифицировать предложение. Предложение всегда остается открытым, словно черный ход. Что бы мы не делали, мы никогда не уверены, что не ошиблись; другое: если я никогда не смогу полностью верифицировать смысл предложения, тогда я и не могу ничего под предложением подразумевать. Тогда предложение вовсе ничего не означает» [1, с. 45].

По предположению Л. Витгенштейна, создание идеального языка будет кстати для научно-философских целей, поэтому язык математической логики подходит лучше других, но осуществлять множество иллокутивных актов или языковых игр на данном языке исключено.

В связи с Второй мировой войной Л. Витгенштейн был вынужден перебраться в Кембридж, где он до конца своих дней работал над «Философскими исследованиями».

В его работе язык понимался очень узко. Лишь тот опыт считается знанием, который можно передать с помощью языка. Применительно к аналитической философии знанием является индивидуальный и социальный опыт, передающийся посредством языка, который представля-

ет положительную или отрицательную ценность, требующий понимания умом. Также в работе рассматривались предложения в изъявительном наклонении, но Л. Витгенштейн писал, что большинство предложений языка несводимо к изъявительному наклонению, поэтому они не могут быть подвержены эмпирической проверке. Различные высказывания Л. Витгенштейн именовал языковыми играми и считал их формами жизни. По Витгенштейну наш язык — старинный город: «лабиринт маленьких улочек и площадей, старых и новых домов, домов с пристройками разных эпох; и все это окружено множеством новых районов с прямыми улицами» [4, с. 18]. Языковые категории абстрактны, т. к. они включают совокупность явлений мира, и неточны, потому что постоянно уточняются другими. Каждое сложное предложение является результатом синтеза простых предложений и каждая сложная категория является результатом синтеза простейших осязаемых категорий. Вытекает новая задача философа — помочь человеку разобраться в многозначности обыденного языка.

Развивая положение о значении слова, Л. Витгенштейн выводит это положение в знаменитой максиме: «. . . значение слова — это его употребление в языке. . . » [4, с. 43]. Он разрабатывает теорию значения, назвав ее семейными сходствами — «сложная сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом сходств в большом и малом» [4, с. 67]. Получается, что невозможно выявить что-то общее, что могло бы быть у всех, хотя значения слов и пересекаются друг с другом, поэтому нет ни полностью синонимичных слов, ни омонимов. В контексте одно слово мы можем понять по-разному. Один из учеников Л. Витгенштейна, аналитик С. Крипке, назвал такие слова «нежесткими десигнаторами»: их значение меняется при перемене ситуации, в которой произносится слово. Однако есть слова, которые не меняют своего значения при переходе из одной ситуации в другую, например фамилии, имена, отчества и числа. Их аналитик назвал «жесткими десигнаторами».

Л. Витгенштейн доказал, что язык — социальное явление; индивидуальный язык невозможен. Язык, как предполагал Л. Витгенштейн, связан с сознанием человека. «Границы моего языка означают границы моего мира. <...> Тот факт, что мир есть мой мир, проявляется в том, что границы языка (единственного языка, который понимаю я) означают границы моего мира» [5]. Тема сознания действительно очень интересовала поздних аналитиков (например, Г. Райл посвятил этому книгу «Понятие сознания» — альтернативная аналитическая философия). В книге отмечено: для того чтобы проникнуть в чужое сознание, необходимо либо наблюдать за поведением индивида, либо довериться его свидетельству, однако и то, и другое может быть ненастоящим, искусственным.

«Философские исследования» были с восхищением приняты философскими сообществами. Благодаря работе Л. Витгенштейна создавались новые теории. Дж. Остин и Дж. Серль построили теорию речевых актов (как производить действия при помощи одних слов, т. е. высказывание совпадает с действием). Дж. Уиздом разрабатывает теорию лингвистической терапии, смысл которой в том, что язык лечит говорящего и слушающего (здесь наблюдается пересечение аналитической философии и психоанализа). Дж. Хадсон разрабатывает лингвистическую апологетику (что взаимоотношения человека с Богом — разновидность языковой игры). Также возникла философия вымысла, которая предполагала, что существование некоторых личностей, вещей по факту не было, они существуют в некотором возможном мире, но мы ничего не можем знать о природе этого мира [6].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что ключевую роль в развитии аналитической философии сыграл Л. Витгенштейн, который представлял тип философствования, связанный с анализом значения языковых выражений, причем они берутся вне их использования. Значения трактуются как автономные — конкретные или абстрактные — объекты, сущности, соответствующие языковому выражению. Но это — верный путь к тому, чтобы наполнить мир философского рассуждения магическими объектами и отношениями. «Итог философии — обнару-

жение тех или иных явных несуразиц и тех шишек, которые набивает рассудок, наталкиваясь на границы языка. Именно эти шишки и позволяют нам оценить значимость философских открытий. . . » [4, с. 119].

Список литературы

1. Аналитическая философия: становление и развитие (Антология) / Под. ред. А. Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс — Традиция, 1998. 528 с.

2. Еникеев А. А. Методологические парадигмы исследования философского текста // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 4. С. 16–23.

3. Еникеев А. А. От герменевтики к философии текста: логика развития лингвистической философии XX в. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 3. С. 9–12.

4. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2018. 352 с.

5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: АСТ, 2018. 118 с.

6. Еникеев А. А. Проблема чтения и письма в контексте поэтики и прагматики философского текста // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 122. С. 867–887.

References

1. Analytical philosophy: formation and development (Anthology) / Under. ed. A. F. Gryaznova. M.: House of intellectual books, Progress — Tradition, 1998. 528 p.

2. Enikeev A. A. Methodological paradigms of the study of the philosophical text // Humanities and social sciences. 2019. No. 4. Pp. 16–23.

3. Enikeev A. A. From hermeneutics to the philosophy of the text: the logic of the development of linguistic philosophy of the twentieth century. // Society: philosophy, history, culture. 2018. No. 3. Pp. 9–12.

4. Wittgenstein L. Philosophical studies. Moscow: AST, 2018. 352 p.

5. Wittgenstein L. Logical and philosophical treatise. Moscow: AST, 2018. 118 p.

6. Enikeev A. A. The problem of reading and writing in the context of poetics and pragmatics of a philosophical text // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2016. No. 122. Pp. 867–887.

УДК/UDC 336.221

Мировые тенденции в налоговом администрировании

Максименко Александр Андреевич
студент экономического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: dandelionstudy@mail.ru

Поликанова Елизавета Владимировна
студентка экономического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: dandelionstudy@mail.ru

Полинская Марина Валерьевна
кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры финансов
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: krovldom@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассмотрены основные направления развития государственного налогового менеджмента в зарубежных странах и проведен анализ их влияния на налогоплательщиков. Изучены три основные современные тенденции в налоговом администрировании: цифровизация документооборота и работы налоговых органов, индивидуальный (клиентоориентированный) подход в работе с налогоплательщиками и переход на институциональные методы борьбы с теневой экономикой. Выявлены положительные и отрицательные стороны данных явлений и их роль в формировании устойчивой системы налоговых органов с целью упрощения взаимодействия с налоговой службой для налогоплательщиков, формировании прозрачности финансовых потоков, борьбы с незаконной деятельностью, связанной с полным или частичным уклонением от налогов и увеличением налоговых поступлений от физических и юридических лиц в государственные бюджеты разных уровней.

Ключевые слова: налоги, государственный налоговый менеджмент, мировые тенденции.

Global trends in tax administration

Maksimenko Aleksandr Andreyevich
student of the Faculty of Economics
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: dandelionstudy@mail.ru

Polikanova Yelizaveta Vladimirovna
student of the Faculty of Economics
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: dandelionstudy@mail.ru

Polinskaya Marina Valeryevna
Candidate of Economics, assistant professor, Professor of the Department of Finance
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: krovldom@mail.ru

Abstract

This article examines the main directions of development of state tax management in foreign countries and analyzes their impact on taxpayers. Three main modern trends in tax administration have been studied: digitalization of document flow and the work of tax authorities, an individual (client-oriented) approach to working with taxpayers and the transition to institutional methods of combating the shadow economy. The positive and negative aspects of these phenomena and their role in the formation of a stable system of tax authorities in order to simplify interaction with the tax service for taxpayers, the formation of transparency of financial flows, the fight against illegal activities associated with full or partial tax evasion and an increase in tax revenues from individuals are revealed. and legal entities to state budgets of different levels.

Key words: taxes, state tax management, global trends.

Работа налоговых органов в разных странах значительно изменилась за последнее десятилетие и продолжает меняться дальше. Сейчас в мире сформировались основные тенденции развития налогового администрирования, которые приводят к изменению всей налоговой системы в целом, в т. ч. и налоговых поступлений от физических и юридических лиц. Как известно, управлением этими потоками занимаются налоговые органы.

В развитых зарубежных странах происходят значительные изменения в области роста прозрачности налогообложения, снижения уровня теневой экономики.

Существуют два основных способа неуплаты налогов:

1) использование неточностей и несовершенства налогового законодательства, что является легальным методом для их оптимизации налогоплательщиком, но оказывающим негативное влияние на бюджет;
2) использование нелегальных методов полного или частичного сокрытия налогов от государства, что образует теневую экономику в целом [1].

Именно поэтому в налоговом администрировании все чаще внедряются инновационные методы выявлений налоговых правонарушений.

В мировом сообществе одной из главных тенденций последних десяти лет является всеобщая цифровизация и частичный переход на электронную налоговую отчетность, что значительно повысило возможности налоговых органов в поиске лиц, уклоняющихся от уплаты налогов, а также помогло в частичном повышении производительности труда сотрудников налоговых органов. Это произошло благодаря уменьшению бумажной документации и введению специальных программ для работы с цифровой отчетностью, что оптимизировало транспортные расходы, расходы на хранение, переработку, утилизацию, позволило увеличить объем работы на одного сотрудника, а также повысило уровень удовлетворенности налогоплательщиков работой налоговых органов [2].

Другая, но не менее важная мировая тенденция в государственном налоговом администрировании — переход налоговых органов к клиентоориентированному взаимодействию с налогоплательщиками.

Данный подход решает сразу три основные проблемы.

Во-первых, это предоставление определенных льгот, отсрочек платежей, уменьшения или полного освобождения от уплаты налогов на какой-либо период для налогоплательщиков, попавших в тяжелую жизненную ситуацию, или по другим причинам, приводящим к невозможности заплатить данные налоги, а также обслуживание налогоплательщиков по принципу «одного окна».

Во-вторых, это уменьшает социальную напряженность в обществе и повышает уровень доверия граждан как к государству в целом, так и к налоговым органам в частности.

В-третьих, это уменьшает влияние и размер теневой экономики и коррупции, делая ее менее выгодной для налогоплательщиков, чем оплата налогов в полном объеме, благодаря последовательной работе с ними на основе диалога, т. е. демократическому подходу [3].

Другой тенденцией в налоговом администрировании является переход на институциональные методы борьбы с теневой экономикой. Это обозначает создание в обществе таких условий, чтобы неуплата налогов была невыгодна как физическим, так и юридическим лицам из-за того, что создание и реализация схем по сокрытию от государства налогов станет дороже, чем уплата этих же налогов. Наряду с этим предприятие может попасть в зону налогового риска в части признания его недобросовестным налогоплательщиком, что приведет к потере деловой репутации и значительно сократит возможную прибыль компании [4].

Такой ситуации можно достичь, если также произойдет формирование устойчивой институциональной среды, направленной на противодействие коррупции. Для этого необходимо:

1) введение дополнительного контроля за коррупцией во всех отраслях власти с помощью введения видео- и аудиоконтроля за чиновниками;

2) увеличение административной и уголовной ответственности для всех участников противозаконной финансовой деятельности;
3) повышение общего уровня финансовой, экономической и налоговой грамотности населения посредством введения в школах, колледжах и институтах обязательного обучения по данным направлениям;
4) проведение мероприятий для повышения доверия граждан к государству и государственным органам, таким как налоговая служба, в результате чего будет наблюдаться уменьшение фактов уклонения от налогов и будут создаваться условия потери деловой репутации для лиц, которые занимаются подобной деятельностью [5].

Создание условий, обеспечивающих максимальное поступление налогов в бюджет, является одной из самых главных целей налогового администрирования, и практически все основные мировые тенденции прямо или косвенно направлены на это. Налоговая система развивается с каждым годом и становится более прозрачной, понятной и доступной. Такая тенденция сможет оказать позитивное влияние на наше будущее и создать условия для формирования комфортной жизни для каждого человека.

Список литературы

1. Ермасова Н. Б. Государственные и муниципальные финансы: теория и практика в России и в зарубежных странах. М.: Высшее образование, 2018. 128 с.

2. Полинская М. В., Левшукова О. А., Гончарова Н. А. Оценка эффективности государственного налогового менеджмента // Экономика и предпринимательство. 2018. № 5 (94). С. 54–58.

3. Полинская М. В., Талаян А. А. Налоговое администрирование в России в период пандемии и направления его совершенствования // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 11. С. 219–224.

4. Лыкова Л. Н., Букина И. С. Налоговые системы зарубежных стран. М.: Юрайт, 2018. 162 с.

5. Шувалова Е. Б., Климовицкий В. В., Пузин А. М. Налоговые системы зарубежных стран. М.: Дашков и Ко, 2017. 124 с.

References

1. Ermasova N. B. State and Municipal Finance: Theory and Practice in Russia and in Foreign Countries. M.: Higher education, 2018. 128 p.

2. Polinskaya M. V., Levshukova O. A., Goncharova N. A. Assessment of the effectiveness of state tax management // Economics and Entrepreneurship. 2018. No. 5 (94). Pp. 54–58.

3. Polinskaya M. V., Talayan A. A. Tax administration in Russia during a pandemic and directions for its improvement // Actual problems of modern economy. 2020. No. 11. Pp. 219–224.

4. Lykova L. N., Bukina I. S. Tax systems of foreign countries. M.: Yurayt, 2018. 162 p.

5. Shuvalova E. B., Klimovitsky V. V., Puzin A. M. Tax systems of foreign countries. M.: Dashkov and Co, 2017. 124 p.

УДК/UDC 338.2

Трансформация европейского газового рынка в связи с созданием единого газового хаба Trading Hub Europe

Таганова Мария Михайловна
студентка специализированной кафедры ПАО «Газпром»
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: taganova.mgn@mail.ru

Аннотация

В данной работе рассмотрены перспективы трансформации биржевой торговли на газовом рынке Европы. Автором выявлены основные тенденции биржевой торговли на рынке природного газа и выполнен анализ ликвидности газовых хабов. В работе рассмотрено создание единого европейского газового хаба в Германии, что может стать ключевым событием для всего мирового сообщества. Основные результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что увеличение ликвидности на новом немецком газовом хабе все еще остается открытым вопросом, особенно в долгосрочной перспективе. Ряд факторов могут препятствовать его развитию и приобретению более конкурентных преимуществ по сравнению с хабом TTF. Тем не менее создание нового немецкого хаба представляет особый интерес для всех энергетических компаний мира.

Ключевые слова: газовый рынок, биржевая торговля, европейский газовый хаб.

Transformation of the European gas market due to the creation of the Trading Hub Europe

Taganova Mariya Mikhaylovna
student of the specialized department of "Gazprom"
Saint Petersburg State University of Economics
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: taganova.mgn@mail.ru

Abstract

This research examines the prospects for the transformation of gas trading in the European gas market. The author identified the main trends in natural gas trading and analyzed the liquidity of gas hubs. The work considers the creation of a new European gas hub in Germany, which could become a key event for the entire world community. The main results of the analysis suggest that increasing liquidity at the new German gas hub is still an open question, especially in the long term. A number of factors can impede its development and acquisition of a more competitive advantage compared to the TTF hub. However, the creation of a new German hub is of particular interest to all world energy companies.

Key words: gas market, gas trading, European gas hub.

Актуальность вопроса трансформации газового рынка подчеркивается изменением энергобалансов стран в связи с тенденциями декарбонизации экономики, появлением новых участников на газовом рынке, а также прочими факторами.

Процесс либерализации газового рынка является длительным и развитие показателя достаточной ликвидности газового хаба может быть вызвано многочисленными факторами. Действительно, британскому NBP и голландскому TTF понадобилось более десяти лет, чтобы достичь того высокого уровня ликвидности, на котором они остаются до сих пор [1].

Восточноевропейским странам потребовалось гораздо больше времени для либерализации и развития своих газовых рынков, а некоторые еще не создали торговых хабов даже после пятнадцати лет после принятия газовых директив Европейского Союза (далее по тексту — ЕС) [2].

Предполагается, что со временем каждое государство — член ЕС будет иметь свой собственный газовый хаб, в который и из которого будут продаваться физические объемы газа, тем не менее возможно, это никогда не будет реализовано в полной мере.

Наиболее развитой частью Европы с точки зрения либерализованных газовых хабов является северо-западный макрорегион.

Сумма торгуемых мощностей на газовых хабах Европы [1]

Хаб	**Сумма торгуемых мощностей, ТВтч**						
HUB	2008	2011	2017	%	2018	%	2019
TTF	560	6295	23460	+20	28220	+43	40390
NBP	10620	18000	20970	−28	15105	−17	12480
NCG	360	880	1730	+2	1760	+25	2205
GPL		310	1130	+2	1150	+20	1375
PSV	160	185	945	+12	1060	+36	1440
TRF	185	430	640	+18	780	+24	970
VTP	165	170	530	+23	650	+34	870

Таблица 1

Показатель, который доказывает, что газовый хаб TTF вырос почти экспоненциально за последние годы, — это общий объем торгов. Предполагается, даже если некоторые другие европейские хабы продолжат развиваться и увеличивать объемы торгов, они не смогут соответствовать ни темпам роста, ни абсолютным объемам, зафиксированным на хабе TTF.

Как показано в табл. 1, общие объемы торгов на TTF увеличились более чем на 40% в годовом исчислении до высокого уровня — 40,390 ТВтч, что в три раза больше, чем у его ближайшего конкурента, британского NBP, который продавал 12 480 ТВтч, и в 11 раз больше, чем у двух немецких хабов вместе взятых. Объемы торгов TTF в настоящее время составляют 79% от общего объема торгуемого газа на европейском рынке.

Стоит отметить, что на третьем месте находится немецкий газовый хаб NCG, который значительно увеличивает свои объемы торгов с каждым годом, в особенности крупный прирост произошел в 2019 г.

21 апреля 2021 г. в Берлине был подписан договор о сотрудничестве, который предусматривает слияние двух газовых рынков GASPOOL

и NetConnect Germany (NCG) для формирования единой рыночной зоны Trading Hub Europe (THE) [1].

Trading Hub Europe GmbH будет работать из двух офисов в Берлине и Ратингене. Дата запуска рыночной зоны — 1 октября 2021 г. Предстоящее слияние двух рынков природного газа Германии предоставит крупнейшим потребителям газа в Европе новый торговый центр, расположенный на границе между Западной и Восточной Европой.

Но еще неизвестно, станет ли недавно созданный газовый хаб высоколиквидным торговым центром для всей Европы или останется на позициях после гораздо более ликвидного TTF.

NCG и GASPOOL являются одними из наиболее торгуемых рынков Европы, уступая по ликвидности только голландскому TTF и британскому NBP [1]. Но разрыв значительный, и в последние годы он только увеличился. Однако единый немецкий хаб будет иметь некоторые преимущества перед TTF.

Германия потребляет больше природного газа, чем любая другая европейская страна, намного превосходя второго по величине потребителя в регионе — Великобританию и практически в два раза превосходя показатели потребления природного газа в Нидерландах. Более того, Германия продолжит служить крупнейшим пунктом входа в Северо-Западную Европу для поставок трубопроводного газа из Норвегии и России, особенно после завершения строительства газопровода Nord Stream 2 объемом 55 млрд куб. м [3].

Кроме того, хотя Германия по-прежнему находится в некотором отдалении от мировых рынков сжиженного природного газа (далее по тексту — СПГ), на рассмотрении находится строительство новых терминалов в трех местах — Вильгельмсхафен, Брунсбюттель и Штаде, которое планируется завершить в 2023–2024 гг. [1]. Завершение строительства этих объектов свяжет Германию напрямую с мировыми рынками СПГ.

В стране также находится самая большая в Европе совокупная емкость хранилищ — четвертая по величине в мире после США, России и Украины [2].

Немецкие рынки уже нашли применение в качестве вспомогательных хабов для менее ликвидных рынков Центральной и Восточной Европы, от Чешской Республики до Украины.

NCG и GASPOOL уже достаточно ликвидны, и некоторые фирмы могут индексировать свои контракты на поставку и хранение газа в Центральной и Восточной Европе. Единый немецкий хаб мог бы предоставить этим развивающимся рынкам более географически выгодно расположенный газовый хаб, чем TTF.

Таким образом, увеличение ликвидности на новом немецком газовом хабе все еще остается открытым вопросом, особенно в долгосрочной перспективе. Ряд факторов может препятствовать его развитию и приобретению более конкурентных преимуществ по сравнению с TTF.

В результате проведенного анализа можно прийти к выводу о том, что ведущая роль Германии как потребителя на рынке природного газа Европы [3], а также перспективы развития немецкого рынка СПГ приведут к увеличению объема торгов на объединенном газовом хабе Trading Hub Europe. Мировым компаниям, вовлеченным в производство и сбыт природного газа, рекомендуется следить за возможной трансформацией европейского газового рынка в целях составления прогнозов по продаже объемов природного газа на европейских газовых хабах.

Список литературы

1. Mandel J. Germany's new gas hub faces uphill fight for liquidity // Argusmedia. URL: https://www.argusmedia.com/en/blog/2020/july/15/germanys-new-gas-hub-faces-uphill-fight-for-liquidity (дата обращения: 20.05.2021).

2. Quarterly Gas Review: Short and Medium Term Outlook for Gas Markets // The Oxford Institute for Energy Studies. URL: https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2021/01/Gas-Quarterly-Review-Issue-12.pdf (дата обращения: 20.05.2021).

3. Gas 2020 // International Energy Agency. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/555b268e-5dff-4471-ac1d-9d6bfc71a9dd/Gas_2020.pdf (дата обращения: 20.05.2021).

References

1. Mandel J. Germany's new gas hub faces uphill fight for liquidity // Argusmedia. URL: https://www.argusmedia.com/en/blog/2020/july/15/germanys-new-gas-hub-faces-uphill-fight-for-liquidity (access date: May 20, 2021).

2. Quarterly Gas Review: Short and Medium Term Outlook for Gas Markets // The Oxford Institute for Energy Studies. URL: https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2021/01/Gas-Quarterly-Review-Issue-12.pdf (access date: May 20, 2021).

3. Gas 2020 // International Energy Agency. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/555b268e-5dff-4471-ac1d-9d6bfc71a9dd/Gas_2020.pdf (access date: May 20, 2021).

УДК/UDC 347.93

Значение и роль процедуры медиации в гражданском процессе

Аксенова Диана Сергеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: diankaaksenova49@gmail.com

Аннотация

В работе исследуются проблемы применения медиативных процедур, отмечается их значимость при разрешении споров и защите прав и законных интересов граждан. Анализируются положения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Выделяются такие преимущества медиации, как значительное снижение размеров судебных издержек, обеспечение сторонам возможности контроля за разрешением спора и достижением его результатов, уменьшение нагрузки на суды. Особое внимание уделяется научно-правовым проблемам, таким как соотношение понятий медиативное и мировое соглашение, а также значению, роли основных принципов, на которых базируется процедура медиации. По мнению автора, особенно целесообразно и эффективно применение данной процедуры будет в трудовых и брачно-семейных правоотношениях.

Ключевые слова: медиатор, процедура медиации, примирительные процедуры, медиативное соглашение, добровольность, добросовестность, конфиденциальность.

The meaning and role of the mediation procedure in civil proceedings

Aksenova Diana Sergeyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: diankaaksenova49@gmail.com

Abstract

The paper examines the problems of using mediation procedures, notes their importance in resolving disputes and protecting the rights and legitimate interests of citizens. The article analyzes the provisions of the Federal Law "On an alternative procedure for resolving disputes with the participation of a mediator (mediation procedure)". The advantages of mediation are highlighted such as a significant reduction in the size of legal costs, providing the parties with the opportunity to control the resolution of the dispute and the achievement of its results, and reducing the burden on the courts. Special attention is paid to scientific and legal problems, such as the relationship between the concepts of mediation and settlement agreement, as well as the meaning and role of the basic principles on which the mediation procedure is based. According to the author, the application of this procedure will be especially expedient and effective in labor and marriage and family relations.

Key words: mediator, mediation procedure, conciliation procedures, mediation agreement, voluntariness, good faith, confidentiality.

Одной из важнейших функций государства является защита законных прав и интересов граждан. А наиболее часто применяемым способом защиты при нарушении субъективных прав граждан является обращение в судебные органы. Однако стороны забывают, что есть внесудебные способы защиты. Таковой, например, является процедура медиации. Т. к. для России процедура медиации является сравнительно новой, Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее по тексту — ФЗ № 193) [1] вступил в силу только с 2011 г., то среди правоведов идет активное обсуждение возможности использования медиации при урегулировании споров, возникающих из гражданских правоотношений. Особенно целесообразно и эффективно применение данной процедуры, на наш взгляд, в трудовых и брачно-семейных правоотношениях.

Стоит сказать, о том, что процедура медиации не является популярной в применении. «Только за 2019 г. из 576856 оконченных дел в судах общей юрисдикции по страховым спорам в 17 случаях закон-

чилась применением процедурой медиации» [2, с. 647]. Во многом это обуславливается тем, что большинство граждан нашей страны просто не осведомлены, что такая процедура вообще предусмотрена, а также рядом факторов, к которым следует отнести высокую стоимость услуг профессиональных медиаторов, процессуальную пассивность сторон при разрешении гражданских споров и нежелание нести дополнительные финансовые затраты, а также высокую степень конфликтности отношений в обществе и низкий уровень правовой культуры. Поэтому в данной работе мы бы хотели отразить основные преимущества и значимость данной процедуры.

Медиация в соответствии с ФЗ № 193 — это одна из мирных процедур урегулирования споров при содействии третьего лица — медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения мирного решения по делу для обоих сторон. Стоит отметить активное участие суда в разрешении спора, ведь суд является компетентным органом, позволяющим найти общие точки соприкосновения у сторон, и, как гласит концепция Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГПК РФ), «значимость судебного примирения нельзя умалять» [3]. И мы с этим согласны, поскольку разрешение спора таким мирным способом позволит решить одну из насущных проблем — вопрос высокой нагрузки судей.

Как считают правоведы А. И. Крайнова и И. В. Гинсбург, «есть стороны гражданских правоотношений, где наиболее эффективно будет применение процедуры медиации» [4, с. 43], а именно в семейно-брачных отношениях и при разрешении трудовых споров. Если посмотреть на статистику в Краснодарском крае за 2019 г, то можно увидеть, что в регионе на 1000 браков приходится 790 разводов. Обусловлено это многими причинами. В судах общей юрисдикции чаще рассматриваются такие иски, как определение места жительства ребенка после развода, взыскание алиментных платежей и др. Такие семейные споры разрешаются репрессивным инструментарием, что приводит к длительному выяснению отношений между бывшими супругами, и зачастую в таких делах

страдает именно ребенок. По нашему глубокому убеждению, семья — это институт, в котором медиация смогла бы стать деликатным инструментом решения проблемы, а в некоторых случаях, возможно, помогла бы примирить стороны и сохранить брак.

Согласно Справке о практике применения судами ФЗ № 193, за 2015 г. отмечалось широкое расширение географии размещения организаций медиаторов по сравнению с 2011 г., медиативные центры появились в 60 субъектах, но после возбуждения производства по делам в судах общей юрисдикции медиации использовалась только в 24 регионах [5]. Объяснение такой низкой применимости данной процедуры нам видится в существовании субъективных и объективных факторов. К первой группе можно отнести низкий уровень правовой культуры у граждан, недоверие к медиации как к процедуре в целом, а ко второй — слабую профессиональную подготовку медиаторов, выражающуюся в нехватке знаний по психологии и разрешению конфликтов, слабую законодательную базу по регулированию и разрешению споров. А потому предлагаем судам Краснодарского края проводить ряд организационных мер, направленных на информирование граждан о существовании и эффективности процедуры медиации. Такими мерами могут стать: развешивание буклетов на стендах информации в здании суда; размещение примерной формы медиативного соглашения на сайте суда; демонстрация примеров актов и судебных решений, отражающих положительную специфику рассматриваемых дел с применением процедуры медиации. А также предлагаем внести норму закона об обязательном применении процедуры медиации при разрешении семейно-правовых споров. Как отмечал О. В. Аболонин, «в России необходимо решить вопрос о наделении суда правом по некоторым категориям дел в принудительном порядке передавать конкретный спор медиатору для его мирного урегулирования» [6, с. 42].

Ст. 153.5 ГПК РФ закрепляет право сторон урегулировать спор с помощью процедуры медиации. Стороны вправе заключить медиативное соглашение на любой стадии судебного разбирательства до вынесения решения по делу. Правильное определение состава лиц, участвующих в

деле, судом представляется значимым, поскольку заключение как мирового, так и медиативного соглашения возможно именно между этими субъектами. «В случаях неправильного определения состава лиц могут быть затронуты права других лиц, которые не участвовали в деле, и, соответственно, в обозначенной ситуации на практике будет иметь место безусловное процессуальное нарушение как основание для отмены судебного акта, которым утверждено соответствующее соглашение» [7, с. 856]

Выступить с инициативой заключения такого соглашения могут как участники процесса, так и суд. При этом обязательно волеизъявление сторон спора. Как мы видим, процедура медиации основывается исключительно на принципах добровольности, равноправия сторон. Принцип добровольности имеет очень важное практическое значение, он раскрывает основную сущность медиации: стороны не только добровольно заключают медиативное соглашение, выражая свое согласие на переговоры, но и проявляют заинтересованность мирно урегулировать спор, сохранив при этом дружественные отношения, а «суд, принимая решения об отложении судебного разбирательства, выражает поддержку доброй воли сторон, поэтому этот способ решения спора является предпочтительным не только для участников спора, но и для государства» [8, с. 45].

Немаловажным является вопрос о соотношении принципов проведения процедуры медиации и принципов медиативного соглашения (ст. 3 и ст.12 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ). Сравнивая указанные в законе принципы, мы видим общим только принцип добровольности, принцип же добросовестности имеет огромное значение, и на это обращает внимание судебная практика. В Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан была рассмотрена аппеляционная жалоба Е. А. Бабушкиной к О. В. Бабушкиному. В период совместного проживания у О. В. Бакушкина и его супруги было нажито три автомобиля [9]. У ответчика образовались долги, за которые перед кредиторами отвечал он сам. Судебными приставами-исполнителями

был наложен арест на вышеназванное имущество. Исходя из того, что истец может лишиться части своего имущества по долгам супруга, за которые жена О. В. Бабушкина не отвечает, между ними возник спор по поводу раздела совместно нажитого имущества. Между супругами было заключено медиативное соглашение, по которому один автомобиль 1992 г. выпуска остается в собственности у О. В. Бабушкина, а два других — у его супруги. Изучив все материалы дела, суд сделал правильный вывод о том, что был нарушен принцип добросовестности заключения медиативного соглашения и не принял в качестве доказательства медиативное соглашение, подтверждающее право собственности супруга только на один автомобиль. Данное соглашение было заключено после обращения взыскания на имущество ответчика и нарушало права и законные интересы третьих лиц (в данном деле это права кредиторов). В науке принцип добросовестности отождествляют с принципом добропорядочности, открытости, что является одним из важных элементов вступления сторон в переговоры, потому предполагаем, что данный принцип должен быть включен в перечень принципов в ст. 3 ФЗ № 193.

В научной литературе поднимался вопрос, касающийся установления определенных ограничений принципа конфиденциальности. Так, Д. Н. Лямцева считает, что по общему правилу «конфиденциальность — это требование, состоящее в установлении запрета на разглашение сведений, ставших известных медиатору при проведении процедуры медиации» [10, с. 102]. Как считает Е. Н. Марченко, «конфиденциальность предполагает запрет на разглашение сведений, ставших известными при переговорах, однако оно не может обладать абсолютным характером, особенно если речь идет о ситуациях, связанных с противоправными и преступными действиями, которые могут иметь место в действиях представителей одной стороны в отношении охраняемых законом прав и законных интересов другой стороны» [11, с.128]. А ведь законодательство разрешает разглашение информации, только если на это будет дано согласие обоих сторон. Мы с этим не согласны. На наш взгляд, подобный пробел в законодательстве можно было бы решить путем введения до-

полнительной нормы права в п.1. ст. 6 ФЗ № 193 и сформулировать ее следующим образом: «При проведении процедуры медиации медиатор обязан разгласить информацию другой стороне, если из ее содержания будет ясно о намерениях совершения другой стороной запрещенных законом действий, способных повлиять на результаты процедуры медиации, не требуя при этом согласия сторон».

Как мы видим, принципы пронизывают красной нитью все стадии процедуры медиации, и одним из важнейших условий ее проведения является заключение сторонами медиативного соглашения в письменной форме. В научной литературе нередко поднимается вопрос о соотношении понятий «медиативное соглашение» и «мировое соглашение». В соответствии со ст. 12 ч. 3 ФЗ № 193 после передачи спора на рассмотрение суда между сторонами может быть заключено медиативное соглашение, которое может быть утверждено судом в качестве мирового. Из положения данной нормы неясно, будут ли являться данные понятия тождественными и является ли медиативное соглашение мировым? С мировым соглашением все намного сложнее: нет законодательного закрепления данного понятия, и в научной литературе существуют различные мнения о том, что можно считать мировым соглашением. По мнению И. А. Ясеновец, «мировое соглашение — это возможный результат примирения, для достижения которого стороны могут применять различные виды примирительных процедур и закреплять его в примирительном соглашении» [12, с. 29]. А. Ю. Коннов пишет следующее: «Само по себе мировое соглашение не является процедурой, поскольку не содержит ни элементов рассмотрения, ни элементов разрешения споров, а лишь является результатом применения какой-либо процедуры рассмотрения и разрешения споров (как правило, примирительной процедуры)» [13, с. 56]. Мы считаем правильным определять мировое соглашение как сделку. Мировое соглашение — это двусторонняя сделка (договор) об условиях окончания спора. Этот договор заключается между сторонами в особом порядке, урегулированном ст. 173 ГПК РФ, в нем оговариваются взаимные уступки сторон по отношению друг к другу, на которые они

идут в интересах прекращения дальнейшего разбирательства по делу. Понятие же медиативного соглашения закреплено в ФЗ № 193, согласно которому медиативное соглашение — это соглашение, достигнутое сторонами в результате применения процедуры медиации к спору или спорам, к отдельным разногласиям по спору и заключенное в письменной форме. Проанализировав данные понятия, можно выделить основные отличия: медиативное соглашение заключается посредством привлечения сторонами независимого лица — медиатора, он же является посредником в этом деле, а мировое соглашение — это сделка (договор), непосредственное взаимодействие двух сторон. Медиативное соглашение приобретает исполнительную силу в качестве мирового соглашения только после утверждения его судом, т. е. когда суд совершит надлежащее процессуальное действие. Таким образом, мы считаем, что нельзя отождествлять данные понятия, поскольку «мировое соглашение» и «медиативное соглашение» — это самостоятельные категории. И, как считает С. И. Калашникова – «очевидно, что не утвержденное судом медиативное соглашение не сможет быть приведено в исполнение как “традиционное” мировое соглашение. Однако в любом случае стороны сохраняют право воспользоваться упрощенным механизмом придания ему исполнительной силы, то есть удостоверить медиативное соглашение у нотариуса» [14, с. 4].

Таким образом мы приходим к следующим выводам: медиация является сравнительно новым и перспективным институтом гражданского процессуального права, представляющим один из переговорных способов урегулирования гражданско-правовых споров. Немаловажное значение имеют и такие факторы медиации, как значительное снижение размеров судебных издержек и обеспечение сторонам возможности контроля за разрешением спора и достижением его результатов. Кроме того, если бы суды в России были наделены правом принудительной передачи некоторых категорий дел для урегулирования медиатору, например в спорах, вытекающих из семейных правоотношений, то это позволило решить проблему высокой нагрузки на суды. Кроме того, по нашему

убеждению, в некоторых случаях удалось бы сохранить дружеские или хотя бы партнерские отношения между спорящими сторонами. Также мы считаем важным не отождествлять понятие «медиативное соглашение» и «мировое соглашение», поскольку данные понятия различны и представляют собой самостоятельные категории.

Список литературы

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 14.06.2021).

2. Юсупова А. Ф. Медиация как альтернативный способ разрешения споров в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 642-649.

3. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014. №124 (1)) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-172071/ (дата обращения: 14.06.2021).

4. Крайнова А. И., Гинзбург И. В. Применение медиации в гражданском процессе // Мир науки и образования. 2018. № 1 (13). С. 8.

5. Справка о практике применения судами Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 1. Январь. 2017.

6. Аболонин В. О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы // Вестник современных исследований. 2019. № 53.

7. Зеленская Л. А. Разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле в гражданском судопроизводстве // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 120. С. 857–869.

8. Соловьев В. Ю. Современные научно-практические проблемы применения медиации в гражданском судопроизводстве России // Образование и право. 2020. № 6. С. 173–179.

9. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 03 июля 2014 г. по делу № 33-8912/2014// Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://study.garant.ru/#/document/125771245/paragraph/1/doclist/7658/showentries/0/highlight/:0 (дата обращения: 14.06.2021).

10. Лямцева Д. Н. Медиация как альтернативный способ урегулирования споров в гражданском процессе // Современные тренды развития науки. Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 21.11.2018). Нижний Новгород: ООО «АРС-Рейтинг», 2018. С. 99–102.

11. Марченко Е. В. Некоторые проблемы медиации в гражданском процессе // Евразийская юридическая конференция: сборник статей II международной научно-практической конференции (Пенза, 23.11.2018). Пенза: Изд. МЦНС «Наука и просвещение», 2018. С. 128–130.

12. Ясеновец И. А. Мировое соглашение в гражданском процессе: актуальные проблемы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 184 с.

13. Коннов А. Ю. Понятие, классификация и основные виды альтернативных способов разрешения споров // Журнал российского права. 2004. № 12.

14. Калашникова С. И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 304 с.

References

1. On an alternative procedure for resolving disputes with the participation of a mediator (mediation procedure): Federal Law of 27.07.2010 No. 193-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (access date: June 14, 2021).

2. Yusupova A. F. Mediation as an alternative way of resolving disputes in civil proceedings // Questions of Russian justice. 2020. No. 7. Pp. 642–649.

3. The concept of a unified Civil Procedure Code of the Russian Federation (approved by the decision of the Committee on Civil, Criminal, Arbitration and Procedural Legislation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of 08.12.2014. No. 124 (1)) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071/ (access date: June 14, 2021).

4. Krainova A. I., Ginzburg I. V. Application of mediation in civil procedure // World of Science and Education. 2018. No. 1 (13). P. 8.

5. Certificate on the practice of application by the courts of the Federal Law of 27.07.2010 No. 193-FZ "On an alternative procedure for resolving disputes with the participation of a mediator (mediation procedure)"for 2015 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 22.06.2016) // Bulletin of the Supreme Court RF, No. 1. January. 2017.

6. Abolonin V. O. Judicial mediation: theory, practice, prospects // Bulletin of modern research. 2019. No. 53.

7. Zelenskaya L. A. Resolution of the issue of the composition of persons participating in the case in civil proceedings // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2016. No. 120. Pp. 857–869.

8. Soloviev V. Yu. Modern scientific and practical problems of the use of mediation in civil proceedings in Russia // Education and Law. 2020. No. 6. Pp. 173–179.

9. Appeal determination of the IC in civil cases of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated July 03, 2014 in case No. 33-8912 / 2014 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://study.garant.ru/#/document/125771245/paragraph/1/doclist/7658/showentries/0/highlight/ (access date: June 14 2021).

10. Lyamtseva D. N. Mediation as an alternative way of settling disputes in civil proceedings // Modern trends in the development of science. Collection of articles of the II All-Russian Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, 21.11.2018). Nizhny Novgorod: ARS-Rating LLC, 2018. Pp. 99-102.

11. Marchenko E. V. Some Problems of Mediation in Civil Procedure // Eurasian Legal Conference: Collection of Articles of the II International Scientific and Practical Conference (Penza, 23.11.2018). Penza: Ed. ICNS "Science and Education 2018. Pp. 128–130.

12. Yasenovets I. A. Amicable agreement in civil procedure: topical problems of theory and practice: author. diss. ... cand. jurid. sciences. M., 2002. 184 p.

13. Konnov A. Yu. Concept, classification and main types of alternative methods of dispute resolution // Journal of Russian law. 2004. No. 12.

14. Kalashnikova S. I. Mediation in the field of civil jurisdiction. M.: Infotropic Media, 2011. 304 p.

УДК/UDC 343.54

Первоначальный этап расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних

Андрианов Андрей Андреевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: andrianov1999kuban@gmail.com

Головин Михаил Васильевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: nina190478@yandex.ru

Аннотация

Преступления против семьи и несовершеннолетних являются особенной категорией. Они наносят вред не только отдельно взятым людям, но и обществу в целом, поскольку семья является основной его составляющей. Несовершеннолетние являются самой незащищенной категорией граждан. Многие из подобных преступлений очень сложно расследовать из-за больших временных промежутков между совершением преступного посягательства и заявлением в полицию. Подростки боятся сообщать о подобных деяниях из-за огласки и стыда. Чтобы продуктивно и рационально расследовать преступления рассматриваемой группы, необходимо провести неотложные следственные действия. Первоначальный этап расследования преступлений против семьи предусматривает использование всего спектра возможностей криминалистики. В частности, на первоначальном этапе расследования данной категории преступлений повышенное внимание необходимо уделять собиранию доказательств и проверке полученной по делу информации.

Ключевые слова: преступления против семьи и несовершеннолетних, расследование, первоначальный этап, доказательства.

The initial stage of the investigation of crimes against the family and minors

Andrianov Andrey Andreyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: andrianov1999kuban@gmail.com

Golovin Mikhail Vasilyevich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminalistics
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: nina190478@yandex.ru

Abstract

Crimes against the family and minors are a special category. They harm not only individual people, but also society as a whole, since the family is its main component. Minors are the most vulnerable category of citizens. Many of these crimes are very difficult to investigate due to the long time lag between a crime and a police report. Teenagers are afraid to report such acts because of the publicity and shame. In order to efficiently and efficiently investigate the crimes of the group in question, it is necessary to carry out urgent investigative actions. The initial stage of investigating crimes against the family involves the use of the full range of forensic capabilities. In particular, at the initial stage of the investigation of this category of crimes, increased attention should be paid to the collection of evidence and verification of the information received on the case.

Key words: crimes against the family and minors, investigation, initial stage, evidence.

На первоначальном этапе расследования преступлений против семьи в распоряжении следователя находится доказательственная и ориентирующая информация, достоверные и недостоверные сведения по делу. При рассмотрении вопроса о формировании доказательственной базы на первоначальном этапе расследования преступлений против семьи и несовершенных большое внимание необходимо уделить проверке достоверности получаемой информации. Данная деятельность предусматри-

вает формирование предмета доказывания, установление основных понятий, характеристик, классификацию проверяемой информации. Кроме того, речь идет об определении источников, принципов и правил, методов и приемов. Нельзя также забывать о таком аспекте, как фальсификация доказательств, которая представляет собой умышленную деятельность заинтересованных лиц, направленную на искажение и представление ложных фактов [1, с. 39].

В процессе расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних особую сложность вызывает установление времени совершения преступления. Время совершения преступления позволяет установить момент начала совершения преступных действий и момент их окончания, а также рассмотреть фазы, этапы и продолжительность преступления. Преступная деятельность происходит в окружающем мире, она отражается в материальных и идеальных источниках информации, вызывает изменения в окружающей обстановке. При исследовании временных характеристик легче смоделировать криминальную ситуацию. Установление времени совершения преступления осложнено также субъективным восприятием.

Установление временных параметров позволяет установить относимость тех или иных объектов материальной среды к преступлению, и наоборот, при отсутствии связи такие объекты теряют свое доказательственное значение. Сведения о времени совершения преступления следователь получает посредством личного восприятия, использования специальных знаний, а также при проведении экспертизы. При установлении времени преступления против семьи и несовершеннолетних следователь проводит сопоставление информации, логический и предметный анализ, исследует документы. Криминалистически значимая информация должна проверяться в момент ее получения посредством постановки конкретизирующих и контрольных вопросов при проведении следственных действий.

Соответственно, проверка криминалистически значимой информации должна проходить в режиме активного целенаправленного поиска.

На первоначальном этапе расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних следователь собирает и проверяет криминалистически значимую информацию. Зачастую такая проверка проводится посредством следственных действий. В результате следователь получает достоверную информацию о преступлении, о фактах и процессах.

При подготовке к проведению следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних необходимо придерживаться общих правил проведения следственных действий:

1) в ночное время следственные действия не должны проводиться;
2) проведение ряда следственных действий должно происходить на основании постановления следователя;
3) если при проведении следственных действий используются технические средства, то в протоколе необходимо сделать соответствующую отметку об их применении;
4) к проведению следственных действий следователь может привлечь оперативного работника, а также эксперта или специалиста.

Любое следственное действие предусматривает ведение протокола [2].

Перечень правил, предусмотренных для проведения следственных действий, закреплен в положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, однако он является далеко не исчерпывающим, поскольку в него входит ряд правил криминалистического характера, а также методики и рекомендации, разработанные для проведения подготовки того или иного следственного действия [3]. Например, речь идет о таком принципе, как самостоятельное решение вопроса следователем о том, какое следственное действие необходимо провести в той или иной ситуации. Кроме того, проведение следственного действия предполагает обеспечение безопасности каждого участника.

Следственные действия носят неотложный характер при наличии угрозы исчезновения следов, совершения нового преступления. При

проведении следственных действий необходимо собирать как доказательственную, так и ориентирующую информацию. Деятельность, направленная на проверку достоверности доказательств, включает в себя несколько этапов, которые в целом вписываются в общий познавательный процесс. Так, речь идет о построении модели следственной ситуации, ее изучении, об определении ключевой проблемы, а также установлении основного направления расследования. Далее на основе имеющейся информации следователь разрабатывает следственные версии, изучает сформулированные версии, ставит новые задачи расследования, а также определяет модель решения таких задач [4].

Проверка имеющейся информации происходит посредством сбора, анализа и оценки имеющихся доказательств. Сведения, имеющиеся в распоряжении следователя, должны быть тщательно проверены посредством использования специальных познаний, при привлечении специалиста и проведении судебной экспертизы. Самостоятельное решение следователем познавательных задач зачастую бывает достаточным для завершения этапа расследования.

При расследовании уголовного дела, связанного с подменой ребенка, незаконным усыновлением, разглашением тайны усыновления, а также неисполнением обязанностей по воспитанию детей, при неуплате средств на содержание ребенка назначаются автороведческая, генетическая, лингвистическая, судебно-иммунологическая экспертизы. Основной объем информации, подлежащей проверке при расследовании уголовного дела против семьи и несовершеннолетних, представляют заявления, обращения, ходатайства, показания, объяснения лиц, которые являются носителями данной информации. Большое значение при формировании доказательственной базы имеет проверка показаний потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого [1].

Необходимость проверки показаний обусловлена такими факторами, как наличие свойства добросовестно заблуждаться, а также непроизвольно вводить следствие в заблуждение, передавая ошибочную информацию. Помимо этого, встречаются случаи преднамеренного введе-

ния в заблуждение посредством передачи ложной информации. Добросовестное заблуждение связано с субъективной оценкой различных обстоятельств. Такое заблуждение обусловлено неблагоприятными условиями восприятия и запоминания объектов, о которых идет речь, ненадлежащей передачей информации, низким уровнем речевого общения, неудовлетворительным психическим состоянием субъекта, который сообщал информацию [4].

Когда речь идет о добросовестном заблуждении, то становится очевидно, что лицо непроизвольно и непреднамеренно искажает информацию, поскольку у самого допрашиваемого сформировалось ошибочное представление о происходящем. Наибольшую угрозу для установления достоверной информации о совершенном преступлении на первоначальном этапе расследования преступления против семьи и несовершеннолетнего несут преднамеренные искажения информации посредством дачи заведомо ложных показаний.

Большое количество затруднений при расследовании преступлений против семьи и несовершеннолетних вызывает проблема проверки информации, которая связана с усыновлением иностранными гражданами русских детей. В данном случае особое значение имеет международное сотрудничество. В настоящий момент, в период глобализации, происходит качественное и количественное изменение преступности, интернализация преступлений, растет количество преступлений, связанных с иностранным элементом. Основа международного сотрудничества представлена международными конвенциями и договорами. Однако важно понимать, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются только частью правовой системы. Правовая помощь предусматривает осуществление компетентными органами действий, связанных с расследованием преступления, которое находится в юрисдикции иностранного государства.

Список литературы

1. Противодействие предварительному расследованию и пути его преодоления: науч.-практ. пособие / Э.У. Бабаева. - Москва : Щит-М, 2001. 162 с.

2. Волчецкая Т. С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике: учебное пособие. Калининград, 2017. 95 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

4. Кручинина Н. В. Проблемы теории и практики проверки достоверности уголовно-релевантной информации в досудебном процессе: монография. М.: Вердикт-1М, 2003. 296 с.

References

1. Counteraction to preliminary investigation and ways to overcome it: scientific-practical. manual / E. U. Babaeva. - Moscow: Shield-M, 2001. 162 p.

2. Volchetskaya T. S. Modern problems of modeling in forensic science and investigative practice: textbook. Kaliningrad, 2017. 95 p.

3. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 12.18.2001. No. 174-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52. Art. 4921.

4. Kruchinina N. V. Problems of theory and practice of verifying the reliability of criminally relevant information in the pre-trial process: monography. M.: Verdict-1M, 2003. 296 p.

УДК/UDC 343.98

Понятие холодного оружия в науке и законодательстве Российской Федерации

Антипов Олег Владимирович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: oleg-antipov-99@mail.ru

Аннотация

Законодателем определено два основных определения, которыми оперируют нормативно-правовые и подзаконные нормативные акты, одно из которых несколько точнее выражает идею использования холодного оружия (при непосредственном контакте с объектом поражения). Так, законодатель указывает и то, каким критериям должен отвечать нож для отнесения к холодному оружию. Несмотря на устоявшееся отношение к определению холодного оружия, следует развить учение о холодном оружии не только в рамках науки криминалистики, но и в рамках науки уголовного процесса. Законодательно и технически определенные требования, предъявляемые к холодному оружию и его признакам, сводятся к его предназначению и пригодности к использованию. В статье рассматриваются особенности отнесения объектов к холодному оружию, а также предлагается решение вопроса об определении холодного оружия в законе.

Ключевые слова: холодное оружие, криминалистика, уголовный процесс, экспертиза холодного оружия, особенности определения.

The Concept of Edged Weapons in Science and Legislation of the Russian Federation

Antipov Oleg Vladimirovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: oleg-antipov-99@mail.ru

Abstract

The legislator has defined two main definitions, which are used by regulatory legal and by-laws, one of which somewhat more accurately expresses the idea of using cold steel (with direct contact with the target). So, the legislator also indicates what criteria a knife must meet to be classified as a melee weapon. Despite the well-established attitude to the definition of edged weapons, the doctrine of edged weapons should be developed not only within the framework of the science of forensic science, but also within the framework of the science of criminal procedure. Legislatively and technically defined requirements for melee weapons and their features are reduced to its purpose and suitability for use. The article discusses the features of classifying objects as melee weapons, and also proposes a solution to the issue of defining melee weapons in the law.

Key words: edged weapons, criminalistics, criminal procedure, expertise of edged weapons, specifics of the definition.

Высокая криминогенность населения, сложившаяся обстановка в отношениях между правоохранителями и простыми гражданами, вызванная жизненными сложностями последних лет, предопределяет необходимость развития криминалистических исследований в различных правлениях. Особую тревогу вызывает увеличение количества преступлений против жизни и здоровья личности, совершаемых посредством использования холодного оружия: оно наиболее удобно для совершения угроз при грабежах и нанесении ранений при разбойных нападениях, его легко спрятать, а также проще использовать в непосредственной близости от объекта посягательства. Все вышеуказанное формирует криминалистическое значение методики расследования преступлений, совершаемых с использованием холодного оружия, а также определяет необходимость производства экспертиз по делам, в которых фигурирует использование такого оружия [1].

Прямое назначение экспертизы холодного и метательного оружия позволяет решить вопрос об отнесении использованного в процессе совершения преступления средства к холодному оружию, что определяет квалификацию совершенного деяния: зачастую используемое при соверше-

нии преступлений орудие является производственным или хозяйственно-бытовым по своему назначению и не обладает признаками, присущими холодному оружию [2].

Криминалистическая наука, несмотря на свое стремительное развитие, до сих пор не выработала единого подхода к определению холодного оружия, а именно к тому, какие объекты к нему следует относить. Несмотря на это, законодателем уже давно определены вопросы, связанные с объектами, относящимися к холодному оружию.

В законодательстве и технической литературе встречаются два основных определения, одно из которых несколько точнее выражает идею использования холодного оружия (при непосредственном контакте с объектом поражения) [3]. Так, законодатель указывает и то, каким критериям должен отвечать нож для его отнесения к холодному оружию:

1) наличие конструктивного элемента, предназначенного для нанесения жизненно опасных повреждений;
2) наличие конструктивного элемента, предназначенного для удержания объекта с исключением возможности получения повреждений держащему при нанесении ударов;
3) конструктивная устойчивость при использовании для поражения цели.

Отдельно следует рассмотреть вопрос обязательного использования мускульной силы человека для нанесения повреждений холодным оружием. Установленная в законах и подзаконных актах формулировка не позволяет конкретизировать группу мышц, с помощью которых холодное оружие будет использоваться, что подразумевает возможность задействования мышц как верхней части туловища, так и нижней. Такая позиция законодателя понятна и имеет практикоориентированный подход: несмотря на редкость совершения преступлений с помощью маскированного под элемент обуви холодного оружия, данные преступления все же совершаются (нанесение ударов ногами, в подошве ботинок которых замаскированы клинки) [4].

Таким образом, законодательно и технически определенные требования, предъявляемые к холодному оружию и его признакам, сводятся к его предназначению и пригодности к использованию. В соответствии с законом холодным оружием является конструктивно предназначенное для поражения живой цели с помощью мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения оружие.

Отсутствие единообразия в позиции законодателя не позволяет, например, однозначно во всех нормативных актах определить правовой статус метательного и комбинированного холодного оружия, поскольку уточнение, используемое в Федеральном законе «Об оружии» и некоторых ГОСТах («при непосредственном контакте с объектом поражения») позволяет исключить такие типы объектов из категории холодного оружия.

Несмотря на наличие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств») [5], на наш взгляд, данную формулировку следует исключить из нормативно-правовых актов и стандартов как несостоятельную в отношении данных категорий холодного оружия ввиду невозможности непосредственного контакта человека с объектом поражения на расстоянии или конкретизировать, уточнив, кого и с кем контакт должен быть — самого холодного оружия с поражаемой целью или субъекта, использующего оружие, с поражаемой целью.

Список литературы

1. Меретуков Г. М., Лунина Е. С., Липка А. О. Актуальные вопросы исследования холодного и метательного оружия и следов их применения // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 119 (05). С. 1318–1336.

2. Сумарока А. М., Стальмахов А. Г. Холодное и метательное оружие: криминалистическая экспертиза: учебник / Под ред. А. Г. Егорова. СЮИ МВД России, 2000. 75 с. С. 32.

3. Об оружии: Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/ (дата обращения: 08.05.2021).

4. Гусев А. В., Оганезов Л. З. Проблемы соотношения правовых и криминалистических критериев холодного оружия // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 4 (42). С. 50–54.

5. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35853// (дата обращения: 08.05.2021).

References

1. Meretukov G. M., Lunina E. S., Lipka A. O. Topical issues of research of cold and throwing weapons and traces of their use // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2016. No. 119 (05). Pp. 1318-1336.

2. Sumaroka A. M., Stalmakhov A. G. Cold and throwing weapons: forensic examination: textbook / Ed. A G. Egorova. SUI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000. 75 p. P. 32.

3. On weapons: Federal Law of 13.12.1996 No. 150-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/ (access date: May 08, 2021).

4. Gusev A. V., Oganezov L. Z. Problems of correlation of legal and criminalistic criteria of cold steel // Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (42). Pp. 50–54.

5. On judicial practice in cases of embezzlement, extortion and illegal circulation of weapons, ammunition, explosives and explosive devices: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 12.03.2002 No. 5 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35853// (access date: May 08, 2021).

УДК/UDC 343.98

Современные классификации холодного оружия

Антипов Олег Владимирович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: oleg-antipov-99@mail.ru

Аннотация

Современная криминалистическая наука активно развивается в соответствии с темпами развития науки, техники и преступной адаптации к веяниям времени. Актуальность производства экспертиз холодного оружия, чье прямое назначение позволяет решить вопрос об отнесении использованного в процессе совершения преступления средства к холодному оружию, определяет необходимость регулярных исследований: зачастую используемое при совершении преступлений орудие является производственным или хозяйственно-бытовым по своему назначению и не обладает признаками, присущими холодному оружию. Такой подход обеспечивает также и соблюдение прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией Российской Федерации, в отношении которых осуществляется расследование. В статье изложены отдельные вопросы классификации холодного оружия, рассмотрены подходы, существующие в науке в настоящее время. Отдельное внимание уделено особенностям классификации метательного холодного оружия. Сделан вывод об особенностях современной классификации холодного оружия.

Ключевые слова: холодное оружие, классификация холодного оружия, классификационные подходы, метательное холодное оружие, криминалистика.

Modern Classifications of Edged Weapons

Antipov Oleg Vladimirovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: oleg-antipov-99@mail.ru

Abstract

Modern forensic science is actively developing in accordance with the pace of development of science, technology and criminal adaptation to the trends of the times. The relevance of the production of expert examinations of melee weapons, whose direct purpose makes it possible to resolve the issue of classifying the means used in the process of committing a crime as melee weapons, determines the need for regular research: the weapon often used in the commission of crimes is industrial or household for its purpose and does not have features inherent cold steel. This approach also ensures the observance of the rights and freedoms of citizens guaranteed by the Constitution of the Russian Federation, in respect of whom the investigation is being carried out. The article outlines certain issues of the classification of cold steel, examines the approaches that exist in science at the present time. Special attention is paid to the peculiarities of the classification of throwing edged weapons. A conclusion is made about the features of the modern classification of edged weapons.

Key words: edged weapons, classification of edged weapons, classification approaches, throwing edged weapons, forensics.

Существующие в современной криминалистической науке подходы к классификации холодного оружия активно используются и в теории, и в практике. В частности, криминалистическая экспертиза холодного и метательного оружия нуждается в постоянном обновлении существующих классификаций, их совершенствовании и обогащении ввиду некоторых особенностей создаваемого в настоящее время кустарного холодного оружия.

Внеклассификационное выделение некоторых видов холодного оружия по энергетическому источнику поражающей силы предложено М. В. Косенко:

1) удерживаемое в руке за конструктивный элемент, неотделимый от предмета (охотничий нож);
2) метаемое рукой за конструктивный элемент, неотделимый от предмета (дротик);
3) удерживаемое в руке за неотделимый от конструкций элемент, но наносящее урон посредством метаемой отделимой части,

не являющейся элементом целостной конструкции, — снаряда (праща);

4) устройство механической конструкции, поражающее посредством снаряда (арбалет) [1].

Рассмотрим классификационные проблемы в отношении холодного оружия, существующие в криминалистике, выраженные несколькими подходами:

1. Разграничение всех видов оружия на холодное и огнестрельное, в котором основанием для этого разграничения служит использование в конструкции для метания снаряда пороха. Соответственно, все не использующее порох оружие в данном подходе относится к холодному, что некорректно с точки зрения современного развития науки и техники, поскольку к холодному оружию тогда будет относиться и газовое, и приводимое в действие электричеством, и синтезом ядерной энергии. Такой подход можно считать устаревшим в связи с вышеуказанным аргументом [2].
2. Разграничение оружия на основании энергетического источника поражения: применяемое непосредственно в контакте человеком, его использующим, с задействованием его значительной мускульной силы (холодное оружие) и оружие, в котором используется мускульная сила человека для запуска поражающей силы, но повреждения наносятся без непосредственного контакта человека, его использующего (метательное оружие). В данном подходе нет разграничения по конструкции объекта (устройство, не требующее применения значительной физической силы и задействования многих мышц (арбалет), и предмет, для использования которого такую силу надо приложить, использовав при этом несколько групп мышц (метательный нож)). Такой подход также является ограниченным для его использования в современной классификации [3].

3. Разграничение на основе данных судебной медицины, а именно характера наносимого оружием повреждения. Данный подход является исторически сложившимся и используемым не только в криминалистике, но и в иной специальной литературе. Согласно ему холодное оружие должно обладать свойствами нанесения колото-резаных, колющих, режущих, а также ударно-раздробленных следов и ранений. В данном подходе не используется способ реализации данных повреждений как основание для разграничения различных видов холодного оружия, а значит холодное и метательное не разграничиваются. Кроме того, в этом случае за рамки метательного оружия выносятся отдельные типы (например, баллистеры — арбалеты для стрельбы пулями) [4].
4. Разграничение на основе конструкционных особенностей в связи со степенью механизации использования мускульной силы при нанесении поражения (непосредственное использование мускульной силы или ее использование для запуска механизма, метающего снаряд). Поскольку данный подход логически не исключает комбинированное холодное оружие, будем в дальнейшем использовать его [5].

В криминалистической науке активно изучается вопрос метательного холодного оружия. В настоящее время выделяются следующие его отличительные особенности:

1) может применяться как в непосредственной близости от объекта поражения, так и на расстоянии от него;
2) является оружейным комплексом, в котором конструкция предполагает механизм или технологию метания оружия (арбалет, праща) или не нуждается в дополнительных устройствах для использования (дротики);
3) может использовать как непосредственную мускульную силу человека для нанесения повреждений, так и опосредованную механизмом или приспособлением;

4) может быть представлено как самим предметом (бумеранг), так и комплексом в виде устройства для метания и снаряда (праща) [6].

Несмотря на очевидную историчность указанного в примерах холодного метательного оружия, его практическое применение до сих пор актуально в некоторых регионах, отличающихся этническими особенностями развития.

Таким образом, современные классификации холодного оружия подразумевают выделение холодного оружия-предмета и холодного оружия — оружейного комплекса.

Список литературы

1. Косенко М. В. Холодное оружие в современной классификации ручного оружия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16. № 1. С. 57–61.

2. Плескачевский В. М. Оружие в криминалистике. Понятие и классификация. М.: Спарк, 2001. 343 с. С. 29.

3. Сумарока А. М., Стальмахов А. Г. Холодное и метательное оружие: криминалистическая экспертиза: учебник / Под ред. А. Г. Егорова. СЮИ МВД России, 2000. 75 с. С. 32.

4. Гаухман Л. Д. Борьба с насильственными посягательствами. М.: Юридическая литература, 1969. 120 с. С. 29.

5. Криминалистическая техника: учебник / Под ред. Ю. Н. Баранова, Т. В. Поповой. Челябинск: ГОУ ВПО ЧЮИ МВД России, 2009. 662 с. С. 214.

6. Арутюнов А. С., Фаниев П. А. Критерии отнесения метательного ножа к холодному оружию // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 1 (43). С. 51–54.

References

1. Kosenko M. V. Edged weapons in the modern classification of hand weapons // Bulletin of the South Ural State University. Series: Right. 2016.Vol. 16. No. 1. P. 57–61.

2. Pleskachevsky V. M. Weapons in forensics. Concept and classification. M.: Spark, 2001. 343 p. P. 29.

3. Sumaroka A. M., Stalmakhov A. G. Cold and throwing weapons: forensic examination: textbook / Ed. A. G. Egorova. SUI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000. 75 p. P. 32.

4. Gaukhman L. D. Combating violent assault. Moscow: Legal Literature, 1969. 120 p. P. 29.

5. Forensic technique: textbook / Ed. Yu. N. Baranova, T. V. Popova. Chelyabinsk: GOU VPO CHYUI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. 662 p. P. 214.

6. Arutyunov A. S., Faniev P. A. Criteria for classifying a throwing knife as a cold weapon // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1 (43). Pp. 51–54.

УДК/UDC 349.4

Изъятие земельного участка за совершение правонарушения

Ахмедов Ильяс Джамалович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: iakhme@mail.ru

Аннотация

Научная работа посвящена изучению процедуры изъятия земельного участка за совершение правонарушения. В данной статье рассматривается сущность и правовая природа изъятия земельного участка за совершение того или иного правонарушения, предусмотренного настоящим законодательством. Так, автор весьма подробно анализирует действующее земельное и гражданское законодательство и в старой, и в современной редакции. Кроме этого, в настоящем исследовании раскрываются наиболее существенные проблемы и дискуссионные вопросы, возникающие в представленной правовой области. Также в работе рассмотрена объективная сторона правонарушения, ввиду которого может произойти изъятие земельного участка. В работе представлены несколько авторских предложений, которые направлены не только на разрешение поднятых проблем, но и на совершенствование действующего законодательства.

Ключевые слова: земельный участок, право собственности, собственник, изъятие земель, правонарушение.

Withdrawal of a land plot for committing an offense

Akhmedov Ilyas Dzhamalovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: iakhme@mail.ru

Abstract

The scientific work is devoted to the study of the procedure for the seizure of a land plot for the commission of an offense. This article examines the essence and legal nature of the seizure of a land plot for committing one or another offense provided for by this legislation. So, the author analyzes in great detail the current land and civil legislation, including both in the old and in the modern edition. In addition, this study reveals the most significant problems and debatable issues that arise in the presented legal area. Also, the work considers the objective side of the offense, due to which the seizure of a land plot may occur. At the same time, the work provides for several author's proposals, which are aimed not only at resolving the problems raised, but also at improving the current legislation.

Key words: land plot, property right, owner, seizure of land, offense.

Процедура изъятия земельного участка выступает в качестве особого рода санкции, которая выражается в лишении лица его права собственности. Правоведы и практикующие специалисты при изучении данной тематики упоминают так называемую земельную ответственность. Следовательно, изъятие земельного участка является наиболее жестким наказанием, которое возникает в случае нарушения собственником отечественного законодательства [1, с. 73]. Отметим тот факт, что процедура изъятия земельного участка является крайней и наиболее строгой мерой ответственности.

Прежде всего обратим свое внимание на актуальные проблемы, которые возникают в процессе изъятия земельных участков. В целом на сегодняшний день можно выделить два проблемных аспекта, а именно:

1) практическая реализация земельной ответственности в отношении собственников земельных участков не обладает четкой правовой регламентацией, ввиду чего возникает терминологическая путаница и допущение ошибок;
2) наличие противоречивых правовых предписаний, которые содержатся в различных нормативно-правовых актах, так или

иначе предусматривающих правовое регулирование процедуры изъятия земельного участка.

Стоит сказать о том, что отечественный законодатель ставит перед собой цель, которая заключается в совершенствовании и модернизации правого регулирования земельных правоотношений, т. к. они лежат в основе современной экономической системы нашего государства [2, с. 169]. Процедура изъятия земельного участка, представленная в виде санкции за нарушение установленных законом норм, также периодически претерпевает некоторые изменения. Так, в недавнем времени законодатель в связи с принятием Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 354-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка изъятия земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения при их неиспользовании по целевому назначению или использовании с нарушением законодательства Российской Федерации» несколько видоизменил диспозицию земельного правонарушения, содержащегося в ст. 285 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ), за совершение которого может наступить санкция, представленная в виде изъятия земельного участка [3; 4].

Отметим тот факт, что процедура лишения права собственности на земельный участок выступает в качестве весьма важной санкции, которая обладает большим юридическим значением как экономического, так и социального характера. Так, решение о лишении права собственности может применяться только судом и только при совершении наиболее общественно опасных правонарушений, которые потенциально могут повлечь за собой крайне негативные последствия [5, с. 100].

Так, в качестве объективной стороны земельного правонарушения выступает использование земельного участка с нарушением требований отечественного законодательства. Данное определение является новым, в то время как старое звучало следующим образом: «грубое нарушение правил рационального использования земель». Стоит отметить, что в новом определении отсутствует такой термин, как «грубое», что является

наиболее существенным отличием [6, с. 105]. Это обусловлено тем, что само по себе понятие «грубое» является оценочным и, по мнению законодателя, не может применяться в нормативном акте.

По нашему мнению, действующая формулировка земельного правонарушения ровно также является неточной и оценочной, т. к. отсутствие такого термина, как «грубое», фактически «развязывает руки» правоприменителю. В данном случае речь идет о том, что лишение права собственности на земельный участок может применяться ко многим правонарушениям, даже если они обладают незначительным характером.

Исходя из этого, видим необходимость в изменении содержания некоторых норм гражданского и земельного законодательства, регламентирующих представленные правоотношения. По нашему мнению, следует внести изменения в содержание ст. 285 ГК РФ. Так, содержание данной нормы должно выражаться в следующей форме, а именно: «Лицо будет лишено права собственности на земельный участок в случае использования данного участка с грубыми нарушениями действующего законодательства».

Таким образом, считаем, что действующее законодательство в данной сфере нуждается в незначительных изменениях, которые поспособствуют совершенствованию данного правового института. В частности, необходимо более детально зафиксировать вариативность лишения права собственности. Здесь следует сделать акцент на добровольном лишении права собственности в тех случаях, которые предусматриваются действующим законодательством.

Также требуется уточнить, что из себя представляет так называемое грубое правонарушение законодательства. В данном случае в законе следует предусмотреть под грубым нарушением правовых предписаний:

1) использование того или иного земельного участка не по его целевому назначению;
2) использование земельного участка таким способом, согласно которому ухудшается состояние земель, а также уровень их плодородия.

Что касается остальных правонарушений, то под ними следует понимать нарушение закона, которое в перспективе может повлечь за собой наступление наиболее общественно опасных и вредных последствий.

Список литературы

1. Анилина О. А. Порядок и процедура прекращения права собственности при совершении земельного правонарушения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 1-2. С.73–76.

2. Таутиева М. Э., Кулиева А. Э. Порядок и последствия предоставления отступного по договорным обязательствам // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2011. № 4. С. 168–171. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка изъятия земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения при их неиспользовании по целевому назначению или использовании с нарушением законодательства Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 354-ФЗ // Российская газета. 12.07.2016. № 151 (7019).

4. Чмыхало Е. Ю. Принудительное изъятие земельных участков при ненадлежащем их использовании: проблемы правового регулирования и правоприменения // Вестник СГЮА. 2014. № 6 (101). С. 100–103.

5. Эртель А. Г., Кулиева Э. А. Договорная природа фидуциарных сделок. Право и практика. 2016. № 2. С. 104–110.

References

1. Anilina O. A. Procedure and procedure for termination of property rights upon committing a land offense // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2016. No. 1-2. Pp. 73–76.

2. Tautieva M. E., Kulieva A. E. Procedure and consequences of granting compensation for contractual obligations // Bulletin of the North Ossetian State University named after. K. L. Khetagurov. 2011. No. 4. Pp. 168–171.

3. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 № 51-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

4. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in terms of improving the procedure for withdrawing land plots from agricultural lands when they are not used for their intended purpose or used in violation of the legislation of the Russian

Federation: Federal Law of July 3, 2016 N 354-FZ // Russian newspaper. July 12, 2016 No. 151 (7019).

5. Chmykhalo E. Yu. Forced seizure of land plots in case of their improper use: problems of legal regulation and law enforcement // Bulletin of the SSLA. 2014. No. 6 (101). Pp. 100–103.

6. Ertel A. G., Kulieva E. A. The contractual nature of fiduciary transactions. Law and Practice. 2016. No. 2. Pp. 104–110.

УДК/UDC 342.8

К вопросу о некоторых проблемах реализации избирательного права на муниципальном уровне

Бахченян Артур Саркисович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: tor9911@bk.ru

Аннотация

В статье анализируются спорные вопросы, возникающие в связи с реализацией избирательных прав граждан Российской Федерации на выборах представительного органа муниципального района. Обращается внимание на то, что во время этих выборов нарушается принцип прямого избирательного права. Анализируются положения Конституции Российской Федерации, Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Отмечается, что некоторые положения Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не соответствуют закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Кроме того, ряд положений Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» противоречат друг другу, чего в принципе не должно быть. Автор приходит к выводу, что выборы обязательно должны быть направлены на все уровни власти, что будет способствовать устранению противоречий между нормами избирательного и муниципального права.

Ключевые слова: избирательное законодательство, выборы, избирательный округ, конституционные права граждан, гарантии избирательных прав граждан, нарушение принципа прямого избирательного права, местное самоуправление.

To the question about some problems of the implementation of the electoral right at the municipal level

Bakhchenyan Artur Sarkisovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: tor9911@bk.ru

Abstract

The article analyzes the controversial issues arising in connection with the exercise of the electoral rights of citizens of the Russian Federation in the elections to the representative body of the municipal district. Attention is drawn to the fact that during these elections the principle of direct suffrage is violated. The article analyzes the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law “On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” and the Federal Law “On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation”. It is noted that some provisions of the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation"do not comply with the Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation". In addition, a number of provisions of the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation"contradict each other, which, in principle, should not be. The author comes to the conclusion that elections must necessarily be directed at all levels of government, which will help to eliminate contradictions between the norms of electoral and municipal law.

Key words: electoral legislation, elections, electoral district, constitutional rights of citizens, guarantees of electoral rights of citizens, violation of the principle of direct suffrage, local self-government.

В соответствии со ст. 3 Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, который осуществля-

ет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа является референдум и свободные выборы [1]. Следовательно, демократические, свободные и периодические выборы в государственные и местные органы власти, сопровождаемые референдумом, являются высшим (прямым) выражением власти, принадлежащей народу.

Выборы являются широко признанным институтом, тщательно регулируемым, обычным явлением среди населения, поскольку выборы проводятся так часто, как предписано законом о выборах. В настоящее время переход к основным избирательным кампаниям происходит каждые шесть месяцев с установлением единых дней выборов (март и октябрь). Выборы — это системный принцип организации власти в Российской Федерации.

Таким образом, выборы узаконивают власть, с помощью которой народ определяет своих представителей и дает им мандат на осуществление своих суверенных прав [2, с. 12]. На наш взгляд, в связи с полным принятием и вступлением в силу Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее по тексту — ФЗ № 131) возникли определенные противоречия между нормами законодательства. Это связано с тем, что местные выборы имеют двойное правовое воздействие — законодательство о местном самоуправлении и специальное избирательное законодательство [3, с. 58]. Правовую основу местных выборов в настоящее время составляют следующие правовые акты:

1) Конституция Российской Федерации (ст. 3, 130);
2) Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [4] (далее по тексту — ФЗ № 67);
3) Федеральный закон от 26 ноября 1996 г. № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации

избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» [5];

4) ФЗ № 131 (ст. 23) [6];
5) законы субъектов Российской Федерации о выборах органов и должностных лиц местного самоуправления (например, Закон Саратовской области от 21 октября 2005 г. «О выборах в органы местного самоуправления Саратовской области» [7]);
6) законы субъектов Российской Федерации о местном самоуправлении (например, Закон Краснодарского края от 7 июня 2004 г. № 717-КЗ «О местном самоуправлении в Краснодарском крае» [8]);
7) местные нормативные акты (уставы муниципальных образований, постановления глав муниципальных образований и решения представительных органов местного самоуправления о порядке проведения муниципальных выборов);
8) Европейская хартия местного самоуправления ETS № 122 [9].

Все вышеперечисленные нормативные акты (за исключением Конституции Российской Федерации) устанавливают общие и единые принципы избирательного права в России без исключения: всеобщее, равное, прямое, добровольное и тайное голосование. Из этого списка принципов избирательного права остановимся на принципе прямого избирательного права.

На наш взгляд, именно этот принцип нарушается при выборах представительного органа муниципального образования по условиям п. 1 ч. 4 ст. 35 ФЗ № 131. Представительный орган муниципального района может состоять из глав муниципальных образований, входящих в состав муниципального района, и депутатов представительных органов этих населенных пунктов, избранных представительными органами муниципальных образований из своего состава в равной степени независимо от численности населения. Следовательно, создание представительного провинциального органа в этом случае происходит, например, на основе делегирования.

Непрямые выборы указали на проблему, в основном связанную с конституционностью и законностью этой модели. Следует отметить, что международное право не признает принцип закона о прямых выборах общеобязательным, поскольку непрямые выборы также широко используются в мировой практике. Промежуточные выборы делятся на два основных типа: многоэтапные и промежуточные.

Суть непрямых выборов состоит в том, что избиратели голосуют за выборных представителей, которые уже являются депутатами или непосредственными сотрудниками. Например, таким образом избирается президент США. В некоторых странах прямые и непрямые выборы используются одновременно для избрания представителя, например, верхняя палата бельгийского парламента, Сенат.

Нельзя не отметить положительный момент в формировании представительного органа муниципального образования путем делегирования — сокращение финансовых затрат на муниципальных выборах и решение так называемой проблемы двух пятых.

Представительные органы местного самоуправления в Российской Федерации должны формироваться только на основе прямых выборов, а не путем назначения представителей выборных органов местного самоуправления в городских и сельских агломерациях [10, с. 321]. Анализ законодательных актов позволяет сделать единый вывод, подтверждающий нашу точку зрения. Ведь только в Конституции Российской Федерации (ст. 32) не сказано, что выборы должны проводиться на основе прямого избирательного права. Это сформировало в науке позицию о возможности делегированного представительства, при этом принцип прямого избирательного права закреплен во всех без исключения правовых актах.

Так, Э. И. Колюшин, который считает этот вывод суда спорным, потому что если один из представителей делегирует своих депутатов представительного органа, то трудно говорить о непосредственном участии граждан в органах местного самоуправления [11, с. 34].

ФЗ № 67 играет особую роль в регулировании общественных отношений, связанных с проведением выборов на всех уровнях власти (включая муниципальное управление). В п. 6 ст. 1 ФЗ № 67 прямо указывается, что принятые в Российской Федерации федеральные законы, конституции (статуты), законы субъектов Российской Федерации и иные нормативные правовые акты о выборах и референдумах не могут противоречить настоящему федеральному закону. Если федеральный закон, конституция (устав), закон субъекта Российской Федерации, иной нормативный правовой акт о выборах и (или) референдуме противоречат настоящему федеральному закону, применяются положения настоящего закона.

В п. 9 ст. 2 ФЗ № 67 раскрывается понятие выборного представителя. В качестве таковых выступают Президент России, а также глава муниципального образования, избираемый напрямую гражданами Российской Федерации, проживающими на территории муниципального образования, т. е. глава муниципального образования также избирается прямым голосованием. Но п. 1 ст. 1 ФЗ № 131 гласит, что выборным должностным лицом местного самоуправления является должностное лицо местного самоуправления, которое на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании на местных выборах избирается из числа ее членов, что противоречит положениям ФЗ № 67. В ст. 13 ст. 2 ФЗ № 67 дается определение депутата. Это лицо, избираемое в представительство муниципального образования избирателями соответствующего избирательного округа на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. В п.1 ст. 23 ФЗ № 131 уточняется цель местных выборов — избрание депутатов, членов выборного органа местного самоуправления, избираемых от органов местного самоуправления всеобщим голосованием, равным и прямым тайным голосованием. Но проблема не только в том, что некоторые положения ФЗ № 131 не соответствуют ФЗ № 67. Ряд положений ФЗ № 131 противоречат друг другу, чего в принципе не должно быть. Чтобы не быть голословными, приведем пример.

Согласно ст. 11 ФЗ № 131 образованные на территориях с низкой плотностью населения и (или) на территориях населенных пунктов, находящихся в стадии ликвидации, межпоселковые территории входят в состав городских муниципальных образований, т. е. межпоселковая территория — территория вне населенных пунктов. В законе ничего не говорится об особенностях представительства в муниципальном образовании постоянного населения на межпоселковых территориях, не входящих в состав населенных пунктов, а непосредственно входящих в городскую территорию.

В результате граждане России (население, проживающее на межпоселковой территории) как правило, лишаются права голоса, поскольку на этой территории, не являющейся муниципальным образованием, формирование представительского корпус и глава муниципального образования не предусмотрены. Следовательно, они не могут никого избирать и делегировать. Это нарушает цель ст. 55 Конституции Российской Федерации: Российская Федерация не должна принимать законы, отменяющие или ограничивающие права и свободы человека и гражданина. Права, гражданские права и свободы человека могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также защиты и безопасности граждан. Это условие, конечно, неприменимо в данном случае. Критики могут возразить, что не так много поселений с населением менее ста человек, имеющих право голоса, и что между поселениями не так много территорий. Но представительные органы муниципальных округов по данным Центризбиркома России были сформированы в 2009 г. с делегацией всего 199 человек [12].

Таким образом, муниципальное законодательство часто устанавливает такие юридические факты, процессуальное исполнение которых противоречит избирательному законодательству. ФЗ № 67 в силу положений ст. 1 (п. 6), по сути, практически конституционный, т. к. ему должны соответствовать не только конституции (статуты), законы субъектов

Российской Федерации, но и другие федеральные законы [13, с. 27]. Следовательно, выборы обязательно должны быть направлены на все уровни власти, в т. ч. на муниципальный, что в некоторой степени устранит противоречия между нормами избирательного и муниципального права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

2. Гончаров В. В. Выборность и участие граждан в управлении государством как принципы формирования и функционирования государственного аппарата в России // Юридический мир. 2010. № 6. С. 12–17.

3. Вискулова В. В. О гарантиях избирательных прав граждан при проведении муниципальных выборов вследствие преобразования муниципальных образований // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 58–64.

4. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

5. Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления (вместе с "Временным положением о проведении выборов депутатов представительных органов местного самоуправления и выборных должностных лиц местного самоуправления в субъектах Российской Федерации, не обеспечивших реализацию конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления"): Федеральный закон от 26.11.1996 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ.1996. № 49. Ст. 5497.

6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

7. О выборах в органы местного самоуправления Саратовской области: Закон Саратовской области от 21.10.2005 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/933007974 (дата обращения: 10.05.2021).

8. О местном самоуправлении в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 07 июня 2004 г. №717-КЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/461607217 (дата обращения: 10.05.2021).

9. Европейская хартия местного самоуправления // Собрание законодательства РФ. 1998. № 36. Ст. 4466.

10. Комментарии Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (постатейный) // А. А. Подсумкова, С. Е. Чаннов, отв. ред. С. Е. Чанов. 4-е изд., переработанное. М.: Ось-89, 2008. 545 с.

11. Колюшин Е. И. Муниципальное право России. М., 2008. 338 с.

12. Демьянченко Л. Ф. Формирование органов местного самоуправления в Российской Федерации (по состоянию на 1 марта 2009 г.) // URL: http://cikrf.ru/activity/relevant/detail/29480/ (дата обращения: 10.05.2021).

13. Матейкович М. С. Федеральное избирательное законодательство нуждается в кодификации // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 14. С. 27–30.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 4. Art. 445.

2. Goncharov V. V. Electivity and participation of citizens in government as the principles of the formation and functioning of the state apparatus in Russia // Legal world. 2010. No. 6. Pp. 12–17.

3. Viskulova V. V. On guarantees of citizens' electoral rights during municipal elections as a result of the transformation of municipalities // Constitutional and municipal law. 2010. No. 7. Pp. 58–64.

4. On the basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation: Federal Law of 12.06.2002 No. 67-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 24. Art. 2253.

5. On ensuring the constitutional rights of citizens of the Russian Federation to elect and be elected to local self-government bodies (together with the "Temporary Regulations on the Conduct of Elections of Deputies of Representative Local Self-Government Bodies and Elected Local Self-Government Officials in the Constituent Entities of the Russian Federation that Did Not Ensure the Implementation of the Constitutional Rights of Citizens of the Russian Federation elect and be elected to local self-government bodies "): Federal Law of 26.11.1996 No. 138-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 49. Art. 5497.

6. On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation: Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 40. Art. 3822.

7. On elections to local self-government bodies of the Saratov region: Law of the Saratov region of 21.10.2005 // Electronic fund of legal and normative-technical documents. URL: https://docs.cntd.ru/document/933007974 (access date: May 10, 2021).

8. On local self-government in the Krasnodar Territory: the Law of the Krasnodar Territory dated June 7, 2004 No. 717-KZ // Electronic fund of legal and normative-technical documents. URL: https://docs.cntd.ru/document/461607217 (access date: May 10, 2021).

9. European Charter of Local Self-Government // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 36. Art. 4466.

10. Comments of the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation"(itemized) // A. A. Podsumkova, S. E. Channov, ex. ed. S. E. Chanov. 4th ed., Revised. Moscow: Os-89, 2008. 545 p.

11. Kolyushin E. I. Municipal law of Russia. M., 2008.338 p.

12. Demyanchenko L. F. Formation of local self-government bodies in the Russian Federation (as of March 1, 2009) // URL: http://cikrf.ru/activity/relevant/detail/29480/ (access date: May 10, 2021).

13. Matejkovich M. S. Federal electoral legislation needs codification // Constitutional and municipal law. 2009. No. 14. Pp. 27–30.

УДК/UDC 349.2

К вопросу о некоторых проблемах правового регулирования труда несовершеннолетних работников

Бахченян Артур Саркисович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: straik20@bk.ru

Аннотация

Предметом исследования данной статьи являются вопросы правового регулирования труда несовершеннолетних работников в Российской Федерации. В работе рассматриваются вопросы совершенствования механизма обеспечения трудовых правоотношений лиц до 18 лет, анализируется современная правовая ситуация в России, формулируются проблемы, связанные с официальным трудоустройством лиц моложе 18 лет. Оформление трудовых отношений между работодателем и несовершеннолетним лицом требует наличия особого нормативно-правового регулирования. В связи с этим создание и закрепление трудовых прав и других социальных гарантий несовершеннолетних работников считается важной задачей в науке трудового права. Нормативно-правовую базу исследования составляет действующее трудовое законодательство Российской Федерации с учетом последних поправок, изменений и дополнений.

Ключевые слова: труд несовершеннолетних, работа, трудовой договор, недобросовестный работодатель, лица моложе 18 лет, трудовые отношения, работник, трудовые права.

To the question about some problems of legal regulation of labor of minors

Bakhchenyan Artur Sarkisovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia
e-mail: straik20@bk.ru

Abstract

The subject of this article is the legal regulation of the labor of minors in the Russian Federation. The paper discusses the issues of improving the mechanism of ensuring labor legal relations for persons under 18 years of age, analyzes the current legal situation in Russia, isolates the problems associated with the official employment of persons under 18 years of age. Registration of an employment relationship between an employer and a minor requires special legal regulation. In this regard, the creation and consolidation of labor rights and other social guarantees of underage workers is considered an important task in the science of labor law. The regulatory framework of the study is made up of the current labor legislation of the Russian Federation, taking into account the latest amendments, changes and additions.

Key words: minors' labor, work, employment contract, unfair employer, persons under eighteen years of age, labor relations, employee, labor rights.

Проблема приема на работу молодого населения, включая граждан до 18 лет остается одной из дискуссионных в науке трудового права и требующей детального анализа [1].

В современных экономических реалиях, ввиду низкой заинтересованности работодателей привлекать к осуществлению трудовой функции молодое население без опыта работы, видна необходимость в разработке специального комплекса стимулирующих мер государственной поддержки.

Так, ввиду несформированности несовершеннолетнего как личности, а также особенностей осуществления трудовой функции на работах с вредными и опасными условиями труда прием несовершеннолетних граждан, а также молодых граждан без опыта работы требует поддержки со стороны государства [2; 3]. Особенности физического и психоэмоционального развития подростка, повышенная чувствительность к действию факторов и условий окружающей среды, социальная незрелость обуславливают необходимость закрепления на законодательном уровне

норм, направленных на предотвращение негативного воздействия факторов производства на рост, развитие, здоровье, нравственное и психическое состояние несовершеннолетних [4].

Кроме того, государство должно обеспечивать высокий уровень культурного, нравственного и духовного развития несовершеннолетних работников. Таким образом, основная задача государственной политики в обрасти трудовых прав несовершеннолетних работников — гарантировать несовершеннолетним особую правовую защиту, прежде всего на основании их физической и психической незрелости. Следовательно, это подразумевает необходимость защиты и помощи, которые создают условия для нормального развития и образования.

Основные проблемы и положения трудового законодательства, регулирующего труд лиц в возрасте до 18 лет, связаны с изучением специфики их правового положения, особенностей порядка установления и прекращения трудовых отношений, а также особых условий для выполнения трудовых функций и ограничений на работу несовершеннолетних. В этой сфере производственных отношений в России необходимо внести изменения в действующее законодательство, чтобы обеспечить защиту интересов несовершеннолетних, вступающих в трудовые отношения [5].

Правовой статус несовершеннолетнего можно представить в виде сложной категории, выражающейся во взаимоотношениях личности и общества, несовершеннолетнего и государства [6]. Основными составляющими правового статуса несовершеннолетнего являются правоспособность, формирующая правовой статус данного лица в сфере регулирования производственных отношений и его статус как субъекта трудового права и участника трудовых отношений.

Анализ правоприменительной практики и действующего трудового законодательства показывает, что защита законных прав и интересов несовершеннолетних в случае увольнения по разным основаниям требует дальнейшего совершенствования гарантий и способов защиты трудовых прав. В тоже время, соответствующие органы управления и профессиональные союзы не имеют эффективного влияния на процессы,

связанные с трудом несовершеннолетних. Эти обстоятельства требуют изменения действующего трудового законодательства относительно порядка увольнения несовершеннолетних. Одним из возможных решений этой проблемы могло бы стать установление дополнительных гарантий во избежание расторжения трудового договора с ними, таких как обязательная регистрация в Федеральной службе по труду и занятости, упор на профессиональную подготовку и переподготовку [7].

Право на квотирование рабочих мест для работников в возрасте до 18 лет предоставляется органами государственной власти субъектов РФ (дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей), что само по себе является дополнительной гарантией трудоустройства несовершеннолетних работников [8].

Размер квоты либо устанавливается для определенного количества должностей, либо зависит от количества сотрудников в организации. В то же время закон запрещает отказывать в приеме на работу по установленной квоте. Организации, которые создают специальные рабочие места для несовершеннолетних, пользуются налоговыми льготами в соответствии с действующим законодательством [9].

Кроме того, безработным сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в возрасте от 14 до 18 лет государство гарантирует пособие по безработице в течение 6 месяцев на уровне средней заработной платы по региону [10].

На основе вышеуказанных положений законодательство устанавливает гарантии занятости для тех, кто особенно нуждается в социальной защите. Следует также отметить, что одна из этих характеристик профессионального статуса несовершеннолетнего в отличие от статуса взрослого состоит в том, что его трудовое право и его правоспособность как элементы этого статуса не составляют неразрывную единицу. Право на труд несовершеннолетних гарантируется особыми гарантиями даже на этапе приема на работу: для этих лиц законодательством предусмотрены сокращение рабочего времени и особые требования к условиям труда.

На основании проведенного анализа можно сказать, что особенность детского труда в возрасте до 18 лет состоит в следующем: сокращенный рабочий день, запрет на тяжелую и вредную работу, необходимость предоставления дополнительных документов на этапе приема на работу (по сравнению со взрослыми гражданами), что не позволяет установить испытательный срок и гарантирует создание легких условий для выполнения рабочих функций. Несовершеннолетние не могут работать в ночное время, не могут выходить на работу в выходные и праздничные дни, а также отправляться в командировки. Также существуют особые условия лицензирования несовершеннолетнего работника.

На наш взгляд, в рамках устранения противоречия между ст. 92 и 94 ТК РФ ч. 1 ст. 92 ТК РФ можно сформулировать следующим образом: «Сокращенный рабочий день устанавливается:

1) для работников в возрасте до шестнадцати лет — не более 25 часов в неделю;
2) для работников в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет — не более 35 часов в неделю;
3) для инвалидов I или II группы — не более 35 часов в неделю;
4) для работников, работающих во вредных и (или) опасных условиях труда — не более 36 часов в неделю в порядке, установленном Правительством Российской Федерации с учетом заключения Трехсторонней комиссии Российской Федерации по труду и трудовым отношениям».

Проведенное исследование рассматривает только узкий круг проблем современного российского трудового законодательства в части защиты прав и интересов несовершеннолетних. Законодательство придает определенное значение вопросу трудоустройства несовершеннолетних, но из-за существующих противоречий между законодательными актами возникают проблемы с их применением.

Список литературы

1. Киселев И. Я. Трудовое право. М.: Дело. 2018. 650 с.

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197 // Собрание законодательства РФ. 2002. №1. Ст. 3.

3. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации. 8-е изд., испр., доп. и перераб. / Отв. ред. Ю. П. Орловский. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2018. 260 с.

4. Косов И. А. Особенности оформления трудового договора с несовершеннолетним работником. Омск: Делопроизводство, 2017. 200 с.

5. Маврин С. П. Современные проблемы общей части российского трудового права. СПб.: Проект, 2017. 500 с.

6. Сапожникова Н. И., Дементьева К. Ю. Заработная плата работников агропромышленного комплекса и ее влияние на размеры социального обеспечения // В сборнике: Правовое обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Отв. за вып. О. А. Глушко. 2019. С. 18–24.

7. Ковалев И. В. Система мультиверсионного формирования программного обеспечения управления космическими аппаратами: дисс. д-ра техн. наук / КГТУ. Красноярск. 1997. 228 с.

8. О минимальном возрасте для приема на работу: Конвенция № 138 Международной организации труда (Женева, 26 июня 1973 г.) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. Т. II. Женева: Международное бюро труда, 1991. С. 1703–1710.

9. О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда: Конвенция № 182 Международной организации труда от 17.06.1999 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 20. Ст. 1924.

10. Конвенция Международной Организации Труда № 79 об ограничении ночного труда детей и подростков на непромышленных работах (Женева, 9 октября 1946 г.) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1919–1956. Т. I. Женева, Международное бюро труда, 1991.

References

1. Kiselev I. Ya. Labor law. M: Business. 2018. 650 p.

2. The Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. Art. 3.

3. Commentary on the Labor Code of the Russian Federation. 8th ed., Rev., Add. and revised / Resp. ed. Yu P. Orlovsky. M.: Law Firm "CONTRACT 2018. 260 p.

4. Kosov I. A. Features of registration of an employment contract with a minor employee. Omsk: Office work, 2017. 200 p.

5. Mavrin S. P. Modern problems of the general part of Russian labor law. SPb .: Project, 2017. 500 p.

6. Sapozhnikova N. I., Dementyeva K. Yu. Wages of workers in the agro-industrial complex and its impact on the size of social security // In the collection: Legal support of the agro-industrial complex. Collection of works based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Resp. for issue. O. A. Glushko. 2019. Pp. 18–24.

7. Kovalev I. V. System of multiversion formation of spacecraft control software: diss. Dr. tech. sciences / KSTU. Krasnoyarsk. 1997. 228 p.

8. On the minimum age for admission to work: Convention No. 138 of the International Labor Organization (Geneva, June 26, 1973) // Conventions and Recommendations adopted by the International Labor Conference. 1957–1990. T. II. Geneva: International Labor Office, 1991. Pp. 1703–1710.

9. On the prohibition and immediate measures to eradicate the worst forms of child labor: Convention No. 182 of the International Labor Organization dated 17.06.1999 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 20. Art. 1924.

10. Convention of the International Labor Organization No. 79 on the limitation of night work of children and adolescents in non-industrial work (Geneva, October 9, 1946) // Conventions and Recommendations adopted by the International Labor Conference. 1919–1956. T. I. Geneva, International Labor Office, 1991.

УДК/UDC 343.9

К вопросу о криминологической характеристике личности корыстного преступника

Боженов Максим Александрович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: bozhienov01@mail.ru

Медведев Сергей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: medvedewss@mail.ru

Фалько Мария Денисовна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: mdf_falko@mail.ru

Аннотация

Значимость изучения вопроса о личности корыстного преступника состоит в том, что преступление, являясь актом сознательной волевой человеческой деятельности, в значительной степени зависит от сущности и специфики лица, совершающего преступное деяние. Личность корыстного преступника является главным, центральным звеном преступного поведения и представляет собой сложное социальное явление, предполагающее обширный криминологический анализ. Это объясняется тем, что без изучения данного явления бороться с соответствующими видами общественно опасных деяний является практически невозможным. Для эффективной борьбы с корыстными преступлениями представляется необходимым выяснить, почему человек совершил данное преступное деяние и что его на это побудило. В статье приводятся данные статистики, подтверждающие актуальность рассматриваемой темы.

Ключевые слова: личность преступника, криминология, корыстный преступник, преступление.

On the question of the criminological characteristics of the personality of a self-serving criminal

Bozhenov Maksim Aleksandrovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: bozhienov01@mail.ru

Medvedev Sergey Sergeyevich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminal Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: medvedewss@mail.ru

Falko Mariya Denisovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: mdf_falko@mail.ru

Abstract

The importance of studying the question of the personality of a self-serving criminal is that a crime, being an act of conscious volitional human activity, largely depends on the nature and specifics of the person committing the criminal act. The personality of a selfish criminal is the main, central link in criminal behavior and is a complex social phenomenon that requires extensive criminological analysis. This is due to the fact that without studying this phenomenon, it is practically impossible to fight the corresponding types of socially dangerous acts. For an effective fight against mercenary crimes, it seems necessary to find out why a person committed this criminal act and what prompted him to do so. The article provides statistical data confirming the relevance of the topic under consideration.

Key words: personality of the criminal, criminology, selfish criminal, crime.

Прежде всего дадим определение понятию «личность преступника». Личность преступника — это личность человека, который совершил

преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов и выбора общественно опасного способа для удовлетворения своих потребностей [1].

В Российской Федерации корыстная преступность занимает лидирующее место: преступления против собственности составляют более 50% от общего числа преступлений [2]. Это предопределяет необходимость исследования личности корыстного преступника как с ее особенностями, так и со спецификой.

Выделяют следующие признаки, которые характеризуют криминологический портрет лиц, совершивших корыстные преступления: социально-ролевые, демографические, уголовно-правовые, психологические.

Наибольшее значение имеют две последние группы признаков, поскольку они вместе определяют специфичность типов личности, совершающих преступления с корыстной мотивацией [3].

Различают четыре типа корыстных преступников: ситуационный, неустойчивый, злостный, особо злостный.

Если лицо, которое совершило корыстное преступление, не подходит под приметы вышеперечисленных групп, то его необходимо относить к промежуточным (переходным) типам.

Если обратиться к статистике корыстной преступности за 2019 г., то можно увидеть, что самыми распространенными правонарушениями против собственности выступают кражи (751,2 тыс.). С 2020 г. их число в стране начало сокращаться: выявлено практически на 23 тыс. меньше краж, чем годом ранее [2].

В основном правонарушения против собственности совершают мужчины. Число женщин, которые задействованы в аналогичных преступлениях, сравнительно невелико. Чаще всего женщины участвуют в кражах, а реже всего — в разбойных нападениях. Обычно в преступлениях женщинам отводится роль пособниц, находящихся с исполнителем в близких отношениях.

Преобладающий возраст соучастников преступлений против собственности составляет от 18 до 30 лет. Возрастной состав преступников имеет тенденцию к росту возраста. Так, за последние пять лет увеличилась доля лиц старше 30 лет.

Следующей социальной группой являются учащиеся [4]. Больше всего учащимися совершено грабежей — 19%. В последние годы отмечается еще одна настораживающая тенденция — резкое увеличение количества среди преступников, не работающих лиц трудоспособного возраста. Это свойственно в основном для грабежей и разбойных нападений.

Для участников разбоев и грабежей характерен паразитический образ существования, отсутствие специальности, неизменного места работы и определенного места проживания. Такие лица чаще всего заняты на временных работах или живут за счет случайных заработков [5]. Что касается женщин, то чаще всего это лица, которые занимаются проституцией.

Эта категория лиц склонна к общему и социальному рецидиву, и возможность его появления достаточно высока [6]. Например, среди участников разбойных нападений 40% лиц раньше совершали преступления.

Воры проявляют агрессию менее выраженную, чем насильственные злоумышленники, и чаще способны контролировать свое поведение. Также они относительно свободно ориентируются в требованиях общества и общественных нормах, сочетая отличное знание норм с их внутренним неприятием [7].

Таким образом, личность корыстного преступника представляет собой непростой многоаспектный феномен. В целях продуктивной борьбы с корыстной преступностью нужно изучать особенности лиц, совершивших корыстные преступления, что позволит установить факторы, которые влияют на совершение корыстных преступлений, а также определить действенные меры по профилактике данного вида преступлений.

Список литературы

1. Азарова И. В. Ведущие признаки в формировании личности преступника // Материалы научно-практической конференции юридического факультета Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. Елец: Изд-во ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012. Вып. 13. С. 300–306.

2. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России // Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения: 15.06.2021).

3. Шабанов Г. Х. О понятии корыстно-насильственной преступности // Российский следователь. 2001. № 8. С. 31–33.

4. Вологдин Е. В., Вологдина П. Е. Характеристика личности малолетнего преступника и причины ее формирования // Педагогика и психология: актуальные вопросы теории и практики. 2016. № 3 (8). С. 230–236.

5. Комиссарова Я. В. Криминалистическое изучение личности. Научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2016. 78 с.

6. Керимова З. К. Личность рецидивиста как объект изучения в криминологии // Евразийский юридический журнал. 2015. № 12 (91). С. 234–235.

7. Черников И. А. Мотивация совершения корыстного преступления // Преступность в России: причины и перспективы. Вып. 2. М., 2005. С. 47–53.

References

1. Azarova I. V. Leading signs in the formation of the personality of a criminal // Materials of the scientific-practical conference of the law faculty of Yelets State University named after I. A. Bunin. Yelets: YSU im. I. A. Bunin, 2012. Issue. 13. Pp. 300–306.

2. Monthly collection of the state of crime in Russia // General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Legal statistics portal. URL: http://crimestat.ru/analytics (access date: June 15, 2021).

3. Shabanov G. Kh. On the concept of selfish and violent crime // Russian investigator. 2001. No. 8. Pp. 31–33.

4. Vologdin E. V., Vologdina P. E. Characteristics of the personality of a juvenile offender and the reasons for its formation // Pedagogy and psychology: topical issues of theory and practice. 2016. No. 3 (8). Pp. 230–236.

5. Komissarova Ya. V. Forensic study of personality. Scientific and practical guide. Moscow: Prospect, 2016. 78 p.

6. Kerimova Z. K. The personality of a repeat offender as an object of study in criminology // Eurasian legal journal. 2015. No. 12 (91). Pp. 234–235.

7. Chernikov I. A. Motivation to commit a mercenary crime // Crime in Russia: causes and prospects. Issue 2. M., 2005. Pp. 47–53.

УДК/UDC 349.2

Правовое регулирование применения насилия в сфере трудовых отношений

Бреусова Софья Константиновна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар Россия
e-mail: br_sofya@mail.ru

Филимонова Виктория Александровна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар Россия
e-mail: vaf-2001@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопросы, касающиеся случаев применения насилия в сфере трудовых правоотношений. По мнению авторов, вопросы применения насилия не нашли надлежащего регулирования в сфере труда, что отрицательно сказывается на положении работников, которые подвергаются различным видам давления со стороны работодателя. Многие термины (моббинг, буллинг, харассмент), которые активно применяются в законодательстве зарубежных стран, не закреплены в трудовом законодательстве России. Терминологическая неопределенность в трудовом праве применительно к насилию нуждается в разработке и оформлении правовыми средствами. Практика показывает, что случаи насилия имеют место в отдельных регионах России к трудовым мигрантам, допускаются случаи дискриминации женщин, так что вопрос насилия в сфере труда продолжает оставаться актуальным.

Ключевые слова: насилие, моббинг, буллинг, харассмент, трудовой договор, работник, работодатель, трудовое законодательство, труд.

Legal regulation of the use of violence in the field of labor relations

Breusova Sofya Konstantinovna

student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar Russia
e-mail: br_sofya@mail.ru

Filimonova Viktoriya Aleksandrovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar Russia
e-mail: vaf-2001@mail.ru

Abstract

The article examines issues related to cases of violence in the field of labor relations. According to the authors, the use of violence has not been properly regulated in the labor sphere, which negatively affects the situation of workers who are subjected to various types of pressure from the employer. Many terms (mobbing, bullying, harassment) that are actively used in the legislation of foreign countries are not enshrined in the labor legislation of Russia. Terminological uncertainty in labor law in relation to violence needs to be developed and formalized by legal means. Practice shows that cases of violence take place in certain regions of Russia against labor migrants, cases of discrimination against women are allowed, so the issue of violence in the world of work continues to be relevant.

Key words: violence, mobbing, bullying, harassment, employment contract, employee, employer, labor legislation, labor.

Рабочий коллектив — это всегда целостная система, которая, работая во взаимодействии, приводит к качественному результату. Нормальное функционирование системы подразумевает не только соблюдение трудового законодательства сторонами трудовых правоотношений, но и реальное отсутствие дискриминации, гендерного неравенства, харассмента, буллинга и других формы притеснения работников. Насилие может проявляться в трудовом коллективе в двух плоскостях: вертикальной (начальник–подчиненный) и горизонтальной (работник–работник), но также нельзя исключать смешанного варианта.

В настоящее время Трудовой кодекс Российской Федерации (далее по тексту — ТК РФ) не выделяет понятие «насилие» в качестве самостоятельного термина. Это приводит к терминологической неопределенности при решении вопроса о его применении [1].

К сожалению, в ТК РФ нет норм, которые раскрывали бы содержание понятия «насилие» в сфере труда. В ТК РФ законодатель употребляет термин «насилие» в двух случаях: при применении насилия педагогическим работником в отношении ученика (п. 2 ст. 336 ТК РФ) и при применении насилия в отношении работников, выполняющих функции надзора (государственных инспекторов труда) (ст. 363 ТК РФ) [2].

Таким образом, применение насилия в ТК РФ выходит за рамки взаимодействия сторон в трудовых отношениях друг с другом. Итак, в первом случае речь идет только о воздействии работника (преподавателя) на человека, без которого невозможно выполнять свои должностные обязанности — обучающегося (воспитанника). Во втором случае насилие выражается в создании препятствий для нормального выполнения работником профессиональных функций. Таким образом, законодатель употребляет термин «насилие», допуская возможность его применения.

В соответствии с Конвенцией Международной организации труда № 190, принятой 10 июня 2019 г. в Женеве, насилие и домогательства в сфере труда трактуются как ряд неприемлемых форм поведения и практики или угроз, которые уже существуют [3]. Насилие имеет дело с единичным или повторяющимся инцидентом, конечным результатом или возможным последствием которого является нанесение психологического, сексуального или экономического вреда, включая насилие и домогательства по признаку пола. Из определения, данного в Конвенции, следует, что вариантов насилия достаточно много. Что касается голосования делегаций стран Европейского Союза (далее по тексту — ЕС) и Российской Федерации по принятию данной Конвенции и принятию рекомендаций, изложенных в ней, то следует отметить, что наше государство воздержалось дать свою четкую позицию «За» или «Против» [4].

Насилие со стороны участников трудовых отношений имеет сходные черты с насилием в рамках других отраслей права: уголовного, административного, гражданского. Насилие в трудовых отношениях может возникать между работником и представителем работодателя, а также иными лицами — участниками трудового процесса. Это будут индивидуально-трудовые правоотношения.

Среди видов физического насилия Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) признает следующие:

1. Физический контакт с телом человека (т. е. воздействие на него) (ст. 116.1 УК РФ). Лицо, совершившее насильственное действие, которое раннее было подвергнуто административному наказанию по аналогичному случаю, наказывается штрафом, обязательными или исправительными работами, или же арестом на срок до трех месяцев.
2. Введение в организм веществ, обладающих специфическими свойствами (наркотических, психотропных, сильнодействующих, ядовитых), или склонение к их употреблению (ст. 230 УК РФ) [5].

Между тем психологическое насилие не менее безопасно. Психологическое насилие редко обсуждается, но психологи утверждают, что оно даже более опасно для психики жертвы, чем физическое насилие [6]. Они обосновывают свою мысль тем, что данный вид насилия пагубно сказывается на личности жертвы, приводя к нарушению работы нервной системы, к аутоиммунным заболеваниям, которые существенно ухудшают качество жизни человека.

В зарубежном законодательстве находят закрепление такие виды насилия в трудовых отношениях, как моббинг (психологическое насилие, проявляющееся в виде травли сотрудника), буллинг (агрессивное преследование (чаще коллективное) одного из членов рабочего коллектива), харассмент (приставание, домогательство; поступки, которые задевают, пугают или унижают человека).

Правовое регулирование вопроса предотвращения психологического насилия наиболее разработано в законодательстве ЕС и отдельных европейских стран. Охрана работников от моббинга в ЕС проводится в рамках защиты психического здоровья работника [7].

В России и других странах Евразийского экономического союза вопрос защиты психологического здоровья работника не рассматривается ни на уровне законодательства, ни на уровне практики. ТК РФ не содержит норм, направленных на защиту работника от психологического преследования. При этом травля в России уже давно является достаточно распространенным явлением.

Насилие является источником и других проблем в современном обществе. К сожалению, несмотря на это, российское законодательство мало уделяет внимания данному вопросу [8].

На 2019 г. почти треть (31%) россиян утверждают, что лично сталкивались на работе с злоупотреблением властью со стороны руководства или психологическим насилием [9].

Совместно с Международной организацией труда (МОТ) и Международной организацией по миграции (МОМ) фонд Walk Free разработал глобальные оценки современного «рабства». Глобальный индекс «рабства» 2018 г. содержит рейтинг числа людей, находящихся в условиях, схожих с этим понятием, по странам, а также анализ мер, принимаемых правительствами для реагирования, и факторов, которые делают людей уязвимыми. В Российской Федерации по данным оценкам насчитывается 794 000 «рабов». Наша страна занимает 64-ю строчку рейтинга. А вот по общему числу «рабов» на территории государства Россия все же попала в первую десятку [10].

Подводя итог, можно сказать, что насилие на работе постоянно появляется в трудовых отношениях, но трудовое законодательство еще не регулирует этот вопрос. Потому мы считаем, что данную проблему можно разрешить следующими способами:

1) закрепить в ТК РФ понятие «насилие» с перечислением его основных видов;

2) закрепить в УК РФ положения, раскрывающие уголовную ответственность за причинение физического вреда работодателем по отношению к своим подчиненным;
3) предусмотреть административное наказание за совершение психологического насилия в отношении работников.

Стоит отметить также необходимость повышения эффективности и вовлеченности работы правоохранительных органов в области трудовых отношений, потому что только массовое понимание вреда и опасности насилия в сфере труда способно сократить его проявление.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 3.

2. Еремина С. Н. Явные и скрытые формы насилия в сфере труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 3. С. 26-29.

3. Об искоренении насилия и домогательств в сфере труда: Конвенция № 190 МОТ от 21.06.2019 // Международная организация труда. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—ed_norm/—relconf/documents/meetingdocument/wcms_712057.pdf (дата обращения: 06.04.2021).

4. МОТ приняла конвенцию об искоренении насилия и домогательств в сфере труда // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/6578305 (дата обращения: 06.04.2021).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

6. Новикова Г. А. Новикова Л. А. Психическое насилие в трудовом коллективе // Russian Journal of Education and Psychology. 2017. Том 8. № 2(2). С. 172–175.

7. Тиханова Д. А. Моббинг как особая разновидность дискриминации: трудоправовые аспекты // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 21–23.

8. Адриановская Т. Л., Баева С. С. Злоупотребление правом работником и работодателем // Современная научная мысль. 2016. № 6. С. 304–309.

9. Опрос: почти треть россиян сталкивались на работе с психологическим насилием // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/6080343 (дата обращения: 06.04.2021).

10. The Global Slavery Index 2018 // Global Slavery Index. URL: https://nonews.co/wp-content/uploads/2018/08/GSI-2018.pdf (дата обращения: 06.04.2021).

References

1. The Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. Art. 3.

2. Eremina S. N. Explicit and hidden forms of violence in the world of work // Labor law in Russia and abroad. 2018. No. 3. Pp. 26-29.

3. On the elimination of violence and harassment in the world of work: ILO Convention No. 190 of June 21, 2019 // International Labor Organization. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—ed_norm/—relconf/documents/meetingdocument/wcms_712057.pdf access date: April 06, 2021).

4. The ILO adopted a convention on the elimination of violence and harassment in the world of work // TASS. URL: https://tass.ru/obschestvo/6578305 access date: April 06, 2021).

5. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

6. Novikova G. A. Novikova L. A. Mental violence in the work collective // Russian Journal of Education and Psychology. 2017. Volume 8.No. 2 (2). Pp. 172–175.

7. Tihanova D. A. Mobbing as a special kind of discrimination: labor law aspects // Labor law in Russia and abroad. 2020. No. 1. Pp. 21–23.

8. Adrianovskaya T. L., Bayeva S. S. Abuse of the right by the employee and the employer // Modern scientific thought. 2016. No. 6. Pp. 304–309.

9. Poll: almost a third of Russians faced psychological violence at work // TASS. URL: https://tass.ru/obschestvo/6080343 access date: April 06, 2021).

10. The Global Slavery Index 2018 // Global Slavery Index. URL: https://nonews.co/wp-content/uploads/2018/08/GSI-2018.pdf (access date: April 06, 2021).

УДК/UDC 34.096

Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних: основные понятия и проблемы в Российской Федерации

Бубненков Руслан Романович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: chsv_ruslan@icloud.com

Медведев Сергей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: medvedewss@mail.ru

Федорченко Никита Дмитриевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: nik.fedorchenko.96@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются криминологические особенности преступности несовершеннолетних; возрастные особенности лиц в возрасте до 18 лет, влияющие на криминальную направленность их поведения. Преступность несовершеннолетних является неотъемлемой частью общей преступности и имеет свои специфические особенности, что позволяет рассматривать ее как самостоятельный объект криминологического исследования. Понятие преступности несовершеннолетних связано с совокупностью преступлений, совершенных лицами, не достигшими совершеннолетия, т. е. в возрасте от 14 до 18 лет, которые с криминологической точки зрения включают три возрастные группы: 14–15, 16–17 и 17–18 лет. В настоящее время в Российской Федерации назрела ситуация, когда необходимо принимать комплекс мер для решения проблемы роста преступности среди несовершеннолетних. Поэтому в статье

подробно рассматривается основные понятия и статистические данные, а также проводимая политика государства в этой области.

Ключевые слова: криминология, характеристика преступности несовершеннолетних, общая преступность, преступное поведение, социальная незрелость, уголовная ответственность, преступность.

Criminological characteristics of juvenile delinquency: basic concepts and problems in the Russian Federation

Bubnenkov Ruslan Romanovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: chsv_ruslan@icloud.com

Medvedev Sergey Sergeyevich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminal Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: medvedewss@mail.ru

Fedorchenko Nikita Dmitriyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: nik.fedorchenko.96@mail.ru

Abstract

This article examines the criminological features of juvenile delinquency; age characteristics of persons under the age of 18, influencing the criminal orientation of their behavior. Juvenile delinquency is an integral part of general criminality and has its own specific characteristics, which makes it possible to consider it as an independent object of criminological research. The concept of juvenile delinquency is associated with a set of crimes committed by persons who have not reached the age of majority, i.e. i.e. at the age from 14 to 18 years, which from the criminological point of view includes

three age groups: 14–15, 16–17 and 17–18 years. At present, a situation is ripe in the Russian Federation when it is necessary to take a set of measures to solve the problem of the growth of juvenile delinquency. Therefore, the article discusses in detail the basic concepts and statistics, as well as the government's policy in this area.

Key words: criminology, characteristics of juvenile delinquency, general criminality, criminal behavior, social immaturity, criminal responsibility, criminality.

Прежде всего дадим определение основным понятиям, касающимся исследуемой нами темы. Так, под преступлением несовершеннолетних понимается совокупность преступлений, ответственность за которые наступает в возрасте от 14 до 18 лет, совершенных на определенной территории в течение определенного периода времени. Эта возрастная категория с криминологической точки зрения включает в себя три возрастные группы: 14–15, 15–17 и 17–18 лет.

В соответствии с ч. 2 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) лица, достигшие на момент совершения преступления 14-летнего возраста, подлежат уголовной ответственности за преступления, предусмотренные настоящей частью. Как правило, к уголовной ответственности может быть привлечено лицо, достигшее 16-летнего возраста [1].

Преступность несовершеннолетних является неотъемлемой частью общей преступности, в то же время, как отмечает В. Д. Малков, она имеет свои специфические особенности, что позволяет рассматривать ее как самостоятельный объект криминологического исследования. Необходимость такого разделения обусловлена в основном особенностями соматического, психического и нравственного развития несовершеннолетних, а также их социальной незрелостью [2].

Особенностью преступности несовершеннолетних является то, что преступления совершаются лицами, которые в силу своих возрастных особенностей подвержены многочисленным рискам, способным привести как к совершению ими преступления, так и к совершению преступления против них.

Состояние преступности несовершеннолетних может быть проанализировано только по раскрытой части всей совокупности зарегистрированных преступлений.

По многолетним наблюдениям доля несовершеннолетних в числе раскрытых преступлений колебалась от 11 до 17% [3].

Из-за высокой латентности (низкая раскрываемость, дефекты регистрации) официальные статистические показатели этого преступления по оценкам экспертов в 3–4 раза ниже реальных данных. Среди выявленных участников преступления мужчины составляют 94–95% [3].

Несовершеннолетние более восприимчивы к негативным и позитивным воздействиям окружающей среды, чем взрослые. Ошибки и просчеты, допущенные в ходе реформ, привели к беспрецедентной криминализации населения в целом и подростковой среды в частности. Уровень преступности среди несовершеннолетних в 1,5–2 раза выше, чем среди взрослых.

Преступность несовершеннолетних носит в основном групповой характер. Если в групповых преступлениях замешано 23–30% взрослых, то в них замешано до 70% несовершеннолетних [3].

Согласно исследованиям, проведенным Ю. В. Чуфаровским, в последние годы наблюдается рост массового вовлечения несовершеннолетних в структуры теневой экономики и организованной преступности в качестве низовых исполнителей. Организаторские способности позволяют несовершеннолетним легко установить монополию на тот ли иной вид незаконной деятельности [4].

Итак, определив понятие, признаки и особенности структуры преступности несовершеннолетних, можно сделать вывод, что преступность несовершеннолетних — это особый вид преступлений, являющийся неотъемлемой частью общей преступности, которая характеризуется определенными признаками, а также особенностями структуры, в основном обусловленными их социальной незрелостью.

К условиям, способствующим преступному поведению несовершеннолетних, также относятся недостатки в деятельности органов власти по

борьбе с преступностью несовершеннолетних. К сожалению, в настоящее время де-факто наблюдается бездействие государственных и общественных структур, призванных осуществлять воспитательную и профилактическую работу с подростками (комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, Департамент социальной защиты населения; Департамент образования, опеки и попечительства, Комиссия по делам молодежи, Департамент здравоохранения, службы занятости). Имеются существенные недостатки в деятельности правоохранительных органов, в т. ч. органов внутренних дел, по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними. Как уже отмечалось, подростковая преступность очень латентна, и некоторые исследования показывают, что еще до первого осуждения подростки успевают совершить несколько преступлений. Это создает атмосферу безнаказанности. Неотвратимость наказания — важнейшее средство предупреждения преступного поведения — не обеспечивается.

Преступность несовершеннолетних в значительных масштабах требует решительных, энергичных и целенаправленных мер по ее предотвращению. Поэтому предлагаем такой комплекс мер:

1. Поддерживать институт семьи со стороны государства. Необходимо не только остановить тенденцию разводов в семьях с детьми, но и нормализовать воспитательную функцию семьи. Мы предлагаем увеличить финансовую поддержку молодых семей.
2. Создать идеологическую идею государства, а также поддерживать различные общественные движения. Взять опыт советского периода (движения октябрят, пионеров и комсомольцев). По нашему мнению, это не только эффективный элемент общественного сдерживания роста преступности, но и социальный лифт.
3. Совершенствовать методы и способы работы правоохранительных органов с несовершеннолетними. Главной задачей правоохранительных органов, комиссий по делам несовершеннолет-

них и защите их прав должно быть создание условий для возвращения в нормальную жизнь тех, кто совершил или мог совершить преступление. Необходимо заниматься детьми, поскольку их еще можно вернуть к правильной жизни в здоровом и законопослушном обществе.

В решении этих проблем основная роль принадлежит мерам общей и индивидуальной профилактики, применяемым правоохранительными органами с целью устранения обстоятельств и условий, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними. Эффективность этой деятельности во многом зависит от того, как эти меры основаны в действующем законодательстве в отношении психологии и педагогики.

В апреле 2020 г. проблема преступности несовершеннолетних обсуждалась на совещании под руководством Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Н. Патрушева. По его словам, нельзя не учитывать, что криминальная субкультура, пропагандируемая в социальных сетях, во многом способствует девиантному поведению несовершеннолетних. По мнению Н. Патрушева, необходимо создать новую информационную политику, направленную на молодежную аудиторию и ее медиабезопасность.

В России утверждена Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних до 2025 г. [5]. Созданная концепция представляет собой систему взглядов, принципов и приоритетов в профессиональной работе с несовершеннолетними, предусматривает основные направления, формы и методы совершенствования системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Также на период до 2025 г. был утвержден план мероприятий по реализации вышеупомянутой концепции. В условиях психологического и социального неблагополучия несовершеннолетних особенно остро стоят проблемы в сфере оказания им психологической и социальной помощи. Так, в 2019–2020 учебном году 65,6% общеобразовательных организаций имели педагогов-психологов (в 2016 г. — 55,1%). По состоянию на 1 января 2020 г. количество детей в возрасте до 18 лет, постоянно

проживающих в России, составило 30,37 млн. Их них 37,9 тыс. несовершеннолетних стали участниками преступлений в 2019 г. (в 2018 г. их было 40,8 тыс. человек) [5].

«Положительная динамика в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних, при которой наблюдается снижение количества преступлений среди несовершеннолетних, количества детей, совершивших преступления, а также других показателей, свидетельствует об эффективности профилактических мероприятий, проводимых различными органами и организациями при реализации концепции», — подчеркивается в документе.

Несмотря на различные проблемы, существующие в современном обществе, необходимо выделить две основные группы профилактических мер:

1) коррекция поведения несовершеннолетних, особенно в случаях повторного совершения преступления;
2) использование коррекции правосознания подрастающего поколения.

Находясь в тесной связи друг с другом, данные меры гарантируют эффективную профилактику преступности среди несовершеннолетних. При обеспечении основных направлений реализации современной уголовной политики государства профилактика преступности несовершеннолетних также должна учитывать «антинаркотическое» образование, трудоустройство подростков, укрепление семьи и повышение уровня жизни населения.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 13.06.2021).

2. Криминология: учебник для вузов / Под ред. проф. В. Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М. 2011. 527 с. С. 356.

3. Статистические данные по преступности несовершеннолетних // Официальный сайт МВД РФ. URL: https://мвд.рф/reports/item/23163626/ (дата обращения: 13.06.2021).

4. Чуфаровский Ю. В. Криминология в вопросах и ответах: учебное пособие. М.: Проспект, 2021. 144 с.

5. Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р (ред. от 18.03.2021) (вместе с «Планом мероприятий на 2021–2025 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года») // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214734/ (дата обращения: 13.06.2021).

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (access date: June 13, 2021).

2. Criminology: a textbook for universities / Ed. prof. V. D. Malkov. 4th ed., rev. and add. M. 2011. 527 p. P. 356.

3. Statistical data on juvenile delinquency // Official site of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https: //mv.d.rf/reports/item/23163626/ (access date: June 13, 2021).

4. Chufarovsky Yu. V. Criminology in questions and answers: a tutorial. Moscow: Prospect, 2021. 144 p.

5. On the approval of the Concept for the development of the system for the prevention of neglect and delinquency of minors for the period up to 2025: Order of the Government of the Russian Federation dated March 22, 2017 No. 520-r (as amended on March 18, 2021) (together with the “Action Plan for 2021-2025 Concept for the development of a system for the prevention of neglect and juvenile delinquency for the period up to 2025") // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214734/ (access date: June 13, 2021).

УДК/UDC 343.98

Современные коррупционные проявления в аспекте торговли людьми

Бураков Игорь Витальевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: sanderos97@yandex.ru

Кацарская Валерия Александровна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: lera.katsarskaya@mail.ru

Аннотация

Данная работа посвящена существующим в реалиях настоящего времени проблемным вопросам, касающимся борьбы с торговлей людьми. В статье акцентируется внимание на том, что коррупция оказывает огромное влияние на совершение и сокрытие таких преступлений, как незаконная купля-продажа людей, использование рабского труда, а также способствует развитию незаконной миграции. Коррупция является старым пороком и представляет особую угрозу особенно в сфере торговли. В статье даются определение понятий «коррупция», «торговля людьми», рассматриваются основные коррупционные факторы, способствующие торговле людьми. Именно участие должностных лиц в торговле людьми признано наиболее опасным фактором, способствующим совершению указанных преступлений. Складывающаяся ситуация непосредственно затрагивает политическую, экономическую безопасность государства, а также гарантированные Конституцией Российской Федерацией права человека.

Ключевые слова: торговля людьми, международная преступность, должностные лица, дача получение взятки, незаконная миграция, коррупция.

Current problems of human trafficking

Burakov Igor Vitalyevich
student in the master's programme of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: sanderos97@yandex.ru

Katsarskaya Valeriya Aleksandrovna
student in the master's programme of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: lera.katsarskaya@mail.ru

Abstract

This work is devoted to the current problematic issues related to the fight against human trafficking. The article focuses on the fact that corruption has a huge impact on the commission and concealment of such crimes as the illegal sale and purchase of people, the use of slave labor, and also contributes to the development of illegal migration. Corruption is an old vice and poses a particular threat, especially in the area of trade. The article gives a definition of the concepts of "corruption "human trafficking examines the main corruption factors that contribute to human trafficking. It is the participation of officials in human trafficking that is recognized as the most dangerous factor contributing to the commission of these crimes. The emerging situation directly affects the political and economic security of the state, as well as human rights guaranteed by the Constitution of the Russian Federation.

Key words: human trafficking, international crime, officials, giving and receiving bribes, illegal migration, corruption.

Прежде всего дадим определение таким понятиям, как «коррупция» и «торговля людьми».

Понятие «коррупция» законодательно закреплено в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммер-

ческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [1].

Торговля людьми — это купля-продажа и иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство [2].

Торговля людьми является совокупностью трех элементов:

1) цели (эксплуатация),
2) действия (акт),
3) средств.

Иными словами, торговля людьми имеет место, если присутствуют все три элемента, за исключением случаев, когда жертва торговли людьми — ребенок. Торговля людьми представляет огромную опасность для политической и экономической безопасности государства. Кроме того, торговля людьми негативно сказывается на соблюдении основных прав человека и гражданина. Ведь купля-продажа человека с целью трудовой эксплуатации для получения прибыли — это оскорбление человеческого достоинства, нарушение прав человека. Наиболее распространенными целями указанного деяния являются использование людей в качестве рабочей силы; продажа женщин и детей в «сексуальное рабство»; использование людей в целях незаконной трансплантации органов [3].

Несмотря на то, что купля-продажа людей, их незаконная миграция запрещена и уголовно наказуема, разработано множество мер по международному сотрудничеству в борьбе с этими преступлениями. Однако наличие коррумпированных должностных лиц в государственных органах способствует тому, что участники преступных групп, промышляющих торговлей людьми, избегают уголовной ответственности. Путем

подкупа должностных лиц они добиваются того, чтобы их манипуляции с нелегальной покупкой работников, которые позже становятся рабами, не фиксировались и не влекли за собой никаких негативных для таких торговцев последствий.

Количество приговоров о привлечении к уголовной ответственности за данный вид преступлений невелико в силу того, что их очень тяжело выявить [4]. Борьба с таким видом преступлений осложнена тем, что торговля людьми — довольно прибыльный бизнес как для тех, кто покупает или продает, так и для тех, кто способствует сокрытию указанных противоправных деяний. Риски же в таком бизнесе невысоки, т. к. жертвы редко рассказывают о себе, а те, кто участвует в нелегальной торговле, также молчат о своих незаконных махинациях, тем более если они имеют защиту со стороны материально заинтересованных должностных лиц.

Так как же становятся жертвами таких преступлений?

Жертвами становятся вне зависимости от пола, расы, возраста и национальности. Как правило, если целью торговли является эксплуатация, то жертвой становятся молодые люди, находящиеся в бедственном материальном положении. Торговцы людьми, чтобы заполучить «товар», могут использовать насилие, манипуляции, обещать оплачиваемую работу или даже романтические отношения. Они используют уязвимые черты отдельно взятого человека и знают, чем его завлечь. Зачастую жертвы сами попадаются в ловушку, стремясь за «легкими» деньгами.

В последнее время в нашем обществе наблюдается упадок нравов. Люди ради получения больших сумм денег без приложения больших усилий готовы идти на все. С каждым годом растет спрос на проституцию, распространение порнографической продукции, а также вовлечение в указанные виды деятельности несовершеннолетних. Это приводит к тому, что сексуальные отношения с лицами значительно моложе по возрасту начинают считаться нормальным явлением. Встречаются случаи, когда родители продают в рабство своих собственных детей.

Бороться с этими преступлениями стало сложнее в связи с тем, что жертв сейчас ищут с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (социальных сетей), где не всегда можно установить личность преступника. Жертвам же мешают заявить о себе языковые барьеры, страх перед торговцами, а также перед правоохранительными органами.

Между тем работа по противодействию коррупции и торговле людьми активно ведется правоохранительными органами. В последнее время разрабатываются и актуализируются методики ведения борьбы с указанными преступлениями. Однако пока данных мер недостаточно, чтобы наиболее эффективно противостоять такого рода преступности. Т. к. данные преступления носят, как правило, международный характер, необходимо качественное международное сотрудничество правоохранительных органов Российской Федерации с иностранными государствами. Подобный пример сотрудничества произошел в 2006 г., когда удалось прекратить незаконную торговлю несовершеннолетними преступной организацией «Юнона». Конфиденциальные сведения о несовершеннолетних предоставлялись должностными лицами. К сожалению, эта незаконная деятельность вскрылась после смерти усыновления ребенка из России иностранной семьей. После этого инцидента ужесточили требования для усыновления детей иностранными семьями. Работа ведется и на глобальном уровне. Важная веха в борьбе с торговлей — принятие в 2000 г. Генеральной Ассамблеей ООН Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и определение наказаний за эти преступления («Протокол Палермо»). Большинство государств уже подписали и ратифицировали его. Но все это — только на бумаге, по факту разобраться с этой глобальной проблемой легче не стало. Большинство жертв, вероятно, никогда не заявят о себе и не получат помощь [5].

Важными элементами противодействия этим преступлениям являются правовая грамотность и материальное благополучие граждан. Необходимо проводить разъяснительную работу о том, как обезопасить

себя от преступного посягательства со стороны таких «торговцев людьми»; повышать правовую грамотность населения; создать больше спортивных секций, учреждений внешкольного (дополнительного) образования для детей; осуществлять помощь родителям трудных подростков в их воспитании. Сами граждане должны также воспитывать в себе законопослушное поведение: не пытаться решить свои проблемы нелегальным способом; не стремиться за легким, сомнительным заработком, внимательно изучать условия трудового договора, требовать достойных условий труда.

Помимо вышесказанного, следует отметить обстоятельства, при которых может быть выявлен случай торговли людьми: плановые полицейские проверки, расследование уже совершенных преступлений, профилактические мероприятия (например, проверка законности использования труда мигрантов), отслеживание новостей и подозрительных рекламных объявлений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», получение оперативной информации, деятельность специализированных государственных служб. В последние несколько лет законодательство в Российской Федерации предъявляет новые требования для социальных сетей. Правоохранительными органами ведется активная работа по выявлению и блокировке интернет-страниц, распространяющих запрещенную на территории Российской Федерации информацию.

Список литературы

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Парламентская газета. 31.12.2008. № 90.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

3. Ванновская О. В. Психология коррупционного поведения государственных служащих: монография. 2-е изд., стер. М.: Издательство Юрайт, 2019. 251 с.

4. Козлов А. Е. Коррупция и торговля людьми // Взаимодействие органов государственной власти при расследовании преступлений коррупционной направленности: проблемы и пути их решения: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося российского

ученого Н. С. Алексеева (Москва, 23.10.2014). М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 81–84.

5. Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми (заключена в Варшаве 16.05.2005) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 5.

References

1. On anti-corruption: Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ // Parliamentary newspaper. 31.12.2008. No. 90.

2. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. June 17, 1996. No. 25. Art. 2954.

3. Vannovskaya O. V. Psychology of corruption behavior of civil servants: monograph. 2nd ed., Erased. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 251 p.

4. Kozlov A. E. Corruption and human trafficking // Interaction of public authorities in the investigation of corruption-related crimes: problems and solutions: materials of the International scientific-practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding Russian scientist N. S. Alekseeva (Moscow, 23.10.2014). Moscow: Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2014. Pp. 81–84.

5. Council of Europe Convention on Action against Trafficking in Human Beings (concluded in Warsaw on May 16, 2005) // Bulletin of the European Court of Human Rights 2010. No. 5.

УДК/UDC 343.9

Взаимосвязь внешних признаков сокрытия информации с возможным использованием сотрудником органов внутренних дел различных способов противодействия проведению полиграфной проверки

Васильева Анна Сергеевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: vasanne83@gmail.com
SPIN-код: 4338-9488

Стрельцов Вадим Вадимович
кандидат социологических наук, преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Краснодар, Россия
e-mail: vvslex@gmail.com
SPIN-код: 1400-7967

Аннотация

В истории человечества и науки имеется множество попыток спрогнозировать поведение человека, опираясь на внешние признаки. В различные периоды истории существовало множество теорий для определения внешних признаков диагностики лжи, где, например, людей разделяли на холериков, флегматиков, меланхоликов и сангвиников (по Гиппократу). Э. Кречмер также изучал связь между строением тела и характером. Существуют и другие примеры. Проблема противодействия полиграфу изучается специалистами в разных странах еще с середины XX в. В связи с ростом компьютеризации и расширением информационно-коммуникационной сети Интернет эта проблема в настоящее время приобрела еще более актуальный характер, поэтому она исследуется ведущими специалистами в области детекции лжи на уровне служб безопасности.

Ключевые слова: полиграф, противодействие, способы сокрытия информации.

The interrelation of external signs of information hiding with the possible use by an employee of the internal affairs bodies of various methods of counteracting a polygraph test

Vasilyeva Anna Sergeyevna
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: vasanne83@gmail.com
SPIN Code: 4338-9488

Streltsov Vadim Vadimovich
Candidate of Sociology, Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Krasnodar, Russia
e-mail: vvslex@gmail.com
SPIN Code: 1400-7967

Abstract

In the history of mankind and science, there are many attempts to predict human behavior based on external signs. In different periods of history, there were many theories for determining the external signs of diagnosing a lie, where, for example, people were divided into choleric, phlegmatic, melancholic and sanguine (according to Hippocrates). E. Kretschmer also studied the relationship between body structure and character. There are other examples as well. The problem of countering the polygraph has been studied by specialists in different countries since the middle of the twentieth century. In connection with the growth of computerization and the expansion of the information and communication network of the Internet, this problem has now become even more urgent, in connection with which it is being investigated by leading experts in the field of lie detection at the level of security services.

Key words: polygraph, counteraction, methods of hiding information.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» одним из обязательных этапов прохождения профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел является проведение специальных психофизиологических исследований с применением полиграфного устройства [1]. Если поступающий на службу в органы внутренних дел кандидат ясно понимает, что в его анамнезе есть факты или поступки, им совершенные, которые могут быть рассмотрены специалистами как «факторы риска», что существуют такие обстоятельства в его жизни, к которым могут быть отнесены и его индивидуально-личностные особенности, которые исключают возможность прохождения кандидатом службы в органах внутренних дел, то он решает для себя: либо отказаться от своих планов поступать на службу в органы внутренних дел, либо попытаться пройти все проверки, в особенности проверку на полиграфе, используя различные способы противодействия проведению полиграфной проверки. Здесь возникает этическая социокультурная проблема, в особенности если лицо является участником гражданского процесса.

Более широкое определение противодействия было дано Маромном в 1995 г. — это «любое намеренное поведение обследуемого в процессе тестирования, призванное помочь в течение продолжительного времени скрывать вербальную ложь в отношении какого-либо аспекта рассматриваемой в ходе обследования проблемы» [2].

По способам исполнения в настоящее время противодействия подразделяют на:

1) физические — целенаправленные сокращения каких-либо групп мышц;
2) психические — использование когнитивных и (или) эмоциональных процессов;
3) фармакологические — прием различных фармакологических препаратов общего и местного действия;

4) физиологические — попытка повлиять на результаты теста, изменив свои физиологические показатели путем изнурения организма (например, длительное лишение себя сна и т. п.);
5) экзотические — выбор различных приемов, не имеющих ни научного, ни логического объяснения, эффективность которых как способов противодействия не была доказана.

Опытный и достаточно квалифицированный полиграфолог благодаря своей наблюдательности способен распознать признаки противодействия у обследуемого лица. Начинающему же необходимо стремиться проводить психофизиологические исследования в строгом соответствии со стандартами процедуры тестирования. Ему следует помнить, что при выявлении у обследуемого внешних признаков противоправных намерений личности, к которым относятся вербальные и невербальные признаки сокрытия существенной информации, возможность использования таким обследуемым различных способов противодействия проведению полиграфной проверки будет весьма высока [3, с. 59].

Подобная тактика при проведении психофизиологических исследований выработает у недостаточно опытного полиграфолога дисциплинированность и бдительность как в ходе самого тестирования, так и при анализе полиграмм.

В процессе проведения кадрового скрининга мы стали свидетелями аналогичных инцидентов оказания противодействия. Так, например, у обследуемого в ходе предтестовой беседы проявлялись очевидные вербальные и невербальные признаки искажения и сокрытия информации по некоторым темам предстоящей проверки. Наблюдались признаки невербальных показателей лжи, таких как длительная и в то же время напряженная улыбка в сочетании с прикусыванием губ и тремором в теле. В беседе испытуемый энергично пытался расположить полиграфолога к себе, показывая неестественную открытость и искренность, используя словесные выражения «Зачем мне врать», «Я с вами абсолютно честен», «Поверьте мне», но при этом, когда слышал поставленные вопросы, которые касаются его жизненного опыта, отклонялся назад,

скрещивал руки и ноги. Также в разговоре пытался отвлечь полиграфолога от основной темы беседы, рассказать примеры из жизни, перейти на менее официальный тон общения [4, с. 85].

Выявленные признаки поведения вызвали подозрения в искренности обследуемого, поскольку его высказывания относительно отсутствия переживаний из-за результатов данной проверки, а также старания убедить специалиста в своем спокойствии расходились с явными признаками рассогласованности между его словами и жестами (обследуемый кивал головой, давая отрицательные ответы), а также наличием закрытых поз в поведении (поза «нога на ногу», скрещенные пальцы рук).

В процессе тестирования было зафиксировано преднамеренное физическое воздействие на датчик фотоплетизмограммы (далее по тексту — ФПГ) в момент предъявления контрольного и нейтрального вопросов в первом и втором предъявлении (в первом предъявлении — ярко выраженное воздействие). После повторной инструкции полиграфолога о необходимости соблюдать установленные правила поведения при проведении полиграфной проверки физическое воздействие в канале ФПГ прекратилось [5, с. 97].

Таким образом, проведенный анализ научной литературы и эмпирическое исследование позволили нам сделать следующие выводы:

1. Противоправные намерения личности могут быть выявлены по внешним признакам поведения человека.
2. Внешние признаки внутренних эмоциональных состояний человека не имеют принципиальных различий у людей разных национальностей, разного пола или возраста.
3. Полиграфологу при проведении полиграфных проверок необходимо не только знать и уметь анализировать внешние признаки поведения обследуемого лица, но и быть внимательным, а также учитывать совокупность этих признаков при вынесении решения о возможном наличии в поведении обследуемого противоправных намерений.

4. При выявлении еще на этапе предтестовой беседы в поведении обследуемого внешних признаков противоправных намерений личности полиграфологу необходимо быть готовым к тому, что в ходе тестирования обследуемым могут быть предприняты попытки противодействия проведению полиграфной проверки.

Список литературы

1. Об утверждении Правил профессионально-психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 06.12.2012 № 1259 // Российская газета. 12.12.2012. № 286(5959).

2. Варламов В. А., Варламов Г. В. Противодействие полиграфу и пути их нейтрализации. М.: ПЕР СЭ, 2005. 192 с.

3. Варламов В. А., Варламов Г. В. Компьютерная детекция лжи.М.: Принт-Центр, 2010. 944 с.

4. Анисимова Н. Н. Особенности визуальной психодиагностики личности террориста. Обнаружение криминального искажения информации: учебно-методическое пособие. 2-е изд., перераб. / Науч. ред. Ю. Н. Демидова. Домодедово: ВИПК МВД России, 2007. 78 с.

5. Спирица Е. Психология лжи и обмана: как разоблачить лжеца. СПб.: Питер, 2017. 272 с.

References

1. On the approval of the Rules of professional and psychological selection for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation dated 06.12.2012 No. 1259 // Rossiyskaya Gazeta. 12.12.2012. No. 286 (5959).

2. Varlamov V. A., Varlamov G. V. Counteraction to the polygraph and ways to neutralize them. M .: PER SE, 2005. 192 p.

3. Varlamov V. A., Varlamov G. V. Computer detection of lies). Moscow: Print-Center, 2010, 944 p.

4. Anisimova N. N. Features of visual psychodiagnostics of a terrorist's personality. Detection of criminal distortion of information: teaching aid. 2nd ed., rev. / Sci. ed. Yu N. Demidov. Domodedovo: VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. 78 p.

5. Spiritsa E. Psychology of lies and deception: how to expose a liar. St. Petersburg: Peter, 2017. 272 p.

УДК/UDC 342.951

Установление административной ответственности и назначение наказания в случае нарушения порядка ценообразования

Василькович София Вячеславовна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: vasilkovich.sofiya@bk.ru

Иваненко Игорь Николаевич (научный руководитель)
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: ivanenko.igor@mail.ru

Аннотация

В данной научной работе были рассмотрены наиболее актуальные особенности установления административной ответственности и назначения наказания за совершение нарушения порядка ценообразования на товары, цены на которые изначально устанавливаются государством, за умышленное занижение цен на товары, что приводит к нарушению принципа здоровой конкуренции, а также за совершение различных действий путем надбавок к ценам и иного рода нарушений в данной сфере. Авторы рассматривают теоретические аспекты указанной проблемы, осуществляют краткий разбор представленного правонарушения. Также в статье затронуты некоторые дискуссионные вопросы, возникающие при назначении различных видов наказания, которые могут быть применены за данное правонарушение. По мнению авторов, указанное административное правонарушение способствует развитию ряда негативных явлений в экономике и обществе.

Ключевые слова: ценообразование, правонарушение, административная ответственная, санкция.

Establishing of administrative responsibility and imposing penalties in case of violation of the pricing procedure

Vasilkovich Sofiya Vyacheslavovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: vasilkovich.sofiya@bk.ru

Ivanenko Igor Nikolayevich (research advisor)
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Administrative and Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: ivanenko.igor@mail.ru

Abstract

In this scientific work, the most relevant features of the establishment of administrative responsibility and the imposition of punishment for committing a violation of the pricing procedure for goods, prices for which are initially set by the state, for deliberately lowering prices for goods, which leads to a violation of the principle of healthy competition, as well as for committing various actions through price markups and other violations in this area. The authors consider the theoretical aspects of this problem, carry out a brief analysis of the presented offense. Also, the article touches upon some controversial issues arising in the appointment of various types of punishment that can be applied for this offense. According to the authors, this administrative offense contributes to the development of a number of negative phenomena in the economy and society.

Key words: pricing, offense, administrative responsible, sanction.

В целях совершенствования предпринимательских правоотношений и усиления экономической стабильности как во всей стране, так и в отдельно взятом регионе законодателем разрабатывается целая система нормативно-правовых актов, которые регламентируют и регулируют

данную сферу общественных отношений [1]. В перечень таких документов входит и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тесту — КоАП РФ), который также освещает внутреннюю взаимосвязь между хозяйствующими субъектами [2].

На сегодняшний день выделяются следующие виды нарушений в этой области:

1) умышленное завышение цен на товары, которые, в свою очередь, регулируются государством;
2) умышленное занижение цен на товары, что влечет за собой дисбаланс в рыночных отношениях и нарушение принципа здоровой конкуренции;
3) совершение вышеперечисленных действий в отношении надбавок к ценам;
4) иного рода нарушения, которые могут быть совершены в данной сфере.

Для начала обратимся к теоретической части вопроса, а именно дадим определение понятию административного правонарушения. Так, под административным правонарушением следует понимать нарушение установленных законом правил, за которое следует назначение соответствующего наказания.

Нарушение ценообразования, как и уголовно наказуемое деяние, имеет свой состав, в который входит объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона [3]. Особое внимание необходимо уделить субъекту, т. к. по сути он является специальным, а также субъективной стороне, которая практически всегда выражается в умысле. Т. е. юридическое лицо либо осознанно занимается завышением или же занижением цены и тем самым нарушает действующее законодательство, либо относится к своим противоправным действиям безразлично.

За совершение изучаемого нами правонарушения следует административная ответственность и применение к виновному лицу санкции в виде денежного штрафа. Существуют некоторые особенности в плане установления данного штрафа [4]. Так, в случае если организация повы-

шает установленную законодателем цену, то штраф высчитывается из суммы приобретенной выгоды. В случае если организация, наоборот, занижает цены на свою продукцию, то штраф является фиксированным и равняется 100 тыс. руб., что, по нашему мнению, является несправедливым. Свою позицию хотелось бы обосновать тем, что при занижении цены правонарушитель гипотетически может получить гораздо меньше выручки, чем при ее завышении, однако по административному штрафу он обязан оплатить фиксированную сумму. Из этого следует вывод, что требуется установить ровно такую же «плавающую» систему штрафов и для случаев, когда происходит искусственное занижение, а не взыскивать с организации фиксированную сумму, которая может оказаться меньше той, какую удалось заработать противоправным способом.

Сегодня особую популярность обретают тенденции отнесения данного правонарушения к уголовному преступлению [5]. Это обусловлено тем, что подобные противозаконные действия способствуют развитию таких негативных явлений как:

1. Коррупция — злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды.
2. Угроза экономической безопасности государства. Экономическая безопасность страны — это многогранная концепция, охватывающая научные исследования и состояние экономики, которая раскрывает способы защиты национальных интересов и потребностей человека, общества и государства, а также готовность и способность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития экономики, поддержания социально-политической устойчивости общества.

3. Развитие и увеличение спекуляций на рынке, а именно покупки и продажи различных товаров по ценам выше рыночных с целью обогащения, покупки биржевых ценностей с целью их дальнейшей перепродажи и наживы за счет разницы покупного и продажного курса.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема назначения административной ответственности за нарушение правил ценообразования до сих пор является актуальной, т. к. открытым остается вопрос о назначении максимально справедливого наказания за совершение данного правонарушения. Также более подробного изучения требует вопрос о признании нарушения порядка ценообразования уголовно наказуемым преступлением. На наш взгляд, научная проработка данных проблем позволит сделать регулирование рассматриваемого социально-правового института более стабильным и эффективным.

Список литературы

1. Курдюк Г. П., Чернов Ю. И. Взаимосвязь административно-деликтного и уголовного процессов (вопросы общей и межотраслевой теории): монография. Краснодар: Эпомен. 2018. 116 с. С. 42–52.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. Павлов Н. В., Жеребцов А. Н. Вопросы сущности и правоприменительного значения административной практики // Lex russia. 2019. № 3 (148). С. 34–44.

4. Павлов Н. В., Жеребцов А. Н. Социально-философская сущность административной практики // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 254–257.

5. Кондратов М. А., Медведев С. С. Отражение проблемы об определении юридического лица как субъекта преступления в современном уголовном законодательстве России // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 108. С. 3.

References

1. Kurdyuk G. P., Chernov Yu. I. Interrelation of administrative-tort and criminal processes (questions of general and intersectoral theory): monograph. Krasnodar: Epomen. 2018. 116 p. Pp. 42–52.

2. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1.

3. Pavlov N. V., Zherebtsov A. N. Issues of the essence and law enforcement significance of administrative practice // Lex russia. 2019. No. 3 (148). Pp. 34–44.

4. Pavlov N. V., Zherebtsov A.N. Socio-philosophical essence of administrative practice // Society and Law. 2014. No. 4 (50). Pp. 254–257.

5. Kondratov M. A., Medvedev S. S. Reflection of the problem of defining a legal entity as a subject of crime in modern criminal legislation of Russia // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2015. No 108. P. 3.

УДК/UDC 347.998.72

Ограничение дееспособности вследствие пристрастия к азартным играм и злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами

Гидзев Адам Муратович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: ada.gid@mail.ru

Попова Лариса Ивановна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: larisa_popova67@mail.ru

Аннотация

В данной статье исследуются нормы действующего законодательства, закрепляющие основания ограничения дееспособности граждан. Определено, что в правовом регулировании ограничения дееспособности граждан вследствие пристрастия к азартным играм и злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами имеются некоторые недостатки. В частности, отсутствуют четкие критерии и условия установления факта, что гражданин имеет пристрастие к азартным играм, нет легального определения термина «игромания», законодателем не определено, что ограничение дееспособности возможно вследствие употребления токсических веществ, а также закон не содержит конкретного перечня членов семьи, которые могут обратиться в суд с требованием признать гражданина ограниченно дееспособным по указанным основаниям. Авторами в данном исследовании предлагаются основные направления совершенствования правового регулирования признания гражданина ограниченно дееспособным вследствие пристрастия к азартным играм и злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами.

Ключевые слова: ограничение дееспособности, пристрастие к азартным играм, злоупотребление спиртными напитками.

Limitation of performance due to gaming and abuse of alcohol or narcotic substances

Gidzev Adam Muratovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: ada.gid@mail.ru

Popova Larisa Ivanovna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Civil Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: larisa_popova67@mail.ru

Abstract

This article examines the norms of the current legislation, which consolidate the grounds for restricting the legal capacity of citizens. It has been determined that there are some drawbacks in the legal regulation of limiting the legal capacity of citizens due to addiction to gambling and abuse of alcoholic beverages or drugs. In particular, there are no clear criteria and conditions for establishing the fact that a citizen is addicted to gambling, there is no legal definition of the term "gambling addiction", the legislator has not determined that limitation of legal capacity is possible due to the use of toxic substances, and the law does not contain a specific list of family members, who can apply to the court with the requirement to recognize a citizen as having limited legal capacity on the indicated grounds. In this study, the authors propose the main directions for improving the legal regulation of recognizing a citizen as having limited legal capacity due to addiction to gambling and abuse of alcoholic beverages or drugs.

Key words: limitation of legal capacity, addiction to gambling, alcohol abuse.

Основной задачей государства является обеспечение соблюдения гарантий прав и законных интересов граждан. Реализация данной зада-

чи невозможна без постоянного совершенствования действующего законодательства.

Большое теоретическое и практическое значение имеют вопросы, касающиеся ограничения дееспособности граждан. Ограничение дееспособности гражданина производится судом в целях защиты прав и законных интересов других граждан по основаниям, которые установлены гражданским законодательством. Отметим тот факт, что несмотря на то, что употребление термина «ограничение дееспособности» повсеместно распространено, т. е. он широко используется в различной юридической литературе, в формулировках нормативных актов, его легальное определение в гражданском законодательстве отсутствует.

В ст. 30 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) закреплены четыре основания, по которым возможно ограничение гражданина в дееспособности [1]. Одним из таких оснований является пристрастие гражданина к азартным играм. В условиях информатизации и компьютеризации общества вследствие того, что с каждым днем усиливается роль высоких технологий в социальной сфере, увеличивается также и число игорных организаций. Игромания как болезнь стала давно известна нашему обществу. Для того чтобы признать гражданина ограниченно дееспособным, должно соблюдаться обязательное условие — пристрастием к азартным играм должен быть причинен существенный материальный ущерб семейному бюджету. Однако на практике очень сложно доказать, что пристрастие одного из членов семьи к азартным играм ставит семью в тяжелое материальное положение, ведь в судебном порядке требуется доказать, что расходы, которые возникли вследствие такого пристрастия, превышают в значительном размере доходы семьи [2].

Зависимость от игры является одной из серьезных проблем современного общества, т. к. имеет тяжелые последствия. Склонность к азартным играм приводит к тому, что у гражданина наблюдается снижение уровня понимания семейных, материальных, социальных и профессиональных ценностей. Человек, у которого наблюдается патологическая

склонность к азартным играм, не уделяет должного внимания своим обязанностям в различных сферах жизнедеятельности. Вследствие пристрастия к азартным играм гражданин становится финансово безответственным, он не исполняет свои долговые обязательства, в результате чего возникают постоянные долги. Для того чтобы получить деньги, необходимые для оплаты долговых обязательств, игроманы могут совершать различного рода противоправные действия. Человек, склонный к участию в азартных играх, характеризуется как раздражительная и тревожная личность. Вследствие часто проявляющейся агрессии в семье игрока зачастую портятся межличностные отношения. Это лишь некоторые проблемы, которые связаны с участием в азартных играх.

На сегодняшний день ни в гражданском законодательстве, ни в каких-либо других нормативно-правовых актах не содержится легального определения понятия «пристрастие к азартным играм» (или «игромания»). Даже Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 224-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту — Закон № 244), который регулирует деятельность по организации и проведению азартных игр, не указывает, что необходимо понимать под пристрастием к азартным играм [3]. В Законе № 244 содержатся лишь положения о том, что представляет собой азартная игра, ставки и многое другое. Отсутствие в законодательстве легального определения игромании является существенным пробелом в законодательстве, поскольку одним из оснований для ограничения дееспособности является пристрастие к азартным играм и важно понимать, что необходимо подразумевать под этим понятием.

На наш взгляд, необходимо дополнить ст. 30 ГК РФ положением о том, что представляет собой пристрастие к азартным играм. По нашему мнению, пристрастие к азартным играм — это патологическая склонность гражданина к участию в азартных играх, которая проявляется в частых повторных эпизодах участия в игровых процессах, которые до-

минируют в его жизни и ведут к снижению уровня понимания семейных, социальных, материальных и профессиональных ценностей.

Еще одним основанием для ограничения дееспособности является злоупотребление спиртными напитками, а также наркотиками. Интересным представляется тот факт, что законодатель в ст. 30 ГК РФ не говорит о том, что ограничение дееспособности возможно вследствие употребления токсических веществ, хотя алкоголь относится именно к категории токсических веществ и к тому же является психоактивным веществом. Не совсем понятно, почему законодатель исключил возможность ограничения дееспособности вследствие пристрастия к токсическим или психотропным веществам. Отметим, что законодатель делает акцент на том факте, что для признания гражданина ограниченно дееспособным требуется, чтобы гражданин не просто регулярно и часто употреблял наркотические вещества либо же спиртные напитки, а злоупотреблял их принятием. Но возникает проблема определения, что же представляет собой злоупотребление, поскольку в гражданском законодательстве не закреплено данное понятие. Подходы к понятию «злоупотребление» содержатся исключительно в доктрине цивилистической науки. По мнению М. О. Клейменовой, злоупотребление представляет собой чрезмерное и систематическое употребление наркотических веществ или спиртных напитков, при этом такое употребление находится в противоречии с интересами семьи употребляющего лица. М. О. Клейменова отмечает, что в результате злоупотребления возникают непосильные расходы денежных средств на приобретение спиртных напитков и наркотических веществ, что, в свою очередь, оказывает большое влияние на материальное положение семьи [4].

На основе проведенного нами анализа различной юридической литературы, а также судебной практики можно сказать, что злоупотребление гражданином наркотиками и спиртными напитками представляет собой такое их употребление, которое противоречит интересам его семьи и влечет за собой расходы, значительно превышающие доходы семьи.

Для того чтобы признать гражданина ограниченно дееспособным по вышеуказанным основаниям, в суд может обратиться один из членов семьи игрока или лица, злоупотребляющего спиртными напитками. Легальное определение понятия «семья» в законодательстве отсутствует, и законодатель в ст. 31 ГК РФ не закрепляет конкретный перечень членов семьи, которые могут обратиться в суд с требованием признать гражданина ограниченно дееспособным. На наш взгляд, это законодательный пробел необходимо устранить и закрепить в законе положение, устанавливающее, что с целью признания гражданина ограниченно дееспособным вследствие пристрастия к азартным играм или вследствие злоупотребления спиртными напитками в суд могут обратиться лишь члены семьи, которые совместно с ним проживают.

Таким образом, в правовом регулировании ограничения гражданина в дееспособности наблюдаются некоторые недостатки и представляется, что предложенные нами пути совершенствования законодательства помогут их решить.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2019. № 52 (часть I). Ст. 7807.

2. Голуб Е. И. Тяжелое материальное положение семьи как обязательное условие ограничения лица в дееспособности в контексте части 1 статьи 30 ГК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 11. С. 159–161.

3. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2006 №244-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1. Ст. 7; 2021. № 1. Ст. 32.

4. Клейменова М. О. Особенности рассмотрения отдельных категорий дел в гражданском процессе. М., 2013. 448 с.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301; 2019. No. 52 (part I). Art. 7807.

2. Golub E. I. The difficult financial situation of the family as a prerequisite for limiting a person's legal capacity in the context of part 1 of article 30 of the Civil Code of the Russian Federation // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. No. 11. Pp. 159–161.

3. On state regulation of activities related to the organization and conduct of gambling and on amending some legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2006 No. 244-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 1. Art. 7; 2021. No. 1. Art. 32.

4. Kleimenova M. O. Features of consideration of certain categories of cases in civil proceedings. M., 2013. 448 p.

УДК/UDC 349.41

Особенности земельного участка как объекта гражданско-правовых отношений

Гнидовский Виктор Викторович
студент юридического факультета
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
e-mail: gnidovskiy98@bk.ru

Аннотация

В настоящей статье исследуются особенности правового статуса земельного участка как индивидуального объекта гражданско-правовых отношений. Рассматривается, какие земельные участки могут являться объектами гражданских правоотношений и какие земельные участки можно называть объектами недвижимости. Исследуются индивидуализация земельных участков с точки зрения законодательства, а также практические проблемы, возникающие в гражданском обороте земельных участков. Рассматривается значимость земельного участка для государства, правовые основания возникновения земельного участка как объекта гражданских прав, а также проблемы, связанные с оборотом земельных участков в Российской Федерации. Автор представляет свое видение особенностей земельного оборота, а также предлагает ряд нововведений в законодательство для защиты прав и интересов пользователей земельных участков.

Ключевые слова: земельный участок, признаки земельного участка, деление земельного участка, части земельного участка, объект сделки, объект гражданских прав, недвижимость.

Features of a land plot as an object of civil law relations

Gnidovskiy Viktor Viktorovich
student in of the Faculty of law
Kuban State University
Krasnodar, Russia
e-mail: gnidovskiy98@bk.ru

Abstract

This article examines the features of the legal status of a land plot as an individual object of civil law relations. It is considered which land plots can be objects of civil legal relations and which land plots can be called real estate objects. The individualization of land plots is investigated from the point of view of legislation, as well as practical problems arising in the civil circulation of land plots. The significance of the land plot for the state, the legal grounds for the emergence of the land plot as an object of civil rights, as well as the problems associated with the turnover of land plots in the Russian Federation are considered. The author presents his vision of the features of land turnover, and also proposes a number of innovations in legislation to protect the rights and interests of land users.

Key words: land plot, signs of a land plot, division of a land plot, parts of a land plot, an object of a transaction, an object of civil rights, real estate.

Земельный участок является особым объектом гражданско-правовых отношений. От грамотного и рационального землепользования напрямую зависит состояние экономики любого государства, поэтому земельные правоотношения всегда нуждались в специальном правовом регулировании.

Одной из ключевых целей каждого государства в сфере землепользования является настройка и стабилизация земельного оборота. Земельным оборотом в Российской Федерации является переход земельных участков от одних лиц к другим, независимо от последствий в виде перехода прав на земельный участок.

Грамотно настроенный земельный оборот позволяет контролировать и обеспечивать наиболее рациональное распределение земельных участков между пользователями.

Земельные участки строго ограничены в своем количестве ввиду того, земля — это ресурс невосполнимый, и его количество строго ограничено географическими и геологическими характеристиками. Поэтому вовлечение земельных участок в оборот и передача в пользование граждан требует контроля со стороны государства. По логике закона земельные участки должны находиться в руках тех лиц, которые смогут использовать их по прямому назначению, при этом сохраняя и продлевая продуктивность земель.

Для соблюдения данного принципа существует особый порядок передачи земельных участков, а именно торги, посредством которых происходит выделение и передача земель желающим. В данном случае с помощью торгов государство способно определить наиболее заинтересованного и способного пользователя земельного участка [1].

Первая особенность земельного участка как объекта гражданских прав заключается в двойном регулировании земельного оборота. В ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) указано, что земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, т. е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в т. ч. здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, относятся к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) [2]. Таким образом, мы понимаем, что земельный участок — это вещь и относится к недвижимому имуществу.

Согласно гражданскому законодательству лица, которые имеют в собственности земельный участок, вправе осуществлять его продажу, дарение, передачу в залог или сдачу в аренду (ст. 260 ГК РФ), а также распоряжаться им иным образом (ст. 209 ГК РФ), если соответствующие земли на основании закона не исключены из оборота или не ограничены в обороте. Исходя из этой нормы, земельные участки могут быть ограничены в обороте, а перечень правомочий собственника земельного

участка ограничен. При этом в ГК РФ отсутствует легальное определение понятия «земельный участок».

Обратимся теперь к Земельному кодексу Российской Федерации (далее по тексту — ЗК РФ). Исходя из ч. 3 ст. 6 ЗК РФ земельный участок — это недвижимая вещь, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально-определенной вещи [3]. Таким образом, мы становимся ближе к определению понятия земельного участка.

На основании положений ст. 8 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее по тексту — ФЗ № 218) [4] мы можем сделать вывод, что земельному участку как недвижимости свойственны те же признаки, что и те, которые присущи всем объектам недвижимости.

В частности, согласно ч. 4 ст. 8 ФЗ № 218 для индивидуализации и, как следствие, регистрации объекта недвижимости представлены основные сведения об объекте недвижимости. Согласно представленным в норме положениям земельный участок как объект недвижимости и земельного оборота имеет весьма объемный перечень характеристик. Из 27 позиций, представленных в ст. 8 ФЗ № 218, релевантными являются 15 из них, что еще раз наводит на мысль о том, что земельный участок занимает особое место в системе объектов гражданских прав обоснованно.

Как отмечал Р. С. Бевзенко, земельный участок является недвижимой вещью в силу самой своей природы. Так, земельный участок представляет собой недвижимую вещь независимо от признания его таковым позитивным правом, как, например, здания, строения, сооружения. Данные объекты недвижимости можно отнести к объектам недвижимости лишь в силу закона как прочно связанные с землей. Кроме того, понимание того, какая перед нами вещь (движимая или недвижимая) определяет момент возникновения на нее права собственности [5].

Поскольку земельный участок выступает в качестве недвижимой вещи, то он подлежит постановке на кадастровый учет с целью определе-

ния его в качестве индивидуально-определенной вещи, а вещные права на него подлежат регистрации в реестре прав недвижимости. Это проявляется в том, что если объект недвижимости не поставлен на кадастровый учет, то как объекта недвижимости его пока не существует с юридической точки зрения.

Интересная особенность земельного участка скрывается в его возможности «делиться». В частности, имеется ввиду образование пары, нескольких или более земельных участков в своей совокупности равных ранее существовавшему.

Этому вопросу посвятила ряд своих работ И. А. Елисеева, которая, анализируя мнение других ученых, отмечает, что «делимость» земельных участков вызывает бурные обсуждения в научной литературы. Кто-то утверждает, что деление земельных участков невозможно, кто-то заявляет об обратном. Сама же И. А. Елисеева считает, что слова «делимый» и «неделимый» обозначают лишь техническую возможность (ее отсутствие) образования на месте одного земельного участка нескольких. Главным условием будет выступать соответствие границ новых объектов ранее существовавшему земельному участку [6].

При этом отмечается, что новая часть земельного участка сама по себе не может выступать индивидуальным объектом правоотношений. По причине того, что, как указывалось ранее, объект недвижимости считается существующим только после соответствующей регистрации в качестве такового уполномоченным государственным образованием.

А. Л. Корнеев считает, что индивидуализация новых земельных участков уместна, когда в рамках одного земельного участка часть этого участка сдается в аренду. С точки зрения землеустройства это все тот же земельный участок, но при этом его новообразования приобретают особенный правовой статус, в силу чего можно говорить о частях земельного участка как об отдельных объектах гражданско-правовых отношений [7].

Также следует отметить, что поскольку земельные участки занимают особое положение в системе объектов гражданских прав, проблема

их защиты тоже имеет свои особенности. В частности, с целью идентификации земельного участка среди других законодатель устанавливает объемный перечень признаков, а также особый способ регистрации своих прав, что на практике часто вызывает проблемы. Дело в том, что пользоваться судебной защитой при возникновении споров собственники могу только в отношении земельных участков, которые индивидуализированы и зарегистрированы в установленном законном порядке.

Так сложилось на практике, что фактически используемые земельные участки невозможно идентифицировать в качестве объектов гражданских прав. Связано это с тем, что пользователи земельных участков часто пренебрегают правилами постановки земельных участков на соответствующий учет или производят регистрацию и оформление с нарушением технических регламентов и юридических аспектов, указанных в законе [8].

Ярким примером тому может выступить апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 26 июня 2014 г., которым решение суда первой инстанции было оставлено без изменений. В рамках данного дела стороны оспаривали установленный на предполагаемых границах участков забор. Одна из сторон считала, что забор нарушает границы земельного участка. При этом в ходе судебного заседания судом было установлено, что стороны нарушили правила постановки на учет земельных участков и не произвели необходимые их разграничения, ввиду чего границы участков сторон являются предполагаемыми и установить наличие нарушения одной из сторон суду не представилось возможным. Поэтому суд апелляционной инстанции определил решение суда первой инстанции оставить без изменения, а жалобу без удовлетворения [9].

Таким образом, рассмотрев особенности земельного участка, а также особенности его правового регулирования, можно сделать вывод о том, что земля достаточно защищена с правовой точки зрения, однако необходимо обратить внимание на проблему, с которой сталкиваются или могут столкнуться пользователи земельных участков. Данная проблема заключается в том, что земельный участок — это ограниченный ресурс.

И очень часто одним и тем же участком может по очереди или одновременно пользоваться неограниченный круг лиц. Недобросовестные же пользователи своими действиями или бездействиями ухудшают качество земельного участка.

Как природный объект, представляющий собой в т. ч. и определенный объем грунта, земельный участок обладает рядом качественных характеристик, выраженных в содержании полезных веществ, минералов и т. д., благодаря которым земельные участки и делятся на категории для наиболее рационального использования. Получается, что недобросовестный пользователь может своими действиями испортить земельный участок, снизив его плодородие или качество для целевого использования.

Тем не менее, на наш взгляд, существует выход из данной ситуации. В гражданском законодательстве используется понятие «существенные условия договора». К данным условиям договора законодатель относит те, по которым сторонам нужно обязательно достигнуть согласия, иначе такой договор будет считается незаключенным (ст. 432 ГК РФ). Накладывая данную норму на земельные правоотношения, связанные с земельным оборотом, можно сказать, что существенными условиями договора, предметом которого выступают земельные участки, являются сам земельный участок и его цена.

Что касается земельного участка как предмета договора, то здесь сторонам требуется указывать все возможные индивидуализирующие признаки. Однако условий о необходимости указания качества земельного участка в законодательстве не содержится. По нашему мнению, данный факт является упущением со стороны законодателя. Т. к. все договоры с земельными участками регистрируются в Росреестре, государство знает о пользователях и собственниках земельных участков. Соответственно, государство может контролировать земельный оборот, а именно износ земельных участков, находящихся в пользовании.

На наш взгляд, для защиты прав граждан на качественные земельные участки, а также для пополнения бюджета в случае нарушения поль-

зователями условий пользования земельными участками следует дополнить ст. 469 ГК РФ частью 5, в которой указать следующее: «В отношении земельных участков условие об их качестве является существенным условием договора и должно быть закреплено в договоре».

Кроме этого, считаем возможным обязать пользователей проводить предпродажную оценку и исследование почвы земельного участка, а также исследование загрязненности почвы и окружающей среды. Нужно обязать стороны любого договора, где предметом выступает земельный участок, прикладывать к договору отчет о проведенном исследовании, а также предоставлять копию такого отчета в регистрирующий орган.

Кроме того, считаем возможным обязать пользователей, при которых качество участка существенно снизилось, возместить ущерб, причиненный их недобросовестным владением и пользованием.

Таким образом, применение ряда предложенных выше мер на законодательном уровне позволит оградить земельные участки от недобросовестных пользователей, даст возможность государству восстанавливать земельные участки за счет взысканных средств, а также обеспечит защиту интересов и прав будущих потенциальных пользователей земельных участков от ущерба, нанесенного предыдущими пользователями.

Список литературы

1. Куйбышева И. П. Особенности определения земельного участка как объекта сделок // Лесной вестник. 2013. № 5 (97). С. 111–114.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

4. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ // Российская газета. 17.06.2015. № 156 (6727).

5. Бевзенко Р. С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости. М.: М-Логос, 2017. 80 с.

6. Елисеева И. А. Земельный участок как объект гражданского оборота: понятие и признаки // Бизнес в законе. 2010. № 2. С. 60–64.

7. Корнеев А. Л. Сделки с земельными участками: учебное пособие. М.: Городец, 2006. 192 с.

8. Тоточенко Д. А. Земельный участок и часть земельного участка как объекты гражданско-правовой защиты в суде // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 7 (178) С. 6–13.

9. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 26.06.2014 по делу 33-8574/2014 // СПС «Консультант Плюс».

References

1. Kuibysheva I. P. Features of the definition of a land plot as an object of transactions // Lesnoy Vestnik. 2013. No. 5 (97). Pp. 111–114.

2. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

3. The Land Code of the Russian Federation dated 25.10.2001 No. 136-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 44. Art. 4147.

4. On state registration of real estate: Federal Law of 13.07.2015 No. 218-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 17.06.2015. No. 156 (6727).

5. Bevzenko R. S. Land plot with buildings on it: an introduction to Russian real estate law. M.: M-Logos, 2017.80 p.

6. Eliseeva I. A. Land plot as an object of civil turnover: concept and characteristics // Business in law. 2010. No. 2. Pp. 60–64.

7. Korneyev A. L. Land transactions: a tutorial. M .: Gorodets, 2006.192 p.

8. Totochenko D. A. Land plot and part of a land plot as objects of civil protection in court // Property relations in the Russian Federation. 2016. No. 7 (178). Pp. 6–13.

9. The appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated 26.06.2014 in case 33-8574 / 2014 // Consultant Plus.

УДК/UDC 349.2

Дискриминация в трудовом праве

Гришко Диана Евгеньевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: diana1002grishko@mail.ru

Измайлова Диана Эдуардовна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: di.izmailowa2016@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с наличием дискриминации в трудовых правоотношениях. Авторы считают, что действующее трудовое законодательство не устанавливает прямых запретов, касающихся дискриминации в сфере труда, а только констатирует факт недопущения дискриминации и дает перечень дискриминационных признаков. По мнению авторов, работодатель должен обращать внимание исключительно на профессиональные качества и компетенцию работника, при этом наличие опыта работы не считают обязательным критерием во всех случаях. В качестве примеров дискриминации, наиболее распространенных сегодня, приводятся требования к дресс-коду, которые могут быть незаконно основаны на требованиях к антропометрическим параметрам работника. Исследуется также вопрос незаконных отказов при приеме на работу по дискриминирующим показателям. В статье приводятся примеры судебной практики, когда наличие дискриминации было признано судами.

Ключевые слова: дискриминация, работник, работодатель, труд, законодательство, возраст, дресс-код, трудовые правоотношения.

Discrimination in labor law

Grishko Diana Yevgenyevna
student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: diana1002grishko@mail.ru

Izmaylova Diana Eduardovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: di.izmailowa2016@yandex.ru

Abstract

This article examines some of the issues related to the existence of discrimination in labor relations. The authors believe that the current labor legislation does not establish direct prohibitions regarding discrimination in the sphere of labor, but only states the fact of non-discrimination and provides a list of discriminatory grounds. According to the authors, the employer should pay attention exclusively to the professional qualities and competence of the employee, while the presence of work experience is not considered a mandatory criterion in all cases. As examples of discrimination, the most common today, the requirements for the dress code are given, which may be illegally based on the requirements for the anthropometric parameters of the worker. The issue of illegal refusals in hiring on discriminatory indicators is also being investigated. The article provides examples of judicial practice when the existence of discrimination was recognized by the courts.

Key words: discrimination, employee, employer, labor, legislation, age, dress code, labor relations.

Отечественное законодательство предусматривает целый комплекс социальных прав и гарантий. В качестве основного нормативно-правового акта выступает Конституция Российская Федерация. Так, в Основном законе предусматривается, что государство гарантирует равенство всех граждан в их правах и законных интересах вне зависимости от пола, расы, вероисповедания или же языка. В Конституции Российской Федерации установлен запрет на какое-либо ограничение гражданина по представленным выше признакам, а также социальному аспекту и принадлежности к какому-либо общественному объединению. В содер-

жании ст. 37 Конституции Российской Федерации закреплена равная для всех возможность на реализацию права на труд, а также на получение того или иного вознаграждения за осуществляемый труд без допущения дискриминации по различным признакам и основаниям [1].

Таким образом, в России в нормативно-правовом акте, обладающем высшей юридической силой, содержатся те правовые предписания, на основании которых в общественных и правовых отношениях запрещается какая-либо дискриминация.

Что касается трудового права, то право на труд является одним из основных правомочий человека, которое он может реализовать по своей воле. Человек обладает правом получения оплаты за данный труд, призванный обеспечить ему достойное существование.

Гарантии защиты работника установлены в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее по тексту — ТК РФ) [2]. В частности, при заключении трудового договора, когда запрещается необоснованный отказ в приеме на работу. В ч. 2 ст. 64 ТК РФ запрещается установление ограничений либо преимуществ при трудоустройстве, если они связаны с дискриминацией.

В разделе VII ТК РФ «Гарантии и компенсации» перечислены случаи предоставления гарантий и компенсаций работникам (ст. 165 ТК РФ). Этот перечень носит не исчерпывающий характер по сравнению с тем количеством гарантий, которые указаны в отдельных институтах трудового законодательства. Случаи, перечисленные в ст. 165 ТК РФ, не вполне отражают суть понятия, приведенного в ст. 164 ТК РФ [3]. Дискриминация как правовое явление обозначена напрямую в ст. 3 ТК РФ и косвенно в ст. 64 ТК РФ как гарантия недопущения ограничений и преимуществ при заключении трудового договора.

В нестоящее время на практике все чаще встречаются случаи, которые носят ярко выраженный дискриминационный характер [4]. Так, дискриминация в сфере трудовых правоотношений основывается на возрасте, гендерном признаке, а также беременности и др.

Современное трудовое законодательство не предусматривает каких-либо четких запретов, касающихся дискриминации в трудовой сфере. В содержании ТК РФ говорится лишь о том, что дискриминация не допускается, и, как следствие, никто не может ограничиваться в своих правах и свободах на основании дискриминационных признаков, а именно расы, пола, места жительства, семейного положения и возраста.

При приеме на работу работодатель должен обращать свое внимание исключительно на профессиональные качества будущего работника, его компетенцию и в некоторых случаях наличие опыта, что не является обязательным критерием. Работодателю необходимо акцентировать свое внимание на так называемых деловых качествах претендента на вакантную должность. Что касается смыслового содержания понятия «деловые качества», то сущность данного термина раскрыл Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [5]. Так, под деловыми качествами работника понимается совокупность его профессиональных качеств (специальности), личностных качеств (в т. ч. состояние здоровья) и опыта работы в конкретной сфере.

Трудовые отношения носят договорный характер, именно поэтому работодатели пользуются принципом свободы трудового договора и устанавливают свои требования к работнику, которые могут противоречить современному трудовому законодательству. В качестве примера может выступать установление для работника определенного возраста, который выступает как барьер при приеме на работу.

Нельзя не обратить внимание на такое проявление дискриминации работника, как обязанность соблюдать установленный в организации дресс-код. Работодатель имеет право вводить дресс-код, закрепив это в локальном нормативном акте организации. Но недопустимо вводить требования к физическим данным работников. Так, основанием для снижения надбавки к заработной плате бортпроводницы явилось ее несоответствие антропометрическим параметрам, установленным в пп. 7.1 Требо-

ваний к членам кабинного экипажа, утвержденных Приказом генерального директора. Установленные авиакомпанией требования к размерам одежды бортпроводников и бортпроводниц были признаны противоречащими действующему законодательству в связи с их дискриминационным характером [6].

Весьма популярным среди работодателей является требование к возрасту работника. Чаще всего оно носит явно дискриминационный характер. Требование может распространяться как на молодых людей, так и на граждан предпенсионного и пенсионного возраста. В первом случае у работников отсутствует опыт работы, а во втором случае работодатель сомневается в способности лица в полной степени осуществлять возложенные на него трудовые функции. Как правило, работодатель при приеме на работу основывается на следующих личных качествах претендента: стрессоустойчивость, способность к обучению, ориентация на профессиональный рост [7]. Если молодые работники не имеют стажа работы, то лица предпенсионного возраста не ориентированы на профессиональный рост. Обе данные категории оказываются невостребованными и получают отказ в приеме на работу.

Так, В. А. Глушков обратился в Железнодорожный районный суд г. Барнаула с исковым заявлением к ООО «Алюпласт», в котором просил признать незаконным отказ в приеме на работу [8]. В обоснование исковых требований он указал, что состоит на учете в качестве безработного в Центре занятости населения. Ему было выдано направление на работу в ООО «Алюпласт» для замещения свободного рабочего места по профессии машинист (кочегар) котельной. Ответчик отказал В. А. Глушкову в заключении трудового договора при поступлении на работу, сделав запись в бланке направления на работу о несоответствии возраста истца занимаемой должности, что истец полагал необоснованным и носящим дискриминационный характер. Суд удовлетворил требования В. А. Глушкова. Но на практике работодатели находят иные формулировки для отказа в приеме на работу, например отсутствие необходимых

деловых качеств. В подобных случаях доказать факт наличия дискриминации бывает весьма затруднительно.

На основании изученного материла можно сформулировать предложение, суть которого заключается в закреплении официального термина «дискриминация в трудовых правоотношениях». В настоящее время действующая редакция ТК РФ не предусматривает подобного понятия, и в данном случае необходимо основываться на Конвенции № 111 Международной организации труда, в которой под дискриминацией понимается всякое различие, исключение или же предпочтение, основанное на признаках пола, расы, вероисповедания, социального статуса или же политических убеждений [9]. По нашему мнению, представленное определение можно включить в содержание ТК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что дискриминация встречается в современных трудовых правоотношениях, что является серьезным упущением со стороны законодателя. Сформированные нами предложения и дальнейшее изучение поставленного вопроса позволит не только искоренить дискриминацию в представленной сфере правоотношений, но и усовершенствовать отечественное законодательство.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 04.07.2020. № 144 (8198).

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 3.

3. Адриановская Т. Л. Компенсации в трудовом праве и праве социального обеспечения // Социальные обязательства государства: правовое регулирование: Материалы межрегионального круглого стола. Краснодар, 18.03.2015 / Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». Краснодар: «Издательский Дом — Юг», 2015. С. 11–18.

4. Сизова О. С., Кузьмин И. М. Проблема дискриминации в трудовом праве // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 2 (36). С. 480–486.

5. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. Март, 2007.

6. Апелляционное определение Московского городского суда от 06.09.2017 по делу № 33-34960/2017 // Московский городской суд. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/5cf13637-8f91-4312-bccc-3a46b362c27e (дата обращения 10.05.2021).

7. Современные кадровые технологии в органах власти: монография / А. М. Беляев, Е. Д. Богатырев, А. И. Галкин и др.; под общ. ред. С. Е. Прокофьева, А. М. Беляева, С. Г. Еремина. М.: Юстицинформ, 2015. 662 с.

8. Решение Железнодорожного районного суда г. Барнаула № 2-1613/2020 2-1613/2020 М-883/2020 М-883/2020 от 07.07.2020 по делу № 2-1613/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/nES70TN2NjC/ (дата обращения 10.05.2021).

9. Относительно дискриминации в области труда и занятий: Конвенция МОТ № 111 (принята в г. Женеве 25.06.1958 на 42-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Ведомости ВС СССР. 01.11.1961. № 44. Ст. 448.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 04.07.2020. No. 144 (8198).

2. The Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. Art. 3.

3. Adrianovskaya T. L. Compensation in labor law and social security law // Social obligations of the state: legal regulation: Materials of the interregional round table. Krasnodar, 18.03.2015 / North Caucasus branch of the Russian State University of Justice. Krasnodar: "Publishing House — South 2015. Pp. 11–18.

4. Sizova O. S., Kuzmin I. M. The problem of discrimination in labor law // Innovative economy: prospects for development and improvement. 2019. No. 2 (36). Pp. 480–486.

5. On the application by the courts of the Russian Federation of the Labor Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 17, 2004 No. 2 (as amended on November 24, 2015) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 3. March, 2007.

6. The appeal ruling of the Moscow City Court dated 09/06/2017 in case No. 33-34960 / 2017 // Moscow City Court. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/5cf13637-8f91-4312-bccc-3a46b362c27e (access date: May 10, 2021).

7. Modern personnel technologies in government bodies: monograph / A. M. Belyaev, E. D. Bogatyrev, A. I. Galkin and others; under total. ed. S. E. Prokofiev, A. M. Belyaeva, S. G. Eremina. M.: Yustitsinform, 2015. 662 p.

8. Decision of the Railway District Court of Barnaul No. 2-1613 / 2020 2-1613 / 2020 M-883/2020 M-883/2020 dated 07.07.2020 in case No. 2-1613 / 2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/nES70TN2NjC/ (access date: May 10, 2021).

9. Concerning discrimination in the field of work and occupation: ILO Convention No. 111 (adopted in Geneva on June 25, 1958 at the 42nd session of the ILO General Conference) // Bulletin of the USSR Armed Forces. 01.11.1961. No. 44. Art. 448.

УДК/UDC 347.73

К вопросу о биржевом товаре

Диванян Эвелина Сергеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный агарный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: divanyan_evelina@mail.ru

Масленникова Людмила Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный агарный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: kubgau.maslv@mail.ru
SPIN-код: 5951-4469

Аннотация

Статья посвящена анализу биржевых товаров. Авторами рассматриваются характерные особенности деятельности биржи, а также процедуры торговли товарами. Даются определения таких понятий, как «торговая биржа» и «биржевый товар». Представлена краткая история развития биржевых товаров. Подробно анализируется отечественное законодательство, регламентирующее исследуемые правоотношения. Отмечается, что наличия одного только Федерального закона «Об организованной торговле» недостаточно для эффективного правового регулирования рассматриваемых правоотношений. В связи с этим подчеркивается необходимость предотвращения конфликтов интересов при совмещении торговой организацией депозитной, дилерской и брокерской деятельности посредством принятия специального подзаконного правового акта. Кроме того, по мнению авторов, Российской Федерации необходимо выводить отечественную биржевую площадку на новый уровень.

Ключевые слова: биржа, биржевой товар, хозяйствующий субъект, проведение торгов, брокер.

To the question of the exchange commodity

Divanyan Evelina Sergeyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agar University
Krasnodar, Russia
e-mail: divanyan_evelina@mail.ru

Maslennikova Lyudmila Vladimirovna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of International Private and Business Law
Kuban State Agar University
Krasnodar, Russia
e-mail: kubgau.maslv@mail.ru
SPIN Code: 5951-4469

Abstract

The article is devoted to the analysis of exchange commodities. The authors consider the characteristic features of the exchange, as well as the procedures for trading in goods. The definitions of such concepts as "trading exchange"and "exchange commodity"are given. A brief history of the development of exchange commodities is presented. The domestic legislation governing the investigated legal relationship is analyzed in detail. It is noted that the presence of the Federal Law "On Organized Trade"alone is not enough for effective legal regulation of the legal relations in question. In this regard, the author emphasizes the need to prevent conflicts of interest when a trade organization combines deposit, dealer and brokerage activities through the adoption of a special by-law. In addition, according to the authors, the Russian Federation needs to bring the domestic exchange floor to a new level.

Key words: exchange, commodity exchange, business entity, trading, broker.

Современные экономические отношения строятся на соотношении спроса на товары и предложения. Товарный рынок обладает весьма сложным устройством. Так, одним из наиболее важных элементов, составляющих структуру товарного рынка, является товарная биржа. Именно на ней хозяйствующие субъекты и участники экономических отношений вступают во взаимодействие друг с другом, осуществляют

торговлю товарами с соблюдением соответствующих норм, моделей и стандартов [1].

Дадим определение понятию «товарная биржа». Г. А. Васильев считает, что под товарной биржей необходимо понимать специфическое коммерческое предприятие, осуществляющее свою деятельность в виде заключения сделок купли-продажи товаров на постоянной основе [2]. При этом ученый обращает свое внимание на то обстоятельство, что товарная биржа выполняет посреднические функции. Что касается понятия «биржевой товар», то под ним понимаются услуги или же товары, которые выставляются на бирже в целях их последующей продажи.

Отечественная биржевая торговля появилась в 1990 г. — именно в этом году была зарегистрирована Московская биржа. Проводимая в те годы экономическая реформа привела к тому, что в России было образовано около 800 бирж. Это было обусловлено открытием фондовой биржи, а также переходом биржи Российской Федерации к рыночной экономике. Период 1990–1991 гг. получил название «биржевой бум» [3]. Проблема заключалась в том, что большинство созданных в данные годы бирж не соответствовало тем требованиям, которые предусматривались законодателем для нормального и законного функционирования биржи. Например, многие биржи не имели четкого графика проведения торгов, что является недопустимым.

Законодатель понимал значимость данной проблемы, и в 1992 г. был принят Закон Российской Федерации «О товарных биржах и биржевой торговле», который на сегодняшний день утратил свою юридическую силу [4]. Согласно данному нормативно-правовому акту все биржи должны были пройти перерегистрацию, что привело к значительному снижению общего количества бирж. Так, для полноценного и законного функционирования бирже необходимо было получить специальную лицензию, которая выдавалась Комиссией по товарным биржам. В течение трех месяцев с даты государственной регистрации товарный биржи необходимо было подать в данную Комиссию определенный пакет документов. В противном случае биржа прекращала свою деятельность.

Помимо этого, представленный выше закон предусматривал существование нескольких условий для проведения биржевых торгов. К одному из основных следует отнести условие о том, что биржа возникает только на основании долевой собственности, а доля учредителя не может превышать 10% от уставного капитала конкретно взятой биржи.

В указанном законе предусматривались и правила участия на торгах. Так, срок участия постоянных посетителей биржи составлял три года, а общее число постоянных посетителей биржи не могло превышать 30% от общего количества членов биржи. Что касалось так называемых разовых членов биржи, то они могли заключать сделки только в отношении реальных товаров [5]. При этом такие сделки заключались от имени члена биржи и исключительно за его собственный счет.

Отметим тот факт, что правовое регулирование проведения торгов на бирже не остановилось на принятии Закона Российской Федерации «О товарных биржах и биржевой торговле», т. к. уже в 2011 г. был принят новый Федеральный закон «Об организованных торгах» [6]. Указанный нормативно-правовой акт закреплял основы государственного регулирования деятельности бирж, а также предусматривал определение правил, согласно которым за деятельностью биржи осуществлялся жесткий контроль со стороны органов государственной власти, в т. ч. и прокуратуры.

В Федеральном законе «Об организованных торгах» законодатель несколько отошел от фундаментального правила проведения торгов, согласно которому организатору торгов запрещалось совмещать несколько функций. Например, непосредственно сам организатор торгов не может реализовывать функции одного из участников аукциона. По нашему мнению, подобного рода либерализация обусловлена тем обстоятельством, что строгие ограничения на совмещение деятельности по организации торговли негативно сказываются на создании электронных торговых систем, которые функционировали бы в рамках российской биржи, в то время как за границей их аналоги обретают большую популярность.

Подводя итоги настоящему исследованию, необходимо сформулировать несколько выводов. В первую очередь отметим тот факт, что на-

личия одного только Федерального закона «Об организованной торговле» недостаточно для эффективного правового регулирования данных правоотношений. Так, на сегодняшний день существует острая необходимость в предотвращении конфликтов интересов при совмещении торговой организацией депозитной, дилерской и брокерской деятельности. Это возможно сделать с помощью принятия подзаконного правового акта. Также стоит сказать о том, что в современных условиях биржи России преимущественно осуществляют торговлю срочными контрактами, предусматривающими поставки реального товара, и на сегодняшний день сделки с товарными фьючерсами на российских товарных биржах по своему содержанию и объему пока несопоставимы с ведущими мировыми биржевыми площадками. Что является действительно интересным и свидетельствует о серьезных намерениях создать в России эффективный биржевой рынок товарных фьючерсов, так это проведение в рамках международной товарно-сырьевой биржи тестовых торгов нефтью на экспорт. Так, в 2016 г. на Санкт-Петербургской международной товарно-сырьевой бирже был введен фьючерсный контракт на поставку нефти сорта Urals с отгрузкой в г. Приморске [7]. Подобные мероприятия позволят вывести российскую биржевую площадку на новый уровень.

Список литературы

1. Клинов В. Г., Ревенко Л. С., Ружинская Т. И. Мировые товарные рынки и цены: учебник / Под ред. Л. С. Ревенко. М.: 2018. 664 с. С. 323.

2. Васильев Г. А., Каменева Н. Г. Организация и техника биржевой торговли: учебное пособие. ВЗФЭИ. М.: Экономическое образование, 1995. 324 с. С. 58.

3. О товарных биржах и биржевой торговле: Закон Российской Федерации от 20.02.1992 № 2383-I // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 18. Ст. 961.

4. Кривокоченко Л. В. Современные особенности товарной биржи // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 5. С. 41–53.

5. Дегтярева О. И. Биржи стран БРИКС в контексте мировой биржевой торговли: монография. М.: Магистр: Инфра-М, 2016. 208 с. С. 36.

6. Об организованных торгах: Федеральный закон от 21.11.2011 № 325-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6726.

7. Тестовые торги нефтью на экспорт // СПбМТСБ. URL: https://spimex.com/markets/derivatives/urals-crude-futures/futures-for-export-oil/ (дата обращения: 05.05.2021).

References

1. Klinov V. G., Revenko L. S., Ruzhinskaya T. I. World commodity markets and prices: textbook / Ed. L. S. Revenko. Moscow: 2018. 664 p. P. 323.

2. Vasilyev G. A., Kameneva N. G. Organization and technology of exchange trading: a tutorial. VZFEI. M .: Economic education, 1995. 324 p. P. 58.

3. On commodity exchanges and exchange trade: Law of the Russian Federation dated 20.02.1992 No. 2383-I // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. No. 18. Art. 961.

4. Krivokochenko L. V. Modern features of a commodity exchange // Russian Foreign Economic Bulletin. 2019. No. 5. Pp. 41–53.

5. Degtyareva O. I. Exchanges of the BRICS countries in the context of world exchange trading: monograph. M .: Master: Infra-M, 2016. 208 p. P. 36.

6. On organized trading: Federal Law of 21.11.2011 No. 325-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. Art. 6726.

7. Test trading in oil for export // SPIMEX. URL: https://spimex.com/markets/derivatives/urals-crude-futures/futures-for-export-oil/ (access date: May 05, 2021).

УДК/UDC 349.3

О социальной защите семей с детьми в России и за рубежом

Демирова Алина Витальевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: iakhme@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена анализу социальной защиты семей с детьми в Российской Федерации и некоторых зарубежных странах. Так, автор уделяет внимание особенностям ведения социальной политики в России в части предоставления мер социальной поддержки семьям с детьми. Также анализу подвергается отечественное законодательство, мнение ученых-правоведов в данной области. В работе раскрывается сущность и правовая природа компенсационных выплат, а также рассматривается зарубежный опыт в сфере оказания социальной защиты семьям с детьми. В заключении данного исследования автор приходит к выводу о том, что социальная политика Российской Федерации не полностью отвечает современным международным стандартам, поэтому заимствование некоторых положений из иностранного законодательства было бы полезно и эффективно для отечественного законодательства.

Ключевые слова: социальная защита, семья, пособие, компенсационная выплата.

Social protection of families with children in Russia and abroad

Demirova Alina Vitalyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: iakhme@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the analysis of social protection of families with children in the Russian Federation and some foreign countries. Thus, the author pays attention to the peculiarities of social policy in Russia in terms of providing social support measures to families with children. Also, the analysis is carried out on domestic legislation, the opinion of legal scholars in this area. The work reveals the essence and legal nature of compensation payments, as well as examines foreign experience in the provision of social protection to families with children. In the conclusion of this study, the author comes to the conclusion that the social policy of the Russian Federation does not fully meet modern international standards, therefore, borrowing some provisions from foreign legislation would be useful and effective for domestic legislation.

Key words: social protection, family, allowance, compensation payment.

Современное российское законодательство в качестве социальной защиты семей с детьми предусматривает специальные компенсационные выплаты. На данный момент компенсационные выплаты являются одним из наиболее распространенных видов социальной поддержки представленной категории населения. Компенсационные выплаты предоставляются наравне с детскими пособиями.

Согласно отечественному законодательству существует две разновидности компенсационных выплат, разделение которых основывается на субъекте выплаты [1, с. 69]. Так, выделяют:

1. Компенсационные выплаты, предназначенные матерям, которые осуществляют трудовую функцию в организации вне зависимости от ее организационно-правовой формы. К этой же категории следует отнести женщин, проходящих службу в армии и находящихся в отпуске по уходу за ребенком. Компенсационные выплаты могут производиться и иным родственникам, которые фактически занимаются уходом за ребенком.
2. Компенсационные выплаты, предназначенные для лиц, которые осуществляют уход за ребенком-инвалидом. В данном случае размер компенсационных выплат является более высоким.

Компенсационные выплаты на примере пособий могут подразделяться на единовременные, ежемесячные, ежегодные. Ежегодные компенсационные выплаты, как правило, представляют собой компенсацию коммунальных услуг, которыми пользуется семья в течение года [2, с. 64]. Тем не менее в действующем законодательстве нет упоминания о наличии компенсационных выплат, которые выплачиваются периодически.

Таким образом, можно сформулировать промежуточные выводы, которые касаются ведения отечественной политики в направлении социальной защиты семей с детьми. Современное российское законодательство предусматривает компенсационные выплаты данной категории населения, что является серьезным подспорьем для лиц, осуществляющих уход за ребенком. Кроме того, данного рода выплаты не отменяют права лица на получение различных пособий, что уже обеспечивает финансовую поддержку семей с детьми. На основании этого можно с уверенностью говорить о том, что наше государство соответствует статусу социального, поскольку органы власти заинтересованы в помощи семьям с детьми, которые в этом действительно нуждаются.

Однако проанализируем также и международную практику социальной помощи семьям, имеющим детей. Так, стоит обратить внимание на Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая была создана для решения подобных вопросов и ведения политики в области социальной помощи отдельным категориям населения [3, с. 236].

В странах, которые входят в состав ОЭСР, социальная поддержка семей осуществляется сразу в трех направлениях:

1. Классические денежные трансферты, которые идут на удовлетворение основных нужд семьи с ребенком. Под данными трансфертами необходимо понимать различного рода пособия на детей, а также выплаты для обеспечения отпуска родителей по уходу за ребенком. Пособия выплачивают на детей от 3 до 12 лет включительно. В исключительных случаях пособие может

выплачиваться и детям, достигшим возраста 12 лет. Это определяется формой получаемого ребенком образования.

2. Предоставление различных услуг в социальной сфере, которые финансируются за счет соответствующих бюджетов. В данном случае речь идет о финансировании дошкольного образования, однако нахождение в дошкольных учреждениях не является платным, т. к. родителям предоставляются специальные денежные выплаты, которые необходимо направлять исключительно на предоставление ребенку дошкольного образования. Сюда же стоит включить государственные расходы, связанные с оплатой жилья семьям с детьми [4, с. 25]. В некоторых странах родителям может предоставляться работа в специализированных учреждениях.
3. Особая система налогообложения. Так, в странах, входящих в ОЭСР, получило распространение полное или же частичное освобождение от уплаты налогов. Также существует практика, согласно которой предусматриваются налоговые вычеты на детей, не говоря уже об уменьшении так называемого налогового оклада, т. е. той суммы, которая вычитается из налоговых обязательств. Данная практика распространена в Канаде и Австрии.

С учетом представленных выше положений можно сказать о том, что международный опыт социальной защиты семей с детьми находится на достаточно высоком уровне, т. к. зарубежные страны используют различного рода виды и способы помощи данной категории населения. Проводя параллель с отечественным законодательством, регламентирующим данные вопросы, можно прийти к выводу, что зарубежный опыт в значительной степени оторвался от российской социальной политики.

В последние годы прослеживается тенденция, когда выполнение семьей ее основных функций, а именно репродуктивной и воспитательной, сталкивается с рядом проблем. И речь идет не только проблемах экономического характера. В настоящее время наблюдается рост количества

неполных семей, которые, безусловно, нуждаются в помощи со стороны государства [5, с. 1488].

Российская Федерация отвечает статусу социального государства и законодатель действительно заинтересован в проведении социальной политики. Однако социальная помощь семьям с детьми в России заканчивается на выплате и дополнительном финансовом обеспечении, которое нивелируется инфляцией и постоянно растущими ценами на товары первой необходимости. По нашему мнению, следует обратить внимание на зарубежный опыт ведения социальной политики и включить в отечественное законодательство не только компенсационные выплаты, но и налоговые льготы для данной категории населения, а также предоставление широкого спектра социальных услуг.

Список литературы

1. Корсаненкова Ю. Б. К вопросу о социальной защите семей с детьми // Юриспруденция. 2010. № 2. С. 68–72.

2. Кораблева О. В. Систематизация терминологии, используемой в области социальной поддержки семей с детьми в Российской Федерации // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 13 (55). С. 63–69.

3. Андрюшина Е. В., Луценко Н. О. Государственная политика по стимулированию рождаемости: зарубежные практики и уроки для современной России // Власть. 2020. Т. 28. № 5. С. 235–240.

4. Андреева Е. И., Бычков Д. Г. Универсальное пособие по бедности: опыт зарубежных стран и перспективы в России // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2015. № 6. С. 24–33.

5. Черноштанова Ю. И., Сапожникова Н. И. Материнский (семейный) капитал как форма социальной поддержки семьи // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник статей по материалам 74-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2018 год / Отв. за вып. А. Г. Кощаев. Краснодар: КубГАУ, 2019. С. 1487–1489.

References

1. Korsanenkova Yu. B. On the issue of social protection of families with children // Jurisprudence. 2010. No. 2. Pp. 68–72.

2. Korableva O. V. Systematization of the terminology used in the field of social support for families with children in the Russian Federation // Problems of modern science and education. 2016. No. 13 (55). Pp. 63–69.

3. Andryushina E. V., Lutsenko N. O. State policy to stimulate the birth rate: foreign practices and lessons for modern Russia // Power. 2020. Vol. 28. No. 5. Pp. 235–240.

4. Andreyeva E. I., Bychkov D. G. Universal Poverty Allowance: Experience of Foreign Countries and Prospects in Russia // Scientific Research Financial Institute. Financial journal. 2015. No. 6. Pp. 24–33.

5. Chernoshtanova Yu. I., Sapozhnikova N. I. Maternal (family) capital as a form of social support for the family // Scientific support of the agro-industrial complex: Collection of articles based on the materials of the 74th scientific-practical conference of students based on the results of research for 2018 / Ed. for issue. A. G. Koschaev. Krasnodar: KubGAU, 2019. Pp. 1487–1489.

УДК/UDC 343.3/.7

Уголовно-правовые аспекты убийства матерью новорожденного ребенка

Ефимиади Екатерина Анатольевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: katerina.efimiadi@yandex.ru

Медведев Сергей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: medvedewss@mail.ru

Аннотация

В статье исследованы уголовно-правовые аспекты убийства матерью новорожденного ребенка, родовой, видовой, непосредственный объекты, объективная сторона, конструкция, субъективная сторона и субъект рассматриваемого преступления. Рассмотрено основание причисления данного преступления к привилегированным видам преступлений. Также рассмотрены особенности объективной стороны изучаемого состава, в течение какого времени «во время» и «после» родов содеянное будет квалифицироваться как убийство матерью новорожденного ребенка, разные точки зрения ученых относительно данного вопроса. Изучены факторы, способствующие возникновению психотравмирующих условий, что подкрепляется судебной практикой в сфере уголовного права. Приведены особенности специального субъекта — матери, критерии выделения субъекта преступления. Выделены расхождения в понимании субъекта преступления в связи с появлением таких понятий, как «генетическая мать», «суррогатная мать». Отмечены законодательные пробелы, с которыми сталкивается правоприменительная практика.

Ключевые слова: уголовная ответственность, убийство матерью новорожденного ребенка, привилегированный вид убийства, психотравмирующие условия, объективная сторона, субъект, состав преступления, потерпевший, новорожденный ребенок, мать, суррогатная мать, судебная практика, пробелы в законодательстве.

Criminal-legal aspects of the murder of a newborn child by a mother

Yefimiadi Yekaterina Anatolyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: katerina.efimiadi@yandex.ru

Medvedev Sergey Sergeyevich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminal Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: medvedewss@mail.ru

Abstract

The article examines the criminal-legal aspects of the mother's murder of a newborn child, generic, specific, immediate objects, the objective side, the construction, the subjective side and the subject of the crime in question. The basis for classifying this crime as a privileged type of crime is considered. Also considered are the features of the objective side of the studied composition, during what time "during"and "after"childbirth, the deed will be qualified as the mother's murder of a newborn child, different points of view of scientists regarding this issue. The factors contributing to the emergence of psycho-traumatic conditions have been studied, which is supported by judicial practice in the field of criminal law. The features of the special subject — the mother, the criteria for identifying the subject of the crime are given. Discrepancies in the understanding of the subject of a crime in connection with the emergence of such concepts as "genetic mother "surrogate mother"are highlighted. The legislative gaps faced by law enforcement practice are noted.

Key words: criminal liability, mother's murder of a newborn child, privileged type of murder, psychotraumatic conditions, objective party, subject, corpus delicti, victim, newborn child, mother, surrogate mother, judicial practice, gaps in legislation.

В настоящее время Уголовным кодексом Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка. Данный состав содержится

в ст. 106 УК РФ [1]. Убийство матерью новорожденного ребенка является привилегированным видом убйства, что означает совершение такого убийства при обстоятельствах, значительно снижающих общественную опасность содеянного. Говоря о правовых основах преступления, в первую очередь необходимо выделить родовой, видовой, непосредственный объекты, объективную сторону, конструкцию, субъективную сторону и субъект рассматриваемого преступления. Родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, являются общественные отношения по охране личности. Видовым объектом — общественные отношения по охране жизни и здоровья человека. Непосредственным объектом — общественные отношения по охране жизни новорожденного ребенка. Объективная сторона выражается в причинении смерти ребенку во время родов; сразу же после родов; в условиях психотравмирующей ситуации; в состоянии психического расстройства, которое не исключает вменяемости матери. Убийство «во время» означает, что рождающийся ребенок лишается жизни в течение первых суток после родоразрешения. Второй признак — «сразу же после родов» — по продолжительности составляет до одного месяца после родов [2]. При этом нельзя не прибегнуть к медицинской терминологии, чтобы понимать временные рамки преступления. Родоразрешение — это выход плода и плаценты (последа) из матки и родовых путей во внешнюю среду. Таким образом, убийство считается совершенным в течение первых суток после выхода плода и плаценты. Однако формулировка «во время родов» и на сегодняшний день является предметом дискуссий среди ученых. Э. Ф. Побегайло считал, что убийство во время родов происходит в процессе родов до окончания физиологического процесса родов, до изгнания плода и плаценты через родовые пути [3]. На наш взгляд, убийство происходит именно в течение первых суток после родоразрешения, т. к. до момента родов плод составляет единое целое с организмом беременной женщины, а после родоразрешительной процедуры, при отделении плода от тела матери, когда плод не будет считаться частью матери, а начнет самостоятельную жизнедеятельность, может считаться потерпевшим. В

подтверждение своей точки зрения целесообразно привести пример из массива сложившейся судебной практики. Гражданка Б., являясь матерью, совершила убийство новорожденного ребенка во время родов при следующих обстоятельствах. В марте 2015 г. Б. узнала, что является беременной от мужчины, который не является ее супругом. Во время своей беременности на учет у врача-гинеколога не становилась, в женские консультации и иные медицинские учреждения по поводу беременности не обращалась, скрывая факт своей беременности. Б. находилась у себя в доме, когда у нее в связи с родовой деятельностью начались схватки. Она стала чувствовать интенсивные периодические боли в области живота, поняла, что через некоторое время произойдут роды, но за медицинской помощью не обратилась, никому об этом не сообщила. В связи с тем, что рождение третьего ребенка для Б. было нежелательным ввиду тяжелого материального положения, у нее возник умысел на причинение смерти новорожденному ребенку во время родов. Б., находясь в своем доме в антисанитарных условиях, присела на корточки над ведром с жидкостью, в которое родила доношенного, зрелого, живого, жизнеспособного, без каких-либо признаков заболеваний младенца женского пола. После чего Бирюкова оставила новорожденного ребенка в ведре с водой. Смерть новорожденного ребенка женского пола наступила от аспирации жидкостью, имеющейся в ведре и содержащей околоплодные воды. Таким образом, Б. совершила убийство во время родов, когда плод был изгнан, а изгнание последа еще не произошло [4].

Однако в уголовно-правовой литературе так и не сформировалось единого мнения о четкой границе, которая полностью соответствовала бы биологическим признакам возникновения жизни человека и одновременно была бы приемлемой для юридического решения вопроса о том, имелось ли в данном случае убийство ребенка или же имело место истребление продукта зачатия [5].

Уделяя внимание потерпевшему при данном составе преступления, важно отметить, что потерпевшим является новорожденный, поэтому при квалификации преступления особое значение имеет определение мо-

мента начала самостоятельной жизни ребенка. Насильственное воздействие непосредственно на организм рождающегося ребенка возможно уже в процессе родов («интранатальная» смерть) либо непосредственно после их окончания («постнатальная» смерть новорожденного). С древних времен жизнь человека отсчитывалась с момента зачатия. Перинатальный период существования младенца включает время от 22 недель беременности (ранее такой период начинался с 28 недель) до 168 часов жизни новорожденного вне тела матери. Считалось, что наиболее достоверным доказательством наличия жизни должно быть дыхание. Многие авторы полагают, что нельзя отождествлять начало жизни только с дыханием. Г. Шарипова считала неправомерным давать юридическое определение жизни. Она полагала, что надо основываться на биологическом и медицинском критериях — жизнь начинается с первым вдохом. Следовательно, действия против плода во время прохождения его по родовым путям, а также рожденного, но не начавшего дышать, нельзя считать действиями против жизни человека [6]. М. Д. Шаргородский начало жизни связывал с началом дыхания и с моментом отделения пуповины [7].

Следует сказать о не менее важном признаке объективной стороны преступления — психотравмирующей ситуации, в условиях которой мать совершает убийство новорожденного. Психотравмирующая ситуация может иметь место до родов, в период родов и после них. В связи с тем, что данная ситуация не определена законодателем, на практике психотравмирующая ситуация определяется различными факторами — отказ отца от признания ребенка, непринятие ребенка родственниками, материальные трудности, рождение ребенка в результате изнасилования и др. Однако такая ситуация должна иметь непосредственную связь с беременностью, родами, судьбой матери и ребенка. В настоящее время практически каждое убийство матерью новорожденного ребенка можно считать совершенным в условиях психотравмирующей ситуации, учитывая условия экономической и социальной напряженности [8]. Судебной практике известен случай убийства матерью новорожденного ребенка

сразу же после родов, в условиях психотравмирующей ситуации, при следующих обстоятельствах. Гражданка Л., находясь у себя дома, родила одна, без посторонней помощи, доношенного, живорожденного ребенка мужского пола. Сразу после родов у Л. в связи с длительной психотравмирующей ситуацией, обусловленной распознаванием беременности на поздних сроках и невозможностью ее легального прерывания, представлением об осуждающей и отвергающей позиции близких, ощущением одиночества, изоляции, а также низким материальным статусом, сомнением в возможности воспитать ребенка без помощи посторонних возник преступный умысел, направленный на убийство своего новорожденного ребенка. Затем она совершила убийство своего новорожденного ребенка. Л. своей левой рукой перекрыла отверстия рта и носа новорожденного ребенка мужского пола и удерживала до тех пор, пока последний перестал подавать признаки жизни. Согласно заключению эксперта, причиной смерти ребенка мужского пола явилась асфиксия, которая могла развиться в результате закрытия отверстий рта и носа. Судом деяние было квалифицировано по ст. 106 УК РФ как убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации [9].

Состав является материальным и признается оконченным при наступлении смерти новорожденного ребенка.

Субъективная сторона анализируемого преступления характеризуется умышленной формой вины. Действия матери квалифицируются как оставление в опасности по ст. 125 УК РФ при отсутствии умысла на лишение ребенка жизни, когда она оставляет его, например, хорошо защищенным и в таком месте, где его могут быстро обнаружить.

Субъект данного преступления — это физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Важно отметить, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, может быть только мать новорожденного ребенка, что исходит из названия самой статьи. Но в общеупотребительном значении «мать» — это женщина по отношению к своим детям, зачавшая, выносившая и родившая ребенка. В свете развития медицины получило широкое распространение суррогатное материнство. В

соответствии с п. 78 Приказа Минздрава России № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» суррогатной матерью может быть женщина в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет, имеющая не менее одного здорового собственного ребенка, получившая медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья, давшая письменное информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство [10]. Как было сказано ранее, мать — это женщина, зачавшая, выносившая и родившая ребенка, что не относится к суррогатной матери. Суррогатная мать причастна только к вынашиванию и рождению ребенка, поэтому ряд авторов считает, что убийство ребенка суррогатной матерью следует квалифицировать по соответствующей части ст. 105 УК РФ, т. к. она является не биологической матерью, а «юридической».

Таким образом, можно проследить наличие пробелов в законодательстве, которые сопровождаются отсутствием необходимых дефиниций. На наш взгляд, следует в примечании к ст. 106 УК РФ четко определить юридический момент начала самостоятельной жизнедеятельности лица (новорожденного), на здоровье и жизнь которого может посягать преступное лицо (мать). Также для более единообразной судебной практики и исключения влияния морально-нравственных категорий и эмоционального воздействия со стороны суда следует четко указать в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, какие факторы являются провоцирующими психотравмирующими условиями, ситуациями для субъекта преступления. По нашему мнению, является важным конкретизировать название ст. 106 УК РФ, а именно заменить слово «мать» на слово «роженица», т. к. мать может быть не только биологической (зачавшей, родившей и выносившей ребенка), но и генетической, суррогатной в связи с развитием вспомогательных репродуктивных технологий.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-10699/ae9d07f27fd0e736d95f0da92e5d62311e7ea7f5/ (дата обращения: 07.06.2021).

2. Уголовное право в 2 Т. Учебник для вузов / Отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. Т. 2. Особенная часть. 5-е изд., пер. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 499 с.

3. Побегайло Э. Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Уголовно-правовое криминологическое исследование. Воронеж, 1965. 206 с. С. 185.

4. Приговор № 1-50/2016 от 23 мая 2016 г. по делу № 1-50/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/diVdCcmPYSb3/ (дата обращения: 07.06.2021).

5. Антонян Ю. М., Гончарова М. В., Кургузкина Е. Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Lex russica. 2018. № 3 (136). С. 94–114.

6. Шарипова Г. Уголовная ответственность за детоубийство по УК УзССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987.

7. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 511 с.

8. Анализ статистики убийств новорожденных и работы бэби-боксов в России // Родительское Всероссийское Сопротивление. URL: https://rvs.su/statia/analiz-statistiki-ubiystv-novorozhdennyh-i-raboty-bebi-boksov-v-rossii (дата обращения: 07.06.2021).

9. Приговор № 1-66/2018 от 25 июня 2018 г. по делу № 1-66/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/cRucXDKbQyR/ (дата обращения: 07.06.2021).

10. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н (ред. от 01.02.2018) (Зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2013 № 27010) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142595/ (дата обращения: 07.06.2021).

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-10699/ae9d07f27fd0e736d95f0da92e5d62311e7ea7f5/ (access date: June 07, 2021).

2. Criminal law in 2 T. Textbook for universities / Otv. ed. A. B. Naumov, A. G. Kibalnik. T. 2. A special part. 5th ed., Trans. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 499 p.

3. Pobegailo E. F. Intentional killings and the fight against them. Criminal law criminological research. Voronezh, 1965. 206 p. P. 185.

4. Sentence No. 1-50 / 2016 of May 23, 2016 in case No. 1-50/2016 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/diVdCcmPYSb3/ (access date: June 07, 2021).

5. Antonyan Yu. M., Goncharova M. V., Kurguzkina E. B. Murder of a newborn child by a mother: criminal law and criminological problems // Lex russica. 2018. No. 3 (136). Pp. 94–114.

6. Sharipova G. Criminal liability for infanticide under the Criminal Code of the Uzbek SSR: author. diss. ... Cand. jurid. sciences. M., 1987.

7. Shargorodsky M. D. Crimes against life and health. M .: Jurid. Publishing house of the USSR Ministry of Justice, 1948. 511 p.

8. Analysis of the statistics of the murders of newborns and the work of baby boxes in Russia // Parent All-Russian Resistance. URL: https://rvs.su/statia/analiz-statistiki-ubiystv-novorozhdennyh-i-raboty-bebi-boksov-v-rossii (access date: June 07, 2021).

9. Sentence No. 1-66 / 2018 of June 25, 2018 in case No. 1-66 / 2018 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/cRucXDKbQyR/ (access date: June 07, 2021).

10. On the procedure for using assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions on their use: Order of the Ministry of Health of Russia dated 08.30.2012 No. 107n (as amended on 02.01.2018) (Registered in the Ministry of Justice of Russia 02.12.2013 No. 27010) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142595/ (access date: June 07, 2021).

УДК/UDC 342.951

Проблемные аспекты административной ответственности военнослужащих

Иваненко Игорь Николаевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: ivanenko.igor@mail.ru

Панова Ксения Викторовна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: kseniya.panova.01@mail.ru

Аннотация

В современном российском обществе актуальность проблем привлечения к ответственности лиц, имеющих статус военнослужащих, не вызывает сомнений. Данная статья посвящена анализу дискуссионных особенностей административной ответственности военнослужащих. В ней исследуются отличительные признаки вышеуказанного вида юридической ответственности. Представлены выявленные в ходе исследования процессуальные проблемы привлечения военнослужащих как специальных субъектов к ответственности за совершение административных правонарушений. Также раскрывается содержание административно-правовых норм, регулирующих административную ответственность данной категории граждан. Особое внимание уделяется выявлению недостатков действующего российского законодательства в этой области. Кроме того, в работе предлагаются возможные пути совершенствования нормативно-правовых актов, связанных с привлечением граждан, имеющих статус военнослужащих, к ответственности за совершение административных правонарушений. Рассматриваются проблемы применения отдельных видов административных наказаний к военнослужащим.

Ключевые слова: правонарушение, статус военнослужащего, административная ответственность, недостатки законодательства, административное наказание, специальный субъект.

Problematic aspects of administrative responsibility of military personnel

Ivanenko Igor Nikolayevich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Administrative and Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: ivanenko.igor@mail.ru

Panova Kseniya Viktorovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: kseniya.panova.01@mail.ru

Abstract

In modern Russian society, the urgency of the problems of bringing persons with the status of military personnel to justice is beyond doubt. This article is devoted to the analysis of the controversial features of the administrative responsibility of servicemen. It examines the distinctive features of the above type of legal liability. The article presents the procedural problems of bringing servicemen as special subjects to responsibility for committing administrative offenses identified in the course of the study. The content of administrative and legal norms governing the administrative responsibility of this category of citizens is also disclosed. Particular attention is paid to identifying the shortcomings of the current Russian legislation in this area. In addition, the paper proposes possible ways to improve the regulatory legal acts related to bringing citizens with the status of military personnel to responsibility for committing administrative offenses. The problems of application of certain types of administrative punishments to servicemen are considered.

Key words: offense, status of a serviceman, administrative responsibility, shortcomings of legislation, administrative punishment, special subject.

В современных реалиях науки административного права все более острой становится проблема привлечения к административной ответственности лиц, пребывающих в статусе военнослужащих. Несмот-

ря на их особый правовой статус, который регулируется отдельными нормативно-правовыми актами, данные субъекты все чаще совершают правонарушения, при этом в большинстве случаев они избегают мер привлечения к ответственности из-за пробелов, допущенных законодателем.

Основой для нормативно-правовой базы, которая закрепляет особые характеристики административной ответственности лиц, имеющих статус военнослужащих, являются Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту — КоАП РФ), Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76 «О статусе военнослужащих», а также общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации (далее по тексту — ВС РФ) [1].

Определяющим фактором проблем привлечения особых субъектов в лице военнослужащих к административной ответственности является то, что данные субъекты подвергаются наказанию в рамках дисциплинарной ответственности, пределы которой прописаны в Общевоинских уставах ВС РФ, и лишь в определенных случаях существует возможность привлечения субъекта правонарушения к административной ответственности в границах, определенных ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ [2]. Т. е. происходит конфликт: военнослужащие несут наказание в первую очередь в рамках дисциплинарной ответственности, в то время как административная ответственность является второстепенной, поскольку составы привлечения к ответственности весьма узконаправленны. Таким образом, если военнослужащий совершает правонарушение, не определенное составом в рамках статьи, он автоматически подвергается ответственности в соответствии с Общевоинским уставом ВС РФ [3].

Как известно, военнослужащий является особым субъектом в правовой системе, на которого возложены непосредственные обязанности в форме защиты государства [4]. Представляется необходимым рассмотрение его статуса в роли специального субъекта административной ответственности.

Соответственно, стоит подчеркнуть особенность структуры правового положения данных лиц, которая делится на общую и особую часть.

При этом в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» детализируется общегражданская составляющая положения военнослужащих: специальный статус дополняет и изменяет общий [5].

Субъекты, пребывающие в статусе военнослужащих, являются полностью дееспособными, поскольку призыв граждан в вооруженные силы осуществляется только по достижении ими 18 лет, что само по себе подразумевает один из элементов дееспособности. Однако исключение составляют подростки, достигшие 16 лет, которые обучаются в военных учреждениях профессионального образования (например, в Ломоносовском морском колледже ВМФ, в Вольском высшем военном училище и др.).

Также важно отметить, что одними из характеристик общего субъекта административного правонарушения будут являться возраст (16 лет), который необходим для привлечения субъекта к ответственности, и вменяемость. Это признаки субъекта, минимально необходимые для квалификации деяния как правонарушения [6, с. 94].

Важно обратить внимание на факт приобретения военнослужащим статуса субъекта административной ответственности. Административное производство будет иметь законный статус лишь при полном соблюдении установленных законом процедур, т. е. будет фиксироваться факт совершения правонарушения. Впоследствии происходит возбуждение дела об административном правонарушении, тем самым создаются законные основания о подтверждении административного производства для определенного лица.

Тем не менее при возбуждении дела о соответствующем правонарушении возникает проблема определения правового положения субъекта, пребывающего в статусе военнослужащего. Так, из-за того что законодатель установил непосредственное рассмотрение дел уполномоченными на то должностными лицами, а не судами, при составлении необходимых документов, таких как протокол, должностные лица должны опираться на добросовестность и порядочность субъекта правонарушения. Данный факт объясняется тем, что полноценное установление предполагаемого

статуса военнослужащего не представляется возможным из-за сжатых сроков рассмотрения дела. К тому же, в протокол об административном правонарушении вносятся основные данные о лице, его совершившим, для чего достаточно предъявления паспорта гражданина Российской Федерации, по которому невозможно определить, является ли лицо действующим военнослужащим. Соответственно, правонарушителю легко скрыть свой статус, и привлечь его в должной мере к ответственности не представляется возможным. Ограниченная деликтоспособность военнослужащего обусловливается установленными законом изъятиями из общего порядка привлечения к административной ответственности и наложением административных наказаний за административные правонарушения [7, с. 181].

Среди отличительных особенностей применения административных наказаний к военнослужащим можно выделить следующие (ч. 6 ст. 3.5, ч. 2 ст. 3.9–3.10 КоАП РФ):

1. Невозможность применения административного штрафа в качестве наказания к субъектам, которые находятся в звании сержантов, старшин, солдат, матросов, которые проходят службу по призыву, а также к курсантам, проходящим обучение в ведомственных профессиональных и высших учебных заведений.
2. Если субъект правонарушения является иностранным гражданином, то к нему не может быть применено административное выдворение.
3. Не допускается возможность применения административного ареста к лицам, проходящим военные сборы, однако предусматривается возможность применения дисциплинарного ареста.

В связи с вышеизложенным в действительности возникает проблема применения мер ответственности к данным субъектам. Так, ни один действующий состав правонарушения не может применяться к ним, исключением является ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, которая определяет границу привлечения к административной ответственности на общих основаниях. Вышеуказанные факторы создают условия, при которых лица в

статусе военнослужащих могут совершать правонарушения, по составам которых законодателем предусмотрен круг санкций, неприменяемый к ним. В таких случаях субъект административного правонарушения не испытывает негативно-правового воздействия, и тем самым цели административного наказания не могут быть достигнуты. Стоит согласиться с мнением И. Н. Князевой, которая считает, что необходимо внести дополнение в действующие законодательство, а именно в ч. 2 ст. 24.5 КоАП РФ, которая касается того, что при совершении правонарушения необходима передача материалов производства непосредственному начальнику в том месте, где виновный проходит военную службу, таким образом создаются дополнительные предпосылки для возможности привлечения к ответственности за совершение тех преступлений, которые выходят за рамки, указанные законодателем [8].

Таким образом, необходимо отметить, что статус административной ответственности военнослужащих весьма неурегулированный, поскольку они не подвергаются правовым ограничениям по множественному ряду составов правонарушений, а лишь только по тем, которые указал законодатель. Соответственно, это создает определенные пробелы в законодательстве и выводит данных потенциальных субъектов правонарушения из юрисдикции административного права. На наш взгляд, возможны несколько путей решения. Одним из них будет являться проработка дополнительных высокоэффективных мер в законодательстве, которые могут устранить пробелы между различными видами ответственности, в т. ч. и административной. Другой же вариант представляет собой расширение пределов административной ответственности для данных субъектов.

Список литературы

1. Семов В. И. К вопросу о юридической ответственности за административные правонарушения военнослужащих в Российской Федерации // Образование и право. 2021. №1. С. 110–112.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

3. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2007. №47 (Части I–II). Ст. 5749.

4. Зиборов О. В., Семов В. И. Правовой статус военнослужащего как субъекта юридической ответственности за административные правонарушения // Государственная служба и кадры. 2020. № 5. С. 222–224.

5. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331.

6. Тихалева Е. Ю. О привлечении военнослужащих к административной ответственности // Сибирское юридическое обозрение. 2017. № 4. С. 94–98.

7. Акбашев Р. Р. Функции ограниченной юридической ответственности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1. С. 179–181.

8. Князева И. Н. Привлечение военнослужащих к ответственности за административные правонарушения: проблемы правоприменения // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 2(3). С. 20–22.

References

1. Semov V. I. On the issue of legal responsibility for administrative offenses of military personnel in the Russian Federation // Education and Law. 2021. No. 1. Pp. 110-112.

2. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ // Rossiyskaya Gazeta. No. 256.31. 12.2001.

3. On the approval of the general military regulations of the Armed Forces of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 10.11.2007 No. 1495 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 47 (Parts I–II). Art. 5749.

4. Ziborov O. V., Semov V. I. The legal status of a serviceman as a subject of legal responsibility for administrative offenses // State Service and Personnel. 2020. No. 5. Pp. 222–224.

5. On the status of military personnel: Federal Law of May 27, 1998 No. 76-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 22. Art. 2331.

6. Tikhaleva E. Yu. On bringing servicemen to administrative responsibility // Siberian legal review. 2017. No. 4. Pp. 94–98.

7. Akbashev R. R. Functions of limited legal liability // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 1. Pp. 179–181.

8. Knyazeva I. N. Bringing servicemen to responsibility for administrative offenses: problems of law enforcement // Law and order: history, theory, practice. 2014. No. 2 (3). Pp. 20–22.

УДК/UDC 342

Соотношение административного правонарушения и уголовного преступления

Ильина Карина Евгеньевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: karisha2001.04@mail.ru

Потапальская Луиза Викторовна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: potapalskaya01@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматривается актуальный вопрос соотношения административного правонарушения и уголовного преступления. Анализируются основные правовые особенности уголовного преступления и административного правонарушения, выявляются общие черты и существенные различия между административным правонарушением и уголовным преступлением. Авторами отмечается, что одно и то же деяние может квалифицироваться и как уголовное преступление, и как административное правонарушение по причине того, что некоторые административные правонарушения тесно граничат с преступлениями, а при определенных условиях, например повторности, «переходят» в них. По мнению авторов, главной задачей законодателя является проведение правовой реформы такого объема, которая разрешит проблему сопоставления норм административного и уголовного права, а также их непосредственного применения на практике.

Ключевые слова: соотношение, уголовное преступление, административные правонарушения, санкция.

The ratio of criminal and administrative responsibility according to the degree of public danger

Ilyina Karina Yevgenyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: karisha2001.04@mail.ru

Potapalskaya Luiza Viktorovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: potapalskaya01@mail.ru

Abstract

This article examines the topical issue of the relationship between an administrative offense and a criminal offense. The main legal features of a criminal offense and an administrative offense are analyzed, common features and significant differences between an administrative offense and a criminal offense are identified. The authors note that one and the same act can be qualified both as a criminal offense and as an administrative offense due to the fact that some administrative offenses closely border on crimes, and under certain conditions, such as repetition, "pass"into them. According to the authors, the main task of the legislator is to carry out legal reform of such a volume that will solve the problem of comparing the norms of administrative and criminal law, as well as their direct application in practice.

Key words: ratio, criminal offense, administrative offenses, sanction.

Все отрасли в праве похожи по содержанию и форме, в т. ч. административные и уголовные науки. Именно это обстоятельство обуславливает возникновение проблем в их применении и разграничении. Разграничительными могут быть и иные признаки состава, например характер предмета преступления, особенности мотива, степень опасности

и др. Важным вопросом в рамках такой деятельности является обеспечение общественной безопасности и общественного порядка. Таким образом, применение таких норм напрямую зависит от того, насколько содержание права соответствует потребностям развития общественных отношений [1].

Зачастую современные практики сталкиваются с проблемой соотношения административных и уголовных санкций. Это связано в первую очередь с тем, что грань между ними чаще всего становится практически незаметной и даже условной [2]. Помимо этого, стоит отметить, что различными уполномоченными лицами одно и то же деяние может квалифицироваться и как уголовное преступление, и как административное правонарушение по причине того, что некоторые административные правонарушения тесно граничат с преступлениями, а при определенных условиях, например повторности, «переходят» в них [3].

Если говорить об ответственности, то в юридической литературе административная ответственность в основном рассматривается как деятельность, связанная с применением административных наказаний, как специфическая форма негативного реагирования, а также как разновидность правоотношений [4].

Следует принять во внимание тот факт, что повторное совершение схожих проступков лицом, ранее привлеченным к ответственности, указывает на увеличение общественной опасности и трансформирует данное деяние в преступление [5].

На первый взгляд кажется, что эти отрасли довольно схожи, но это вовсе не так. Для наглядного примера представим таблицу отличий уголовного преступления от административного правонарушения.

Сравнительная таблица преступлений и административных правонарушений

Преступление	**Административное правонарушение**
1. Представляет собой виновно совершенное общественно опасное деяние, ответственность за которое предусмотрена ст. 14 УК РФ [6]	1. Представляет собой виновное деяние, ответственность за которое предусмотрена ст. 2.1 КоАП РФ, а также законами субъектов Российской Федерации [7]
2. Субъектом преступления могут быть только физические лица (ст. 19 УК РФ)	2. Субъектами административного правонарушения могут быть и физические, и юридические лица (ст. 2.1. КоАП РФ)
3. Различают преступления особо тяжкие, средней тяжести, тяжкие и небольшой тяжести (ст. 15 УК РФ)	3. Административное правонарушение не имеет разграничений на категории по степени тяжести
4. При назначении наказания учитывается неоднократность преступлений (ст. 16 УК РФ)	4. По общему правилу неоднократность административного правонарушения при назначении наказания не учитывается
5. При назначении наказания учитываются совокупность и рецидив преступления (ст. 16, 17 УК РФ)	5. Для административного правонарушения не характерны ни рецидив, ни совокупность
6. В ряде случаев субъектом преступления признаются физические лица в возрасте 14 лет	6. Минимальный возраст физического лица — субъекта административного правонарушения составляет 16 лет
7. Закон различает оконченное и неоконченное преступление (ст. 29–31 УК РФ)	7. КоАП РФ не делит административное правонарушение на оконченное или неоконченное. Это объясняется тем, что состав административного правонарушения чаще всего «формальный» (т. е. не обязательно наступление вредных последствий)
8. Влечет уголовное наказание	8. Влечет административное наказание
9. Преступление отсутствует, когда налицо необходимая оборона, крайняя необходимость, обоснованный риск, исполнение приказа и ряд других обязательств (ст. 37–42 УК РФ)	9. Административное правонарушение отсутствует лишь при крайней необходимости (ст. 2.7. КоАП РФ)

Таблица 1

Как уже можно заметить, институт норм уголовного и административного права действительно различен. Однако возникает вопрос: почему некоторые теоретики начинают путать столь разные, но одновременно и схожие отрасли? Если попытаться разобраться и найти существенные сходства, то выходит следующее. Во- первых, это степень общественной опасности. Конечно, если деяние является преступлением, то общественная опасность будет велика, но ведь и у административного правонарушения имеется этот признак, пусть он и не настолько велик. Во-вторых, это арест, штраф и (или) приостановление деятельности. Однако стоит учитывать, что если это касается уголовного преступления, данные виды наказания будут более серьезны, в отличие от проступка.

На наш взгляд, необходимо выработать единое доктринальное понятие, которое охватило бы все три категории уголовно-наказуемых деяний (проступки, правонарушения и преступления), содержащиеся в двух кодексах, являющихся источниками уголовного права в широком смысле слова. Важно закрепить его на всеобщем уровне, доступном как для граждан, так и для профессиональных юристов-практиков.

Существенным критерием разграничения запрещенных уголовным законом деяний на преступления, проступки и правонарушения должно служить наказание (его вид и размер), которого заслуживает то или иное поведение. Ответ на вопрос о виде и размере наказания должен зависеть от самого преступного деяния, а также от степени общественной опасности.

По нашему мнению, законодатель должен в первую очередь провести четкое разделение объекта посягательств и в КоАП РФ предусмотреть ответственность исключительно за правонарушения, посягающие на порядок административного управления. Это, в свою очередь, потребует исключения ординарного судьи из КоАП РФ, т. к. только административные органы должны принимать решение о наложении административных санкций, что автоматически приведет к отказу от административного ареста и обязательных работ.

Таким образом, главной задачей законодателя является проведение правовой реформы такого объема, которая разрешит проблему сопоставления норм административного и уголовного права, а также их непосредственного применения на практике.

Список литературы

1. Яницкий Ю. А. Соотношение преступлений и административных правонарушений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок: теория, законодательство, практика: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. 29 с.

2. Бахрах Д. Н. Административное право: учебник / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Старилов. 3 изд.: перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 315 с.

3. Васильев Э. А. Административное правонарушение и преступление: общие черты и различия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2007. 3 с.

4. Павлов Н. В., Бельчик А. М. Проблемы административной ответственности несовершеннолетних // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 6. С. 402-406

5. Палий В. В. Преступление и проступок: проблемы соотношения // Lex Russica. № 7 (128). 2017. С. 112–124.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 31.12.2001. № 256.

References

1. Yanitskiy Yu. A. The ratio of crimes and administrative offenses that infringe on public safety and public order: theory, legislation, practice: author. diss. ... Cand. jurid. sciences. Krasnoyarsk, 2009. 29 p.

2. Bahrakh D. N. Administrative law: textbook / D. N. Bakhrakh, B. V. Rossinsky, Yu. N. Starilov. 3rd ed .: rev. and add. M.: Norma, 2008. 315 p.

3. Vasiliev E. A. Administrative offense and crime: common features and differences: author. diss. ... Cand. jurid. sciences. M. 2007. 3 p.

4. Pavlov N. V., Belchik A. M. Problems of administrative responsibility of minors // Bulletin of Science and Practice. 2019. Vol. 5. No. 6. Pp. 402–406.

5. Paliy V. V. Crime and misconduct: correlation problems // Lex Russica. No. 7 (128). 2017. Pp. 112–124.

6. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. June 17, 1996. No. 25. Art. 2954.

7. The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation dated 30.12.2001 No. 195-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 31.12.2001. No. 256.

УДК/UDC 343.974

Перспективы развития криминологии в киберпространстве

Исаева Мария Андреевна
студентка юридического факультета
Московский университет им. С. Ю. Витте
г. Москва, Россия
e-mail: masis2001@mail.ru

Кислый Олег Алексеевич
кандидат педагогических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин и таможенного дела
Московский гуманитарно-экономический университет
г. Москва, Россия
e-mail: razboiniki@yandex.ru
SPIN-код: 4737-6134

Аннотация

Мир XXI в. испытывает на себе глобальные метаморфозы. Формирование общества, где главную роль играет информация, развитие современных технологий, создание искусственного интеллекта ставит новые вызовы перед человечеством. Правовую сферу как весьма значимую часть жизни общества также не обошли данные трансформации. Развитие цифровизации и создание искусственного интеллекта для гуманитарного знания, юридического образования, профессии юриста и в целом юриспруденции в действительности можно отнести к вызовам общества современности. В статье рассматриваются перспективы развития криминологии в киберпространстве. Исследуется такое явление, как цифровое профилирование. Отмечается, что стремительный темп развития киберпреступности опережает отклик правоприменителя на расследование правонарушений в данной области. В связи с этим особое значение приобретает исследование иностранного опыта и внедрение правоохранительными органами цифровых технологий в практику борьбы с киберпреступностью.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая экономика, меры противодействия, право, юридическая деятельность, цифровая криминология, современные технологии противодействия преступности, киберпреступления, кибербезопасность.

Development prospects of the criminology in cyberspace

Isayeva Mariya Andreyevna
student of the Faculty of Law
S. Yu. Witte Moscow State University
Moscow, Russia
e-mail: masis2001@mail.ru

Kislyy Oleg Alekseyevich
Candidate of Pedagogical Sciences, Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines and Customs Affairs
Moscow University of Humanities and Economics
Moscow, Russia
e-mail: razboiniki@yandex.ru
SPIN Code: 4737-6134

Abstract

World of the XXI century. is experiencing global metamorphoses. The formation of a society where information plays the main role, the development of modern technologies, the creation of artificial intelligence poses new challenges to humanity. The legal sphere, as a very significant part of the life of society, was also not spared by these transformations. The development of digitalization and the creation of artificial intelligence for humanitarian knowledge, legal education, the legal profession and, in general, jurisprudence can in fact be attributed to the challenges of modern society. The article discusses the prospects for the development of criminology in cyberspace. The phenomenon of digital profiling is being investigated. It is noted that the rapid pace of development of cybercrime is ahead of the response of the law enforcement officer to the investigation of offenses in this area. In this regard, the study of foreign experience and the introduction of digital technologies by law enforcement agencies into the practice of combating cybercrime is of particular importance.

Key words: artificial intelligence, digital economy, countermeasures, law, legal activity, digital criminology, modern technologies for combating crime, cybercrime, cybersecurity.

Становление экономики «цифры» — одно из приоритетных направлений большинства стран — экономических лидеров. В Российской Феде-

рации быстрое введение информационных технологий в экономическую сферу и жизнь социума является одной из национальных целей развития [1]. Именно эффективное использование новых цифровых технологий в ближайшем будущем определит международную конкурентоспособность как отдельных компаний, так и целых стран, формирующих инфраструктуру и правовую среду для цифровизации [2].

Конечно, сегодня растет в геометрической прогрессии количество, качество и многообразие взаимосвязей между организациями, гражданами, социально-экономическими институтами и системами, сопровождающееся динамичным «квантовым скачком» числа транзакций и объемов данных, приводящих к более комплексной и синхронизированной интеграции «всех со всеми». Такие положительные тенденции в сотрудничестве уже сейчас требуют от единиц общества новых навыков и компетенций, готовности использовать новые информационные средства в повседневной жизни.

Однако, чем «умнее» становятся устройства доступа, тем потенциально выше уровень уязвимости владельца. Распространение IT-технологий делает человека фактически «прозрачным» для любых заинтересованных лиц и структур, что, в свою очередь, порождает спрос на развитие технологий информационной безопасности и технологий киберпреступности. Обществу предстоит справиться с нарастающими опасениями негативных последствий цифровизации, среди которых выделяется рост масштабов компьютерной преступности, незащищенность прав человека в цифровом пространстве, угрозы сохранности цифровых пользовательских данных и пока еще низкий уровень доверия к цифровой среде.

Наравне с формированием и развитием экономики, медицины, образования, укреплением обороноспособности страны прогноз преступности, ее предупреждение и противодействие ей с применением передовых технологий также должны занять главенствующее место в задачах государства.

Юридическая информация и закон в целом имеют большую стоимость, будучи «ядром» защиты жизни и имущества людей; это «код», регулирующий общественную жизнь. Рынок электронных юридических услуг находится на сравнительно ранней, но очень важной стадии своего развития относительно разрушительного влияния искусственного интеллекта на монополию юристов. Искусственный интеллект будет играть все более важную роль в пяти областях юридической деятельности: поиске информации по обстоятельствам дела, поиске прецедентов, составлении документов, подготовке материалов дела и прогностической аналитике.

Бесценный вклад в изучение способностей и перспектив сегодняшних IT-технологий внесли В. С. Овчинский и Е. С. Ларина [3]. Они рассматривали машинный разум как «ноу-хау», которое преследует цели тройного назначения — гражданские, военные и криминальные [4]. Современная преступность характеризуется тем, что умеет взять и эксплуатировать в своих целях прогрессивные труды техники. Это объясняется некой «прозрачностью» академических достижений — масштабное применение открытого кода позволяет злоумышленникам без особых усилий заполучить доступ к последним исследованиям и разработкам лидирующих организаций.

Личность преступника и природа его преступных намерений всегда были и остаются одной из краеугольных проблем всех наук криминального профиля.

Преступность и преступное поведение — объект юридических и социологических исследований. Юриста интересует наряду с правотворчеством природа нарушения норм законодательства, особенно уголовного, общие и специфические причины или условия, способствующие воспроизводству и распространению преступности. Здесь на помощь приходит наука криминология. Для криминологии особенной ценностью является анализ механизма преступного посягательства, который представляет собой взаимосвязь объективных и субъективных факторов, детерминирующих совершение преступления.

То, как мыслит преступник, оказывается более искусным, в отличие от умственных, координационных и других действий органов правопорядка. В соответствии с официальными данными статистики Министерства внутренних дел Российской Федерации в первом квартале 2021 г. зафиксировано на 33,7% больше преступлений, чем год назад, в т. ч. с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» — на 51,6% и при помощи средств мобильной связи — на 31,6% в IT-сфере. В январе–марте 2020 г. такие нарушения составили 19,9% от общего числа зарегистрированных преступлений, а за три месяца текущего года этот показатель вырос до 27,1% [5].

Благодаря анализу и познанию нынешней сверхтехнологичной преступности, можно обозначить такие методы и области применения преступниками «искусственного мозга»:

1. Фишинг («выуживание») — тип интернет-мошенничества, целью которого является приобретение допуска к секретной и конфиденциальной информации пользователя. Так, многочисленные рассылки корреспонденции и писем по электронной почте от якобы популярных марок и брендов содержат ссылки на мошеннические сайты, внешне похожие на настоящие. Это приводит к тому, что пользователи, переходя на указанную страницу в информационно-телекоммуникационной сети «Интрнет», вводят свои логины и пароли, а аферисты таким образом получают доступ к аккаунтам и банковским счетам своих жертв.
2. Использование управляемых искусственным интеллектом дронов в мошеннических целях (контрабанда запрещенных предметов и веществ, поставка различных вещей в места лишения свободы).
3. Хакерские атаки, распространение дезинформации, «фейков» [6].
4. Использование ботов — программ, которые, следуя конкретному алгоритму, выполняют какие-либо действия, например общаются с пользователями различных сайтов, чатов, социаль-

ных сетей и т. д. Так в 2017 г. боты небывало атаковали социальную сеть «ВКонтакте» — отправляли приглашения людям в личных сообщениях в печально популярные «группы и сообщества смерти». На сайте описываемой социальной сети с начала 2021 года было сгенерировано примерно три миллиона уведомлений с текстом, призывающим к совершению суицида [7].

«Маркерами» правонарушений, в которых использовались средства информатизации, являются значительный уровень анонимности и латентности, но в некоторых случаях (пример с ботами) почти исключается из преступной цепочки личность злоумышленника, что не может не вызывать чувство безнаказанности.

Решение проблем обеспечения безопасности альтернативным традиционным методам способом правоохранительной деятельности позволяет технология «Big data». Информационная методика «Big data» заключается в обработке информации огромных объемов для получения воспринимаемых человеком результатов в условиях непрерывного прироста этих данных (например, поведение человека в социальных сетях и т. д.). Данная технология обработки мегамассивов данных позволяет искать ценные закономерности, факты и другую информацию, имеющую значение для разных видов правоохранительной деятельности. Перспективы применения указанных технологий многообразны, например розыск лиц, скрывающихся от правоохранительных органов, путем мониторинга социальных сетей и систем видеофиксации.

В них нельзя не оставить «цифровые отпечатки», ведь они отражают персональные поведенческие особенности индивида. Чаты, блоги, форумы, социальные сети и т. д. включают исходную информацию о случившемся иного качества. Так, в киберпространстве в течение некоторого периода времени сохраняются «электронные маячки» взаимодействия человека с цифровой средой. Это и есть информационные следы преступления, а равно и поведенческие признаки индивида в среде IT-технологий. При расследовании компьютерных преступлений цифровая электроника выступает сегодня в роли носителя свойств составов право-

нарушений, отраженных в киберпространстве, а серверные устройства — в роли носителей преступных следов.

Это свидетельствует о том, что в арсенале субъектов расследования в эпоху цифровых технологий центром должны стать качественно иные средства изучения преступных посягательств в среде «цифры». В первую очередь речь идет о методах и способах, которые основаны на исследовании содержания колоссального объема информации, а также о привлечении специалистов и экспертов со специальными знаниями в области обработки цифровой криминологической информации.

Какое «лицо» у будущей криминологии? Существуют ли шансы ее дальнейшего развития?

Данные вопросы стали волновать ученых относительно недавно. Однако их актуальность поддерживается не столько сложившимися в науке условиями, касающимися обстоятельств совершений преступлений и закономерностей ее становления, сколько наличием прогнозов исследователей о будущем социума и цивилизации в целом. Трудно сказать о проектах стратегий дальнейшего развития науки криминологии, ведь нет «сильного» вектора тактики ее существования и, конечно же, критической оценки этих концепций. В настоящее время современное состояние криминологической теории серьезно обсуждается научной средой — самые опытные ученые-криминологи обращают внимание на отсутствие современной методологии криминологических исследований, отставание отечественной криминологической теории от зарубежных исследований. Высказывания о будущей криминологической мысли не могут не содержать анализ фундаментальных научных категорий современности, ведь даже общие особенности эволюции нынешней российской криминологии не вселяют научным работникам оптимизма, что дает возможность заявлять об ослабевании криминологических исследований, об их наукоподобности и простоте, терминологической несогласованности и раздробленности. А это лишь доля трудностей.

Цифровая («вычислительная») криминология давно уже стала теоретической реальностью, но лишь сегодня, главным образом в результа-

те появления качественно новых криминальных вызовов, она имеет все шансы быть востребованной в практике борьбы с преступностью, прежде всего с организованными ее формами.

Применение «машинного мозга», роботов, криминальной 3D-печати, биотехнологий должно привести к формированию и становлению ранее неизвестных технологий противозаконного поведения, ведь противоположная сторона технологической эволюции преступности в информационной среде — интенсивное осваивание ей новейших областей: робототехника, синтетическая биология, искусственный интеллект. Данные обстоятельства поднимают «уязвимость» криминологической безопасности на новый уровень. Если специалисты делают прогноз метаморфоз норм социума путем замены их присутствующими в киберпространстве виртуальными нормами, которые, в свою очередь, «дарят» человеку допустимость более свободно социализироваться с учетом своих скрываемых в обычном обществе нужд, то никак не наблюдать их криминогенного нюанса криминологам нереально.

Структурирование и моделирование цифрового портрета неустановленного преступника (Digital Profiling) становится возможным. Цифровое профилирование как способ расследования обладает особой ценностью, когда сложно сравнить отдельный цифровой прибор с конкретным пользователем (как образец, в случае если мы имеем одно коммуникационное устройство и несколько пользователей).

Согласно результатам использования растрового метода лица, подпадающие под категорию потенциального подозреваемого, подлежат последующей проверке и контролю на причастность к содеянному правонарушению. Проверка и контроль осуществляются при поддержке традиционных следственных и оперативно-розыскных средств и методов (опросов, допросов, электронного наблюдения, обысков и т. д.).

Преступное поведение, как правило, неповторимо и эпизодично. В нем четко можно рассмотреть логические закономерности между способами, орудиями совершения преступления и социально-психологическими отличительными чертами лица, которое совершило

общественно опасное деяние. Ведь орудия, средства преступления, способ его совершения злоумышленник выбирает, исходя из опыта жизни, социальных ролей в обществе, структурных характеристик личности (эмоциональные, волевые, интеллектуальные, нравственные и др. признаки). Профессиональные, преступные умения, отображающие социальные качества и роли лица, «включаются» в роли криминологического фактора посредством определенного влияния на них. При криминальных условиях, в преступных ситуациях индивид функционирует таким образом, каким приспособился действовать в подобных ситуациях ранее. Если мы говорим о серийном или рецидивном преступнике, то при соответствующем анализе и исследовании его поведения можно установить и сформировать уникальную модель действий.

Преступное поведение содействует выявлению и установлению повторяемости преступлений и характеризуется обширным диапазоном присущих ему явлений и процессов, но остаются три важнейших компонента: способ совершения преступления («modus operandi»), социальные показатели индивида (эмоционально-волевые признаки или психологические особенности) и почерк преступления (уникальные комбинации поведения).

Несмотря на то, что метод профайлинга благополучно применяется в Российской Федерации, в последнее время новых исследований в данной сфере практически не появляется, хотя проблема его использования при раскрытии и расследовании преступлений является актуальной.

Криминологи признают актуальными, востребованными сегодняшним состоянием науки возможности методологического многообразия с нестандартными методами, используемыми в качестве дополнения и добавления уже к существующим методикам, формирование количественной криминологии. Также выдвинуты теории о перспективах внедрения идей философской и психологической наук, которые до сих пор не включались в методологию криминологии, но целесообразны при решении криминологических задач. Многие думают, что вопрос личности преступника и без того всецело исследован криминологами. Однако, невзи-

рая на большое количество работ о личности злоумышленника, в криминологии пока в существенной мере превалирует механистичное, облегченное мнение о личности преступника при очевидном обезличивании, малом учете либо вообще пренебрежении отличительными чертами личности преступника в правоприменительной работе. Вместе с тем природа человека содержит склонность к преступлениям, а то, осуществит или не осуществит конкретный человек правонарушение, зависит прежде всего от случайного стечения факторов и обстоятельств. А потому вновь актуализировался вопрос о том, чтобы сделать личность «ядром» криминологической и уголовно-правовой проблематики [8].

В настоящий период цифровое профилирование, которое производно от традиционного профилирования в общепризнанном представлении, с успехом применяется в европейских странах [9]. Данный тип профилирования предполагает взаимосвязь сложных технических действий обработки и анализа информации криминологического интереса, база которых строится на логико-математических методах. Подобная отличительная черта «дает разрешение» использовать рассматриваемый метод в расследовании в ситуациях интеграции персональных многофункциональных устройств в IT-сфере.

В целом профилирование «цифры» значимо при расследовании серийных преступлений, в частности в противоправных деяниях, инструментом, способом или местом совершения которых являются компьютеры, цифровые устройства и цифровая среда, т. е. в киберпреступлениях. Процедура цифрового профилирования предполагает собой цепочку поочередных операций:

1. Определение «начальной миссии»: поиск необходимой информации в соответствии с конкретным случаем.
2. Сбор, анализ сведений, включающих нужные данные.
3. Отбор подходящей информации и получение указателей для каждой из рассматриваемых сфер познания.
4. Сопоставление указанных данных для нахождения противоречий или сходства.

5. Определение критериев, сравнение и формирование «цифрового профиля».
6. Анализ полученного «цифрового профиля» в сопоставлении с «начальной миссией».

Метод научного познания «точная экстраполяция» получил максимальное продвижение в криминологии. Он дает возможность численно дать оценку познания об объектах, явлениях, действиях, процессах при конкретных обстоятельствах и в дальнейшем трансформировать на другие. Установленный способ основан на наблюдении за существующими сегодня тенденциями и закономерностями формирования преступности.

Диагностирование профиля преступника и последующее определение полученного профиля — цель многомерной экстраполяции модификации действий. Необходимо отметить, что в отечественной доктрине теоретические принципы основываются на академических утверждениях криминалистики, криминологии, информатики и др. Диагностика, к сожалению, пока не дает определение таким понятиям, как «идентификация», «определение групповой принадлежности и диагностики», «диагностика и прогнозирование», «диагностика и аналитический поиск».

Например, социальный аспект в поведении хакера и его почерк в цифровом мире являются «товарным знаком» и отражают потребность правонарушителя, совершая преступления, «выразить себя», что демонстрирует его индивидуальность, личность. Очевидным становится проявление личных отличительных криминальных черт, качеств, наклонностей при похищении данных и написании разрушающего программного обеспечения для несанкционированного вторжения в посторонние системы, удаления или изменения значимых сведений. Мотивы, способы и цели при совершении киберпреступлений также разнообразны. В контенте технологий «цифры» язык программирования делается более сложным и динамичным, в особенности в сетевых виртуальных сферах.

Так, более сложным типом умственной деятельности в системе криминологический исследований становится использование методов цифрового профилирования в расследовании, в т. ч. в киберпространстве.

Проведение такого рода исследований, по мнению иностранных специалистов, считается сложной задачей в сравнении с классическими способами расследования. Основными факторами, порождающими затруднения, признаются:

1) расхождение и недостаточность документирования;
2) трудности интеграции природы человека и технологий;
3) проявляющееся подозрение в правдивости итогов классического криминологического профилирования и психологических изучений.

Итак, способ цифрового профилирования можно воспринимать как специальный прием, применяемый в расследовании, уникальность которого состоит в исследовании и рассмотрении с помощью электронно-вычислительной машины больших объемов данных, синхронный анализ которых не возможен субъектом расследования. Математические методы моделируют алгоритм определения правонарушителя по предварительно составляемому профилю.

Комплексный аспект дает возможность установить непредвзятый характер связей между классическим и цифровым профилированием, отметить имеющиеся взаимосвязи и закономерности.

Вопрос эксплуатации технологий «цифры» в раскрытии и расследовании киберпреступлений в Российской Федерации остается малоизученным. Стремительный темп развития киберпреступности опережает отклик правоприменителя на трансформацию и тенденцию раскрытия и расследования правонарушений в данной области. Специальная литература по данному вопросу аргументированно отмечает проблематику применения информационно-аналитических способов раскрытия и расследования преступлений в Российской Федерации. А потому особое значение приобретает исследование иностранного опыта и внедрение правоохранительными органами цифровых технологий в практику борьбы с киберпреступностью.

Список литературы

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817.

2. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение // К XX-й апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, доклад НИУ ВШЭ. М.: Издательский дом высшей школы экономики, 2019. 85 с.

3. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М.: Книжный мир, 2018. 416 с.

4. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Криминал будущего уже здесь. М.: Книжный мир, 2018. 512 с.

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-март 2021 года // Министерство внутренних дел. URL: https://xn–b1aew.xn–p1ai/reports/item/23816756/ (дата обращения: 16.06.2021).

6. Ефремова Э. Искусственный интеллект научился делать фейковые видео // Ридус. URL: https://www.ridus.ru/news/266977 (дата обращения: 16.06.2021).

7. Мурсалиева Г. Видите призыв к суициду — срочно жмите на кнопку «Пожаловаться» // Новая газета. — 2017. – 5 марта.

8. Номоконов В. А. Возвращение личностного подхода необходимо // Личность преступника и ее криминологическое изучение / Под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018. С. 21–29.

9. Бутенко В. В. Актуальность использования метода профайлинг при расследовании серийных изнасилований // Актуальные вопросы юриспруденции: Материалы международной научно-практической конференции № 5. Екатеринбург, 2018. С. 50–52.

References

1. On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024: Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018 No. 204 // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2018. No. 20. Art. 2817.

2. What is the digital economy? Trends, competencies, measurement // For the XX-th April international scientific conference on the problems of economic and social development, report of the Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2019. 85 p.

3. Larina E. S., Ovchinskiy V. S. Artificial Intelligence. Big data. Crime. Moscow: Knizhnyi mir, 2018. 416 p.

4. Larina E. S., Ovchinskiy V. S. The crime of the future is already here. M .: Knizhnyi mir, 2018. 512 p.

5. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-March 2021 // Ministry of Internal Affairs. URL: https: //xn–b1aew.xn–p1ai/reports/item/23816756/ (access date: June 16, 2021).

6. Efremova E. Artificial intelligence learned to make fake videos // Reedus. URL: https://www.ridus.ru/news/266977 (access date: June 16, 2021).

7. Mursalieva G. You see a call to suicide — urgently click on the "Complain"button // Novaya Gazeta. 2017. – March 5.

8. Nomokonov V. A. The return of the personal approach is necessary // Personality of the criminal and its criminological study / Ed. A. I. Debt. Moscow: Russian Criminological Association, 2018. Pp. 21–29.

9. Butenko V. V. The relevance of using the profiling method in the investigation of serial rape // Actual issues of jurisprudence: Materials of the international scientific and practical conference No. 5. Yekaterinburg, 2018. Pp. 50–52.

УДК/UDC 341.9

Ответственность перевозчика по морским перевозкам

Карачевцев Сергей Сергеевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: akulshina99@bk.ru

Аннотация

В данной статье анализируется специфика ответственности перевозчика по морским перевозкам. Исходя из существа договора морской перевозки, сложившейся практики делового оборота, а также международного и национального законодательства, ответственность за утрату или повреждение принятого для перевозки груза, за просрочку доставки с момента принятия груза для перевозки до момента его выдачи возлагается на перевозчика. По мнению автора, некоторые положения национального законодательства противоречат международным принципам и правилам поведения, а также нарушают принцип добросовестности и договорной справедливости. Автором предлагается переработать на законодательном уровне положение о навигационной ошибке в силу явного противоречия букве и духу гражданского закона в части договорной справедливости.

Ключевые слова: перевозка, ответственность перевозчика, фрахт, грузоотправитель, порт.

Carrier's liability for shipping

Karachevtsev Sergey Sergeyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: akulshina99@bk.ru

Abstract

This article analyzes the specifics of the carrier's liability for sea transportation. Based on the essence of the contract of carriage by sea, the established practice of business turnover, as well as international and national legislation, responsibility for the loss or damage of the cargo accepted for carriage, for the delay in delivery from the moment the cargo is accepted for carriage until the moment of its issuance rests with the translator. According to the author, some provisions of national legislation are contrary to international principles and rules of conduct, and also violate the principle of good faith and contractual justice. The author proposes to revise at the legislative level the provision on navigational error due to a clear contradiction with the letter and spirit of civil law in terms of contractual justice.

Key words: transportation, carrier's liability, freight, shipper, port.

Динамика развития международных экономических отношений во многом обусловлена сотрудничеством многих стран в части регулирования частноправовых отношений по перевозке товара морским транспортом. В то же время практика рассмотрения вытекающих из договора морской перевозки споров между перевозчиком и отправителем и (или) получателем груза свидетельствует о необходимости совершенствования действующего международного и национального законодательств в части регулирования ответственности перевозчика по морским перевозкам [1; 2].

Правовое регулирование морских перевозок осуществляется в соответствии с нормами международных договоров, в частности положениями Конвенции ООН о морской перевозке грузов Гамбургские правила» [3], при этом Российская Федерация не участвует в настоящей Конвенции, а также положениями международной Конвенции об ограничении ответственности по морским требованиям 1976 г. [4] (в соответствии со ст. 10 Протокола от 2 мая 1996 г. «Об изменении Конвенции об ограничении ответственности по морским требованиям 1976 г.» (далее по тексту — Протокол) [5] присоединение к данному Протоколу означает присоединение к Конвенции). Российская Федерация присоединилась к Про-

токолу на основании Федерального закона от 6 января 1999 г. № 9-ФЗ [6]. Необходимо отметить, что положения Конвенции об ограничении ответственности по морским требованиям 1976 г. не содержат положения о коносаменте, в отличие от «Гамбургских правил».

Положения о договоре морской перевозки грузов регламентируются гл. VIII Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (далее по тексту — Кодекс торгового мореплавания). Так, согласно ст. 115 Кодекса торгового мореплавания по договору морской перевозки груза перевозчик обязуется доставить груз, который ему передал или передаст отправитель, в порт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (далее по тексту — получатель), а отправитель или фрахтователь обязуется уплатить за перевозку груза установлению плату (фрахт) [7].

Таким образом, правовое регулирование международной морской перевозки осуществляется на основании вышеуказанных актов, а перевозка выражается в обязанности перевозчика доставить груз, который ему передал фрахтователь, по определенному расписанию между портами в порт назначения и в обязанности фрахтователя уплатить перевозчику за перевозку груза установленную плату, т. е. фрахт [8]. В момент приема от фрахтователя груза перевозчик выдает ему коносамент, который в данном случае выступает в роли подтверждения возникновения правоотношения и заключения договора морской перевозки. Коносамент выступает также и подтверждением принятия перевозчиком груза, поскольку, будучи товарораспределительной ценной бумагой, устанавливает передачу права на доставляемый груз.

Исходя из существа договора морской перевозки, сложившейся практики делового оборота, а также международного и национального законодательства, ответственность за утрату или повреждение принятого для перевозки груза, за просрочку доставки с момента принятия груза для перевозки до момента его выдачи возлагается на перевозчика. Конвенция об ограничении ответственности по морским требованиям 1976 г. устанавливает определенные положения, регламентирующие примене-

ние норм данной Конвенции. Так, положения Конвенции применяются во всех случаях, когда любое лицо, указанное в ст. 1 настоящей Конвенции, предъявит требования об ограничении ответственности в суде государства-стороны либо об освобождении судна или другого имущества, которое арестовано, либо любого обеспечения, которое предоставлено в пределах юрисдикции любого такого государства.

Но в то же время существуют и ряд обстоятельств, наступление которых не позволит использовать данные конвенционные предписания. В частности, положения Конвенции об ограничении ответственности по морским требованиям 1976 г. не применяются в случае причинения ущерба от загрязнения нефтепродуктами и т. п.

Кроме того, страна — участница рассматриваемой нами Конвенции имеет право самостоятельно регулировать сферу ограничения ответственности национальным законодательством в случае вместительности судна менее 300 тонн, а также предназначенности плавания судна исключительно по внутренним морским водам.

Подвоя итог вышеизложенному, отметим, что применение института ответственности перевозчика в международном частном праве оказывает существенное воздействие на формирование частноправовых отношений между сторонами договора морской перевозки.

На наш взгляд, некоторые положения национального законодательства противоречат международным принципам и правилам поведения, а также нарушают принцип добросовестности и договорной справедливости. В частности, закрепление в ст. 167 Кодекса торгового мореплавания положения о навигационной ошибке, освобождающей перевозчика от ответственности за утрату или повреждение принятого для перевозки груза либо за просрочку его доставки, за исключением груза, перевозимого в каботаже, если будет доказано, что утрата, повреждение или просрочка произошли вследствие действия или бездействия в судовождении или управлении судном капитана судна, других членов экипажа судна либо лоцмана, представляется необоснованной нормой, явно нарушаю-

щей букву и дух гражданского закона в договорной справедливости и требующей отмены или серьезной переработки.

Список литературы

1. Глинщикова Т. В., Антун Т. И. Роль принципов международных коммерческих договоров унидруа в регулировании трансграничных коммерческих сделок // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 4-2. С. 48–50.

2. Руденко Е. Ю., Усенко А. С. К вопросу о понятии электронной торговли // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам IX Всероссийской конференции молодых ученых. Отв. за вып.: А. Г. Кощаев. 2016. С. 579–581.

3. Конвенция ООН о морской перевозке грузов «Гамбургские правила» (Гамбург, 31.03.1978) // Закон. 2000. № 6. С. 46–55.

4. Конвенция об ограничении ответственности по морским требованиям 1976 г. (Лондон, 19.11.1976) // Бюллетень международных договоров. Май 2013. № 5.

5. Протокол 1996 года об изменении Конвенции об ограничении ответственности по морским требованиям 1976 г. (Лондон, 02.05.1996) (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 42. Ст. 5676.

6. О присоединении Российской Федерации к Протоколу 1996 года об изменении Конвенции об ограничении ответственности по морским требованиям 1976 года: Федеральный закон от 06.01.1999 № 9-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 2. Ст. 236.

7. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2207.

8. Юренкова О. С. К вопросу о правовой природе договора фрахтования / Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2 (16). С. 169–174.

References

1. Glinshchikova T. V., Antun T. I. The role of the principles of international commercial agreements unidrois in the regulation of cross-border commercial transactions // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. No. 4-2. Pp. 48–50.

2. Rudenko E. Yu., Usenko A. S. On the question of the concept of electronic commerce // In the collection: Scientific support of the agro-industrial complex. Collection of articles based on the materials of the IX All-Russian conference of young scientists. Resp. per issue: A. G. Koschaev. 2016. Pp. 579–581.

3. UN Convention on the Carriage of Goods by Sea "Hamburg Rules"(Hamburg, 31.03.1978) // Law. 2000. No. 6. Pp. 46–55.

4. The 1976 Convention on the Limitation of Liability for Maritime Claims (London, 19.11.1976) // Bulletin of International Treaties. May 2013. No. 5.

5. Protocol 1996 amending the 1976 Convention on the Limitation of Liability for Maritime Claims (London, 02.05.1996) (as amended and supplemented) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 42. Art. 5676.

6. On the accession of the Russian Federation to the 1996 Protocol amending the 1976 Convention on the Limitation of Liability for Maritime Requirements: Federal Law No. 9-FZ dated 06.01.1999 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 2. Art. 236.

7. Code of Merchant Shipping of the Russian Federation dated April 30, 1999 No. 81-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 18. Art. 2207.

8. Yurenkova O. S. On the question of the legal nature of a charter contract / Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2012. No. 2 (16). Pp. 169–174.

УДК/UDC 343.236

Особенности назначения наказания за неоконченное преступление

Картавченко Виктория Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: venik-ment@mail.ru
SPIN-код: 2390-8020
e-mail:

Коновалов Александр Сергеевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: alexkonovalov434@yandex.ru

Аннотация

Критерии индивидуализации уголовного наказания, предусмотренные российским уголовным законодательством, делятся на общие и специальные. Общие критерии используются судами при рассмотрении любого уголовного дела, а специальные критерии предусмотрены специальными правилами назначения наказания и позволяют правоприменителю индивидуализировать наказание по специальным категориям дел. В данной статье исследуются особенности назначения наказания за неоконченное преступление. Анализируются положения ст. 66 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматриваются различные классификации обстоятельств, ввиду которых преступление не было доведено до конца. По мнению авторов, необходимо на законодательном уровне закрепить дифференциацию назначения наказания исходя из классификации покушения. А при назначении наказания за неоконченное преступление следует оценивать степень реализации преступного умысла и степень осуществления преступного намерения, а также учитывать вид покушения на совершение преступления.

Ключевые слова: неоконченное преступление, умысел, покушение, приготовление, степень общественной опасности.

Features of sentencing for an unfinished crime

Kartavchenko Viktoriya Vladimirovna
assistant professor, Candidate of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: venik-ment@mail.ru
SPIN Code: 2390-8020

Konovalov Aleksandr Sergeyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: alexkonovalov434@yandex.ru

Abstract

The criteria for the individualization of criminal punishment provided for by Russian criminal law are divided into general and special ones. General criteria are used by courts when considering any criminal case, and special criteria are provided for by special rules for assigning punishment and allow the law enforcement officer to individualize punishment according to special categories of cases. This article examines the features of sentencing for an unfinished crime. The provisions of Art. 66 of the Criminal Code of the Russian Federation. Various classifications of circumstances, due to which the crime was not brought to an end, are considered. According to the authors, it is necessary at the legislative level to consolidate the differentiation of the appointment of punishment based on the classification of the attempt. And when imposing punishment for an unfinished crime, one should assess the degree of realization of criminal intent and the degree of realization of criminal intent, and also take into account the type of attempt to commit a crime.

Key words: unfinished crime, intent, attempt, preparation, degree of public danger.

Положения ст. 66 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) содержат специальные правила назначения наказания за неоконченное преступление. В частности, речь идет о таких обстоятельствах, когда преступление не было доведено до конца. Наряду с общими критериями назначения наказания данные обстоятельства

позволяют суду индивидуализировать наказание за неоконченную преступную деятельность. Ранее положения советского уголовного законодательства предусматривали правила, согласно которым суд при назначении наказания должен учитывать характер и степень общественной опасности действий, совершенных виновным, а также степень осуществления преступного намерения, причины, по которым преступление не было доведено до конца.

Можно выделить четыре вида обстоятельств, которые оказывают влияние на назначение наказания за неоконченное преступление или приготовление к преступлению:

1) степень общественной опасности лица, которое совершило покушение или приготовление к преступлению;
2) степень подготовленности преступления;
3) близость наступления общественно опасных последствий;
4) причины, по которым общественно опасные последствия не наступили.

Установление таких обстоятельств имеет большое значение для индивидуализации наказания, для установления степени общественной опасности лица, которое не окончило преступление. Степень общественной опасности лица, совершившего преступление, устанавливается исходя из оценки общественной опасности личности лица, виновного в совершении преступления. Так, степень подготовленности преступного деяния учитывается, если речь идет о рассмотрении стадии приготовления к преступлению. В данном случае необходимо, чтобы суд установил, какие действия совершил субъект преступления, а также дал оценку степени завершенности данных действий. Рассматривая общественную опасность деяний, связанных со стадией покушения, необходимо учесть, что данная стадия тесно связана с наступлением результата, однако в данном случае речь идет об объективном критерии, который играет важную роль при индивидуализации наказания.

В науке уголовного права содержится правило, согласно которому факт покушения на совершение преступления имеет меньшую степень

общественной опасности по сравнению со степенью общественной опасности оконченного преступления, а приготовление к совершению преступления имеет меньшую степень общественной опасности по сравнению с покушением. Чем ближе деятельность виновного лица к достижению преступного результата, тем строже должно быть наказание. Приготовление к совершению преступления должно предусматривать более мягкую меру наказания по сравнению с оконченным преступлением.

Соответственно, в данной точке возникает связь между общими и специальными критериями индивидуализации наказания. Приготовление к совершению преступления влечет за собой более мягкую меру наказания по сравнению с покушением, а покушение — по сравнению с оконченным. Таким образом, степень реализации преступного умысла и вероятность наступления общественно опасных последствий имеют меньшую степень общественной опасности. Поэтому в качестве специальных критериев индивидуализации наказания за неоконченное преступление следует рассматривать проявление общего критерия — степень общественной опасности преступления.

Однако многие исследователи отмечают, что законодателю не удается уделить необходимого внимания критериям индивидуализации наказания. При рассмотрении данных обстоятельств выделяются субъективные и объективные критерии. Объективными являются обстоятельства, в результате которые преступное деяние не было доведено до конца. Речь может идти о случайном стечении обстоятельств, а субъективные критерии неоконченной преступной деятельности связаны с личными качествами субъекта преступления. Поэтому в большей степени именно субъективные обстоятельства неоконченного преступления влияют на индивидуализацию наказания [1].

Некоторые исследователи отмечают, что все причины носят объективный характер, а проявление личных свойств субъекта связано с воздействием определенных закономерностей, которые существуют вне зависимости от воли субъекта. С другой стороны, наличие разногласий при установлении сущности рассматриваемых понятий обусловлено ис-

пользованием специфической языковой формы, поэтому наиболее оптимальным видится разграничение указанных обстоятельств на личностные и внешние. Внешние обстоятельства связаны с окружающей обстановкой, поэтому они оказывают воздействие на недоведение преступления до конца. Личностные обстоятельства говорят о меньшей степени общественной опасности лица, которое совершило неоконченное преступление, соответственно наличие личностных обстоятельств должно предусматривать назначение менее сурового наказания [2].

В науке уголовного права есть также мнение, согласно которому обстоятельства, оказавшие воздействие на неоконченную преступную деятельность, необходимо делить на три группы: на позитивные, которые зависят от воли субъекта преступления (например, преступление не было завершено ввиду недостаточного преступного опыта), негативные (когда преступный умысел не был реализован ввиду вмешательства посторонних или благодаря активному сопротивлению потерпевшего), а также нейтральных, связанных с ошибкой субъекта преступления (например, ввиду его заблуждений о свойствах объекта преступного посягательства [3].

Таким образом, рассмотренные варианты классификации обстоятельств, ввиду которых преступление не было доведено до конца, показывают, что критерии индивидуализации, предусмотренные в уголовном законе, связаны с обстоятельствами, которые характеризуют факт прерванности преступления. Данные обстоятельства могут не осознаваться виновным, поэтому вопрос о том, каким образом они должны влиять на наказание, является актуальным. Меньшая степень общественной опасности при приготовлении к покушению не должна рассматриваться как личная заслуга виновного. Заслуги виновного в уменьшении степени общественной опасности благодаря воздействию случайных обстоятельств или потерпевшего нет [4].

Отказ от использования обозначенных критериев представляется целесообразным, поскольку обстоятельства, ввиду которых преступление не было доведено до конца, находятся за пределами воли субъекта

преступления либо говорят о непродуманности преступления, об отсутствии необходимого преступного опыта и преступных навыков. Такие обстоятельства могут носить случайный характер [5].

Наиболее оптимальным видится подход, согласно которому при назначении наказания за неоконченное преступление необходимо учитывать субъективную составляющую. Так, степень общественной опасности необходимо оценивать, исходя из степени осуществления преступного намерения [6].

В науке уголовного права сегодня выработан подход, согласно которому необходимо учитывать стадию неоконченного преступления. Например, покушение считается оконченным, если субъект преступления предпринял все действия, которые были необходимы для доведения преступления до конца, однако преступный результат не был достигнут. Таким образом, целесообразно на законодательном уровне закрепить дифференциацию назначения наказания исходя из классификации покушения. Предел санкции должен определяться исходя из размера самого строгого вида наказания. Учет окончания преступления необходимо осуществлять при рассмотрении степени осуществления преступного деяния. Оконченное покушение предусматривает наступление последствий, которых недостаточно для признания преступления оконченным [7].

Таким образом, при назначении наказания за неоконченное преступление необходимо оценивать степень реализации преступного умысла и степень осуществления преступного намерения, а также учитывать вид покушения на совершение преступления.

Список литературы

1. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: В 2 т. М.: Наука, 2014. Т. 1. 380 с. С. 310.

2. Благов Е. В. Применение специальных начал назначения уголовного наказания. М.: Юрлитинформ, 2017. 288 с.

3. Решетников А. Ю. Покушение на преступление в российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 174 с.

4. Учение о стадиях преступления [Текст] / А.П. Козлов; Ассоц. юрид. центр. - Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. 351 с.

5. Жумаев А. С. Специальные правила назначения наказания за единичное преступление: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 205 с.

6. Энциклопедия уголовного права. СПб.: Изд-во профессора Малинина (СПб ГКА), 2008. Т. 9. Назначение наказания. 912 с.

7. Степашин В. М. Специальные правила назначения наказания: монография. Омск: Изд-во Омского государственного ун-та, 2011. 359 с.

References

1. Tagantsev N. S. Russian criminal law: lectures. General part: 2 volumes, Moscow: Nauka, 2014.Vol. 1. 380 p. P. 310.

2. Blagov E. V. The use of special principles for the appointment of criminal punishment. M .: Jurlitinform, 2017. 288 p.

3. Reshetnikov A. Yu. Attempted crime in Russian criminal law: diss. ... cand. jurid. sciences. M., 2007. 174 p.

4. Teaching about the stages of a crime [Text] / A.P. Kozlov; Assoc. jurid. Centre. - St. Petersburg: Jurid. Center Press, 2002. 351 p.

5. Zhumaev A. S. Special rules for imposing punishment for a single crime: diss. ... cand. jurid. sciences. M., 2009. 205 P.

6. Encyclopedia of Criminal Law. SPb.: Publishing house of professor Malinin (SPb GKA), 2008.Vol. 9. Assignment of punishment. 912 p.

7. Stepashin V. M. Special rules for assigning punishment: monograph. Omsk: Publishing house of Omsk State University, 2011. 359 p.

УДК/UDC 343.3/.7

Высшее положение в преступной иерархии: проблемы теории и судебной практики

Каушан Валерия Евгеньевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: kaushan.v00@mail.ru

Медведев Сергей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e -mail: medvedewss@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы, возникающие в связи с введением нового состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделяется толкованию понятия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, признакам, которые характеризуют данное лицо и позволяют привлекать к уголовной ответственности. Приведен зарубежный правовой опыт, а именно опыт Грузии, сравниваются составы преступлений и отмечается наличие закрепленного в законодательстве Грузии понятия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Также исследуются проблемы, которые встречаются в судебной практике в связи с наличием пробелов в законодательстве относительно нового состава преступления. Отмечается необходимость дальнейшей проработки нормы, которая будет устранять пробелы, способствовать формированию единообразной судебной практики. Актуальным остается вопрос о закреплении в ст. 210.1. Уголовного кодекса Российской Федерации понятия специального субъекта, подлежащего уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, занятие высшего положения в преступной иерархии, специальный субъект, наука уголовного права, судебная практика, правоприменитель, состав преступления, дефиниция, законодательство.

The highest position in the criminal hierarchy: problems of theory and judicial practice

Kaushan Valeriya Yevgenyevna
Student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: kaushan.v00@mail.ru

Medvedev Sergey Sergeyevich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminal Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: medvedewss@mail.ru

Abstract

The article examines the problems arising in connection with the introduction of a new corpus delicti under Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Particular attention is paid to the interpretation of the concept of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy, the characteristics that characterize this person and make it possible to prosecute. The foreign legal experience, namely the experience of Georgia, is presented, the corpus delicti are compared and the presence of the concept of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy, enshrined in the legislation of Georgia, is noted. It also examines the problems that are encountered in judicial practice in connection with the presence of gaps in the legislation regarding the new corpus delicti. The need for further elaboration of the norm is noted, which will eliminate gaps, contribute to the formation of a uniform judicial practice. The question of consolidation in Art. 210.1. Of the Criminal Code of the Russian Federation, the concept of a special subject subject to criminal liability.

Key words: criminal responsibility, occupation of the highest position in the criminal hierarchy, special subject, science of criminal law, judicial practice, law enforcement officer, corpus delicti, definition, legislation.

В российском уголовном законодательстве произошли существенные изменения в 2019 г.: 1 апреля 2019 г. Президентом Российской Федерации (далее по тексту — Президент РФ) был подписан Федеральный

закон № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности». Данные изменения касались включения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) нового состава преступления, который в настоящее время предусмотрен ст. 210.1. УК РФ [1] — занятие высшего положения в преступной иерархии. Стоит отметить, что новелла была инициирована Президентом РФ, к законопроекту предусмотрена пояснительная записка, в которой как раз изложены причины необходимости включения нового состава преступления — наиболее опасные и тяжкие преступления совершаются организованными преступными сообществами. При этом лидеры данных преступных сообществ (преступных организаций) координируют преступные действия, создают устойчивые преступные связи между различными организованными группами, занимаются разделом сфер преступного влияния и преступных доходов, руководят преступными действиями и в связи с этим представляют наибольшую общественную опасность [2].

Кроме того, в России исторически сложилась особая категория глав преступных группировок, харизматичных руководителей, которые пользуются авторитетом, основываясь на своем «привилегированном» положении, опыте в преступной деятельности, руководят деятельностью преступных группировок и обеспечивают достижение целей, в которых проявляется личная заинтересованность такого авторитета. Речь идет о «ворах в законе», которых также называют «отцами профессиональной преступности», «законниками», «блатовиками», «басивалами» [3]. Наделение лица таким статусом («коронация») в преступных кругах происходит по четко выверенным правилам при наличии определенных традиций и исчерпывающих оснований, т. к. не каждый может быть наделен подобным статусом. Любому преступному сообществу (преступной организации) присуща иерархичность, которая предполагает структурированность ее преступных элементов. Стоит отметить, что иерархия — это структура, которая не может существовать без таких признаков

как финансовая база («общак»), многочисленных коррупционных связей, распределения ролей и функций между членами преступного сообщества, дисциплины. Такая иерархичность обеспечивается авторитетом, лидером, которому отведено высшее положение в преступной структуре. Важным является определение субъекта данного преступления, лица, которое должно привлекаться к уголовной ответственности. Ввиду недолгого существования новеллы законодатель не предусмотрел определения данного субъекта. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации №12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» (далее по тексту — ПП ВС № 12) можно увидеть попытки выделения признаков, по которым и будет на практике определяться лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии. В соответствии с п. 24 ПП ВС № 12, решая вопрос о субъекте преступления, указанного в ч. 4 ст. 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами или по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т. п. В приговоре необходимо указать, на основании каких из названных признаков суд пришел к выводу о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ [4]. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что суды самостоятельно выделяют признаки, присущие лицу, которое занимает высшее положение в преступной иерархии — это нали-

чие коррупционных связей, связей с террористическими организациями и т. д.

Нельзя не обратиться к уголовному законодательству Грузии, т. к. еще в 2005 г. Парламентом Грузии был принят Закон «Об организованной преступности и рэкете». В соответствии со ст. 3 под понятием «вор в законе» понимается член воровского сообщества, который в соответствии со специальными правилами воровского сообщества в любой форме управляет или (и) организует воровское сообщество или определенную группу лиц [5]. На примере зарубежного опыта можно отметить необходимость включить в текст ст. 210.1. УК РФ определение понятия, которое бы четко выделяло субъектов, подлежащих уголовной ответственности. Однако несмотря на наличие определения понятия по обсуждаемому составу преступления в Грузии, данная норма в последние годы применяется довольно редко, статистические данные позволяют сделать вывод об отсутствии снижения уровня преступности по данному составу [6]. Например, на территории Грузии, страны постсоветского пространства, на сегодняшний день находится большое количество преступных лидеров, по этому показателю Грузия среди постсоветских стран занимает первое место.

Полагаем, что закрепление указанного понятия в ст. 210.1. УК РФ будет иметь положительные правовые последствия:

1. Дефиниция позволит правоприменителю определенно установить субъект преступления, который будет подлежать уголовной ответственности [7].
2. Дефиниция устранит субъективизм в правоприменительной практике при определении субъекта преступления судьями.
3. Дефиниция позволит определить круг лиц, которые будут подпадать под данную статью, и все лица, имеющие высшее положение в преступной иерархии, будут подлежать уголовной ответственности.
4. Дефиниция может исключить «латентность» данного вида преступления, т. к. четко определенный субъект состава преступ-

ления позволит выявить преступников, совершающих преступления через посредников.

Необходимым является установление объективной стороны данного состава, в чем будет заключаться деяние преступного авторитета, в действиях или бездействиях.

Также стоит сказать о позиции А. С. Гетманова относительно вопроса общественной опасности занятия высшего положения в преступной иерархии. Он задается вопросом о том, в чем состоит общественная опасность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, если он не совершает напрямую преступлений [8]. Предполагаем, что до введения такого состава преступления, как занятие высшего положения в преступной иерархии, преступным лидерам удавалось избегать уголовной ответственности, при этом их роль не изменилась, она по-прежнему несет общественную опасность, несмотря на то, что лидер может не выполнять прямых действий. Еще раз следует подчеркнуть, что занятие высшего положения в преступной иерархии, на наш взгляд, равнозначно руководству преступными действиями, передаче через посредников указаний, распоряжений, при этом сам организатор остается «в тени». Получается, что лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, несмотря на отсутствие прямого участия, играет важную роль в осуществлении преступных замыслов с различными целями — корыстными, материальными и т. д. Ранее такое лицо можно было привлечь к уголовной ответственности только за самостоятельное совершение преступления, сейчас же новелла позволяет привлекать к уголовной ответственности за сам факт занятия высшего положения, которое заведомо является общественно опасным. Таким образом, данный состав позволяет привлечь лицо, которое на протяжении долгих лет могло беспрепятственно осуществлять свои замыслы, оставаясь без законного осуждения со стороны государства. Данный состав преступления, по нашему мнению, имеет право на существование, если будет успешной работа правоохранительных органов, которые будут способствовать выявлению преступных «верхушек».

Считаем необходимым рассмотреть новый состав преступления через призму судебной практики, которая имеет свои особенности относительно правоприменения, ведь нередко общество сталкивается с тем, что судебная практика «выявляет» пробелы в законодательстве. Интересным, на наш взгляд, представляется следующий пример из судебной практики. Н. Н. Кузьмичев обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. Принимая решение о продлении срока содержания под стражей, суд обоснованно пришел к выводу о том, что оснований для изменения меры пресечения на более мягкую не имеется. Учитывая изложенные в обвинении фактические обстоятельства инкриминируемого деяния, суд апелляционной инстанции решает, что есть достаточные основания полагать, что, находясь на свободе, Н. Н. Кузьмичев может продолжить заниматься преступной деятельностью, чем воспрепятствует производству по уголовному делу. Норма, предусмотренная ст. 210.1 УК РФ, внесена в уголовный закон недавно, и суд апелляционной инстанции соглашается с выводами о том, что расследуемое дело относится к категории особой сложности. О достаточной сложности свидетельствует и то, что, хотя норма и сформулирована федеральным законодателем, Н. Н. Кузьмичев настаивает на том, что не понимает, в чем его обвиняют. В то же время в силу непродолжительности существования указанной нормы какие-либо официальные толкования этой нормы и официальные толкования понятий, связанных с функционированием преступной иерархии, отсутствуют. Законодатель сформулировал норму предельно кратко — «Занятие высшего положения в преступной иерархии», а порядок занятия этого положения предстоит определить правоприменителю. Хотя содержание и структуру иерархии законодатель не раскрывает, в ходе обыска по одному из адресов, указанных Н. Н. Кузьмичевым как место жительства, был изъят телефон, в котором указан контакт «Влад Положенец», а согласно показаниям свидетеля слово «положенец» используется среди организованной преступности и означает один из уровней преступной иерархии [9].

На основании вышеприведенного примера из судебной практики подчеркнем позицию судов относительно данной категории дел. Судами она расценивается как категория дел особой сложности. Особая сложность же связывается с непродолжительным существованием данной нормы, отсутствием официального толкования понятий. В связи с этим порядок занятия высшего положения в преступной иерархии предстоит определить суду. При этом суду нужны подробные разъяснения, на которых он будет основываться при принятии решения. Опора суда лишь на такие доказательства, как контакты в телефонной книге человека, и на их основе причисление лица к занимающему высшее положение в преступной иерархии, на наш взгляд, является недостаточным основательным для вынесения обвинительного приговора.

Важными являются перспективы ввиду включения новой статьи в УК РФ. С 2019 по 2021 гг. еще не сформировалась однозначная судебная практика. Полагаем, связано это не с тем, что людьми не совершается данный вид преступлений или статья вовсе не является актуальной в современных правовых реалиях. Все дело в том, что не сформирована однозначная судебная практика, лишь небольшое количество лиц привлекается к уголовной ответственности по ст. 210.1. УК РФ, т. к. для правоохранительных органов и судов непонятен механизм определения лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии проблем как в науке уголовного права, так и в судебной практике. Проблемы возникают в судебной практике, т. к. пробелы и коллизии в законодательстве всегда находят свое отражение в судебных разбирательствах, где суд выступает в роли правоприменителя. Правоприменитель же сталкивается с тем, что отсутствует дефиниция в нормах, а именно понятие субъекта преступления (лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии), понятие преступной преступной иерархии, а также основания, признаки, которые позволяют причислить лицо к субъекту преступления, порядок занятия высшего положения в преступной иерархии, временные рамки занятия данного положения как места и времени совершения преступле-

ния. Возникает правовая ситуация, при которой установление признаков преступления, специального субъекта преступления возлагается на правоприменителя. Полагаем, что для формирования единообразной и закономерной судебной практики состав преступления должен быть детально урегулирован на законодательном уровне. Следует включить в ст. 210.1. УК РФ примечание, которое будет раскрывать субъект преступления, его признаки, в соответствии с которыми суд сможет избежать субъективизма, являющегося недопустимой категорией в правовом поле. На наш взгляд, данные «доработки» являются как никогда актуальными в связи с тем, что законодатель и правоприменитель не должны меняться функциями: законодатель осуществляет созидательную функцию, создает нормы, законы, в которых нуждается общество, а правоприменитель реализует созданные нормы, применяет их при рассмотрении уголовных дел и формирует судебную практику. Отсутствие детально проработанных норм вынуждает правоприменителя либо создавать свои нормы, которые необходимы при рассмотрении данного уголовного дела в данное время, либо вовсе игнорировать пробелы в законодательстве и отсутствие разъяснений. Говоря о необходимости включения ст. 210.1. в УК РФ, следует уточнить, что не имеет смысла ее формальное существование в уголовном законодательстве, если нет полноты понимания данного состава как со стороны правоприменителя, так и со стороны обвиняемых. Норма призвана «работать», а не существовать формально.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ae9d07f27fd0e736d95f0da92e5d62311e7ea7f5/ (дата обращения: 06.06.2021).

2. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7 (дата обращения: 06.06.2021).

3. Фадеев В. Н., Тэсс Л. В. Профессионально-организованная преступность // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 166–168.

4. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/1795384/ (дата обращения: 06.06.2021).

5. Об организованной преступности и рэкете: Закон Грузии // Законодательный вестник Грузии. URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=1 (дата обращения: 06.06.2021).

6. Агильдин В. В., Ловцевич С. Е., Лохова А. А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и реализации // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 165–169.

7. Беркумбаев Н. С., Егоров А. Р. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблема квалификации и правоприменения // Вопросы российской юстиции. 2020. С. 147–148.

8. Статья 210.1 УК РФ — шаг на пути уничтожения «воров в законе» или акт милосердия к следствию? // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2019/2/19/st2101_uk_rf_-_shag_na_puti_unichtozheniya_vorov_v_zakone__ili_akt_miloserdiya_k_sledstviyu (дата обращения: 06.06.2021).

9. Апелляционное постановление № 22-754/2020 22К-754/2020 от 16 апреля 2020 г. по делу № 3/2-42/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/k55ybukDulba/?regular-txt=занятие+высшего+положения+в+преступной+иерархии&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1622992941463&snippet_pos=2500#snippet (дата обращения 06.06.2021).

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ae9d07f27fd0e736d95f0da92e5d62311e7ea7f5/ (access date: June 06, 2021).

2. Explanatory note to the draft federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in terms of combating organized crime)"// Legislative support system. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7 (access date: June 06, 2021).

3. Fadeev V. N., Tess L. V. Professionally organized crime // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 6. Pp. 166–168.

4. On the judicial practice of considering criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (her): Resolution of the

Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.06.2010 No. 12 // Garant. URL: https://base.garant.ru/1795384/ (access date: June 06, 2021).

5. On organized crime and racketeering: Law of Georgia // Legislative Bulletin of Georgia. URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=1 (access date: June 06, 2021).

6. Agildin V. V., Lovtsevich S. E., Lokhova A. A. The highest position in the criminal hierarchy: problems of interpretation and implementation // Young scientist. 2019. No. 24 (262). Pp. 165–169.

7. Berkumbaev N. S., Egorov A. R. Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: the problem of qualification and law enforcement // Questions of Russian justice. 2020. Pp. 147–148.

8. Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation — a step towards the elimination of "thieves in law"or an act of mercy for the investigation? // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2019/2/19/st2101_uk_rf_-_shag_na_puti_unichtozheniya_vorov_v_zakone__ili_akt_miloserdiya_k_sledstviyu (access date: June 06, 2021).

9. Decree of appeal No. 22-754 / 2020 22K-754/2020 dated April 16, 2020 in case No. 3 / 2-42 / 2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/k55ybukDulba/?regular-txt=занятие+высшего+положения+в+преступной+иерархии&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1622992941463&snippet_pos=2500#snippet (access date: June 06, 2021).

УДК/UDC 349

Характерные особенности оказания бесплатных юридических консультаций на примере деятельности юридической клинки

Китко Михаил Сергеевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: cool.tishik@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению наиболее характерных особенностей деятельности юридических клиник, сформированных на базе учебных заведений. Автор обращает внимание на общественную значимость данных организаций, а также их важную роль в области получения и укрепления юридических знаний студента, осуществляющего в ней свою деятельность. В работе проанализированы нормативно-правовые акты и теоретические положения научной литературы по данной теме. В заключении автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего развития юридических консультаций в указанных направлениях. Также отмечается, что в настоящее время понятие юридической клиники не закреплено на законодательном уровне. Автор предлагает закрепить данное понятие путем внесения изменений в ст. 23 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

Ключевые слова: юридическая консультация, профессиональная помощь, образовательное учреждение, юридическая клиника, бесплатная помощь.

Characteristic features of providing free legal advice on the example of the activity of a legal clinic

Kitko Mikhail Sergeyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: cool.tishik@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the most characteristic features of the activities of legal clinics formed on the basis of educational institutions. The author draws attention to the social significance of these organizations, as well as their important role in obtaining and strengthening the legal knowledge of a student carrying out his activities in it. The paper analyzes the regulatory legal acts and theoretical provisions of scientific literature on this topic. In conclusion, the author comes to the conclusion that it is necessary to further develop legal advice in these areas. It is also noted that at present the concept of a legal clinic is not enshrined at the legislative level. The author proposes to consolidate this concept by amending art. 23 of the Federal Law "On Free Legal Aid in the Russian Federation".

Key words: legal advice, professional assistance, educational institution, legal clinic, free assistance.

Прежде всего необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что оказание юридических услуг посредством профессионального консультирования является актуальной сферой современной правовой деятельности юриста. Традиционно оказание квалифицированной юридической помощи связывают с деятельностью адвокатов [1, с. 98], хотя помимо указанных лиц такую помощь могут оказывать и иные субъекты.

Юридические клиники, осуществляющие свою деятельность на базе высшего учебного заведения, сегодня обрели относительную популярность. Так, согласно сведениям, сформированным АНО «Центр развития юридических клиник», на данный момент в Российской Федерации функционирует около 270 юридических клиник, которые могут оказы-

вать соответствующие юридические услуги и тем самым предоставлять квалифицированную правовую помощь населению [2].

Отметим тот факт, что деятельность юридических клиник находит правовое отражение в целом комплексе нормативно-правовых актов. К одному из таких документов можно отнести Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», в содержании которого предусматривается правовое регулирование деятельности данных организаций.

Стоит также сказать о том, что юридические клиники, осуществляющие консультационную деятельность на базе университета, могут представлять собой либо структурное подразделение вуза, либо отдельное юридическое лицо с самостоятельной материальной базой [3, с. 52].

На основании указанного выше Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» юридическая помощь оказывается различными способами [4]. К наиболее распространенным следует относить следующее:

1. Консультирование, которое может проходить как в письменной, так и в устной форме. Письменная консультация может выражаться в составлении различных процессуальных документов, а также претензий.
2. Оказание помощи в составлении ходатайств или жалоб.
3. Оказание услуг в области представительства интересов заинтересованного лица в органах государственной власти, в т. ч. и в судебном процессе.
4. Помощь в проведении медиации и иных примирительных процедур, предусмотренных настоящим законодательством [5, с. 4]; Функционирование юридической клиники на базе учебного заведения имеет несколько положительных аспектов, среди которых стоит отметить следующие:

1. Возможность получения квалифицированной юридической помощи для малообеспеченных слоев населения, которые не в состоянии профессионально защищать свои законные интере-

сы или же нарушенные права. Таким образом, представленные юридические клиники выполняют и определенного рода социальную функцию

2. Осуществление трудовой деятельности в юридической клинике предоставляет возможность студентам укреплять свои теоретические знания в юриспруденции путем их практического применения. Так, каждый клиент обращается за юридической консультацией с субъективной проблемой, которая требует детального изучения и проработки со стороны практиканта. Данное обстоятельство позволяет расширить область юридических знаний студента, а также подготовить его к будущей профессиональной деятельности [6, с. 43] Студенты-юристы таким образом выступают в качестве представителя, действующего в интересах представляемого лица [7, с. 130].

Также отметим, что в настоящее время понятие юридической клиники не закреплено на законодательном уровне, что является, на наш взгляд, упущением. На основе научной литературы, а также нормативных положений действующего законодательства мы можем сделать вывод о том, что под юридической клиникой следует понимать участника негосударственной системы бесплатной юридической помощи, осуществляющего свою деятельность с целью правового просвещения населения, формирования у обучающихся по юридической специальности навыков оказания правовой помощи. При закреплении в законе указанного термина могут быть разрешены различного рода проблемы, связанные с неопределенностью понятийного аппарата анализируемых отношений, с существованием дискуссий относительно содержания понятия. Кроме того, по нашему мнению, благодаря этому увеличится эффективность правового регулирования деятельности юридических клиник. В связи с этим мы считаем целесообразным внести изменения в ст. 23 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» путем добавления в новую часть 6 норму следующего содержания: «Под юридической клиникой следует понимать участника негосударственной

системы бесплатной юридической помощи, осуществляющего свою деятельность с целью правового просвещения населения, формирования у обучающихся по юридической специальности навыков оказания правовой помощи».

Таким образом, деятельность юридических клиник входит в общую систему современного юридического консультирования. Работа в юридической клинике имеет много положительных аспектов, к которым относятся повышение уровня ответственности студента, укрепление его юридических знаний, а также формирование профессиональной этики и подготовка студента к будущей практической деятельности в других организациях, относящихся к юридической сфере. Более того, деятельность юридической клиники, направленная на предоставление бесплатных консультаций в сфере права, выполняет и социальную функцию, поскольку малообеспеченные слои населения получают реальную возможность защиты своих прав и законных интересов. Можно сказать, что юридические клиники, сформированные на базе высших учебных заведений, являются достаточно эффективным механизмом повышения образовательного уровня студента с одновременной практической пользой для населения.

Список литературы

1. Гринь Е. А., Батлукова А. Д. Адвокатская этика — основа деятельности адвоката // Поколение будущего: сборник избранных статей Международной студенческой научной конференции. 2020. С. 97–99.

2. Концепция развития и поддержки юридических клиник в Российской Федерации до 2025 г. // Центр развития юридических клиник. URL: http://codolc.com (дата обращения: 12.05.2021).

3. Афанасьева Т. И. Система оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Пролог: журнал о праве. 2018. № 1. С. 50–56.

4. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

5. Воронова О. Н. Роль и место нотариусов, должностных лиц органов местного самоуправления и должностных лиц консульских учреждений в системе оказания бесплатной юридической помощи // Нотариус. 2017. № 4. С. 3–5.

6. Зеленский П. А. Развитие системы бесплатной юридической помощи в России: проблемы и перспективы // Вестник ПАГС. 2019. № 1. С. 39–46.

7. Гринь Е. А., Градинар Э. В. О судебном (процессуальном) представительстве и представительстве по назначению суда // Аграрное и земельное право. 2020. № 9 (189). С. 129–132.

References

1. Grin E. A., Batlukova A. D. Lawyer ethics-the basis of the lawyer's activity // Generation of the future: collection of selected articles of the International Student Scientific Conference. 2020. Pp. 97–99.

2. The concept of development and support of legal clinics in the Russian Federation until 2025 // Center Of Development Of Legal Clinics. URL: http://codolc.com (access date: May 12, 2021).

3. Afanasyeva T. I. Sistema obespecheniya grannoy yuridicheskoy pomoshchi v Rossiyskoy Federatsii // Prologue: Journal of Law. 2018. No. 1. Pp. 50–56.

4. On Free Legal Aid in the Russian Federation: Federal Law No. 324-FZ of 21.11.2011 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. Art. 6725.

5. Voronova O. N. The role and place of notaries, officials of local self-government bodies and officials of the consular institutions in the system of providing free legal aid // Notary. 2017. No. 4. Pp. 3–5.

6. Zelensky P. A. development of the system of free legal aid in Russia: problems and prospects // Vestnik PAGS. 2019. No. 1. Pp. 39–46.

7. Grin E. A., Gradinar E. V. On judicial (procedural) representation and representation by appointment of the court // Agrarian and Land Law. 2020. No. 9 (189). Pp. 129–132.

УДК/UDC 341.96

Защита исключительного права на товарный знак

Кочян Александр Ервандрович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: alex23arm@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема защиты исключительного права на товарный знак. Товарный знак как особое средство индивидуализации той или иной продукции ввиду отнесения к достаточно действенному способу защиты исключительных прав участников гражданского оборота на практике применяется достаточно часто. Исключительное право на товарный знак подлежит защите как на национальном, так и на международном уровне. При этом механизм такой защиты имеет некоторые особенности. Отмечается, что положения ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации не раскрывают конкретного перечня способов защиты и не содержат конкретных норм, регулирующих охрану исключительного права на товарный знак. По мнению автора, необходимо закрепить в разделе VI Гражданского кодекса Российской Федерации новую статью, раскрывающую способы защиты исключительного права на товарный знак в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Ключевые слова: товарный знак, средство индивидуализации, защита исключительного права, способы защиты, товар.

Protection of the exclusive right to a trademark

Kochyan Aleksandr Yervandrovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: alex23arm@mail.ru

Abstract

The article deals with the problem of protecting the exclusive right to a trademark. A trademark as a special means of individualization of a particular product in view of its attribution to a fairly effective way of protecting the exclusive rights of participants in civil turnover is used quite often in practice. The exclusive right to a trademark is subject to protection both nationally and internationally. Moreover, the mechanism of such protection has some peculiarities. It is noted that the provisions of Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation do not disclose a specific list of methods of protection and do not contain specific rules governing the protection of the exclusive right to a trademark. In the author's opinion, it is necessary to consolidate in Section VI of the Civil Code of the Russian Federation a new article revealing ways of protecting the exclusive right to a trademark in accordance with international treaties of the Russian Federation.

Key words: trademark, means of individualization, protection of exclusive rights, methods of protection, goods.

Тенденции к развитию международных экономической связей, диктуемые глобализацией, модернизация инструментов электронной торговли [1] и развитие международного сотрудничества между государствами в сфере экономических отношений обусловили необходимость в совершенствовании действующего законодательства в части правого регулирования товарного знака как средства индивидуализации.

Товарный знак как особое средство индивидуализации той или иной продукции ввиду отнесения к достаточно действенному способу защиты исключительных прав участников гражданского оборота на практике применяется достаточно часто.

В науке гражданского права существует множество подходов к определению содержания понятия товарного знака. Чаще всего данный объект гражданского права рассматривают как зарегистрированное в установленном законом порядке обозначение для целей индивидуализации, рекламы товаров (услуг) определенной организации или индивидуального предпринимателя между однородными товарами (услугами) иных лиц, удовлетворяющее требованиям новизны и другим требованиям различного характера, предъявляемым законом [2; 3]. Как отмечает

А. К. Шульга, посредством товарного знака возможно проведение ассоциации между товарным знаком и товаром [4].

Среди всех объектов интеллектуальной собственности, которые используются в гражданских правоотношениях с иностранным элементом, наибольшую заинтересованность вызывает товарный знак. Исключительное право на товарный знак подлежит защите как на национальном, так и на международном уровне. При этом механизм такой защиты имеет некоторые особенности.

Международное законодательство раскрывает понятие товарный знак в ч. 1 ст. 15 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) как любое обозначение или любое сочетание обозначений, способное отличить товары или услуги одного предприятия от товаров или услуг других предприятий. Такие обозначения, в частности слова (включая имена лиц), буквы, цифры, изобразительные элементы и сочетания цветов, а также любое сочетание таких обозначений могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков [5].

Необходимо отметить, что, исходя из положений ч. 1 ст. 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) товарный знак следует рассматривать в качестве обозначения, служащего для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей [6].

Охрана товарного знака осуществляется на основании положений Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. [7] (далее по тексту — Парижская конвенция), в соответствии с которой страны — участницы данной конвенции образуют Союз по охране промышленной собственности, включая и охрану товарного знака. Так, согласно ст. 6 bis Парижской конвенции страны-участницы обязуются отклонить или признать недействительным регистрацию, запрещать применение товарного знака, который до степени смешения похож на другой зарегистрированный знак. Кроме того, положения п. «А» ст. 6 quinquies Парижской конвенции гарантируют охрану товарного знака, зарегистрированного в стране происхождения. Данная регистрация

подтверждается свидетельством о регистрации, не требующей легализации.

Положения ч. 4 ГК РФ не раскрывают конкретного перечня способов защиты и не содержат конкретных норм, регулирующих охрану исключительного права на товарный знак. Кроме того, положения п. 2 ст. 1231 ГК РФ устанавливают, что «при признании исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации в соответствии с международным договором Российской Федерации содержание права, его действие, ограничения, порядок его осуществления и защиты определяются настоящим Кодексом независимо от положений законодательства страны возникновения исключительного права, если таким международным договором или настоящим Кодексом не предусмотрено иное». Данное положение указывает на действие принципа международного частного права lex loci protectionis (право страны, где истребуется охрана), т. е. защита исключительного права на товарный знак определяется независимо от положений иностранного права и будет применяться российское право.

На наш взгляд, данную норму необходимо также закрепить в разделе VI ГК РФ в качестве меры защиты исключительного права на товарный знак в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Список литературы

1. Руденко Е. Ю., Усенко А. С. К вопросу о понятии электронной торговли // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам IX Всероссийской конференции молодых ученых. Отв. за вып.: А. Г. Кощаев. 2016. С. 579–581.

2. Биденко В. В., Глинщикова Т. В. Система международно-правового регулирования защиты исключительного права на товарный знак // В сборнике: Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права. Сборник научно-практических статей II Международной научно-практической конференции молодых ученых. Отв. ред. В. П. Камышанский, Е.Ю. Руденко. 2017. С. 38–40.

3. Рабец А. П. Правовая охрана товарных знаков в России: современное состояние и перспективы: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 340 с.

4. Шульга А. К. Правовой режим товарных знаков по современному гражданскому законодательству Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 26 с.

5. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15.04.1994) // Собрание законодательства РФ. 10.09.2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818–2849.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1.Ч.). Ст. 5496.

7. Парижская конвенция по охране промышленной собственности (Париж, 20.03.1883) в ред. от 14.06.1967 // Международные договоры и соглашения в области охраны интеллектуальной собственности. М., 2001.

References

1. Rudenko E. Yu., Usenko A. S. On the question of the concept of electronic commerce // In the collection: Scientific support of the agro-industrial complex. Collection of articles based on the materials of the IX All-Russian Conference of Young Scientists. Responsible for the issue: A. G. Koschaev. 2016. Pp. 579–581.

2. Bidenko V. V., Glinshchikova T. V. System of international legal regulation of protection of the exclusive right to a trademark // In the collection: Actual problems of civil and business law. Collection of scientific and practical articles of the II International Scientific and Practical Conference of Young Scientists. Responsible editors V. P. Kamyshansky, E. Yu. Rudenko. 2017. Pp. 38–40.

3. Rabets A. P. Legal protection of trademarks in Russia: current state and prospects: monograph. Saint Petersburg: Legal Center Press, 2003. 340 p.

4. Shulga A. K. Legal regime of trademarks in the modern civil legislation of the Russian Federation: abstract of thesis. ... Cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2010. 26 p.

5. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) (WTO, Uruguay Round of Multilateral Trade Negotiations, 15.04.1994) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 10.09.2012. No. 37 (annex, part VI). Pp. 2818–2849.

6. Civil Code of the Russian Federation (part four) of 18.12.2006 № 230-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (1 part). Art. 5496.

7. Paris Convention for the Protection of Industrial Property (Paris, 20.03.1883) as amended by from 14.06.1967 // International treaties and agreements in the field of intellectual property protection. M., 2001.

УДК/UDC 343.2

Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних

Кузовихина Маргарита Сергеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: kuzovihina.margarita@yandex.ru

Медведев Сергей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: medvedewss@mail.ru

Аннотация

В данной статье даются определения понятий «уголовная ответственность» и «несовершеннолетний». Описываются отличительные черты уголовной ответственности несовершеннолетних, основные причины законодательного выделения уголовной ответственности несовершеннолетних, принципы, которыми руководствуется законодательство, определяя виды уголовного наказания для несовершеннолетних. Приводятся причины, по которым ряд уголовных наказаний, предусмотренных для взрослых, не применяется для несовершеннолетних. Также в статье рассматриваются условия, при которых несовершеннолетние освобождаются от уголовной ответственности на общих или специальных основаниях, в т. ч. и с применением мер принудительного воспитательного воздействия. В статье определяется основная перспективная цель применения или неприменения уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних, даны основные направления работы для решения проблемы подростковой преступности.

Ключевые слова: уголовная ответственность несовершеннолетних, виды наказаний, принудительные меры воспитательного воздействия, преступление.

Features of criminal liability of minors

Kuzovikhina Margarita Sergeyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: kuzovihina.margarita@yandex.ru

Medvedev Sergey Sergeyevich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminal Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: medvedewss@mail.ru

Abstract

This article provides definitions of the concepts of "criminal responsibility"and "minor". The author describes the distinctive features of the criminal responsibility of minors, the main reasons for the legislative allocation of criminal responsibility of minors, the principles that govern the legislation, defining the types of criminal punishment for minors. The reasons are given why a number of criminal penalties provided for adults are not applied to minors. The article also examines the conditions under which minors are exempted from criminal liability on general or special grounds, including with the use of measures of compulsory educational influence. The article defines the main prospective purpose of the application or non-application of criminal liability in relation to minors, the main directions of work for solving the problem of juvenile delinquency are given.

Key words: criminal liability of minors, types of punishments, compulsory measures of educational influence, crime.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) отсутствует установленное законом определение уголовной ответственности. В юридической научной литературе разные ученые дают свои определения этому понятию.

Так, В. П. Ревин в своем учебном пособии указывает, что уголовная ответственность — это обязанность лица, совершившего преступление, понести за данное преступление неблагоприятные последствия в виде

лишений или ограничений своих прав и свобод, установленные уголовным законом и реализуемые в форме государственного принуждения [1].

А. И. Плотников дает следующее определение этому термину: «Уголовная ответственность — это принудительная мера уголовно-правового воздействия, применяемая государством к совершившему преступление лицу и выражающаяся в ограничении его правового статуса» [2].

В. И. Гладких считает, что уголовная ответственность — это вид юридической ответственности, который представляет собой предписанную уголовным законодательством обязанность нести ответственность за совершенное преступление и выражается в применении уполномоченным на то государственным органом уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера к лицу, совершившему преступление [3].

Нам представляется наиболее приемлемым определение А. И. Бельского: «Уголовная ответственность — это основанное на юридической обязанности, установленной уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законом реальное претерпевание лицом, совершившим преступление, государственного порицания, ограничений и лишений его прав и свобод» [4].

Узконаправленной разновидностью уголовной ответственности является уголовная ответственность несовершеннолетних (гл. 14 УК РФ). В данной главе также дается легальное определение понятия «несовершеннолетний». Ч. 1 ст. 87 УК РФ закрепляет: «Несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет».

Необходимость юридического обособления уголовной ответственности несовершеннолетних определяется тем, что рассматриваемая группа граждан, с одной стороны, уже достигает достаточно высокого уровня социализации (они самостоятельны, могут владеть собой, контролировать свое поведение), но, с другой стороны, процесс социализации еще продолжается, несовершеннолетние еще обычно учатся в учебных заведениях, ищут свое место в обществе и т. д. Лицам этой возрастной

категории зачастую присущи порывистость характера, излишняя категоричность суждений и эмоциональность, поведенческая неуравновешенность. Часто несовершеннолетние не способны адекватно и объективно оценивать ситуацию, происходящую вокруг них. И здесь очень важно отметить, что этот дуализм психологии несовершеннолетних, а также острый запрос в обществе на морально-благополучное, эмоционально-здоровое и социально-адаптированное подрастающее поколение, являются причиной того, что государство законодательно устанавливает для своих несовершеннолетних граждан отдельные правовые нормы, регламентирующие уголовную ответственность, и, безусловно, эти нормы имеют льготную направленность.

Ч. 1 ст. 88 УК РФ устанавливает исчерпывающий список уголовных наказаний, которые могут быть применены в отношении несовершеннолетних [5]. Этот список включает всего шесть разновидностей уголовного наказания из тринадцати, предусмотренных ст. 44 УК РФ, устанавливающей виды уголовного наказания для взрослых граждан. Это обусловлено, во-первых, тем, что некоторые виды уголовного наказания бессмысленны применительно к несовершеннолетним, т. к. рассматриваемая категория граждан имеет особый общественный, юридический и физиологический статус. Иными словами, несовершеннолетний гражданин в силу своего возраста и вытекающего из него социального статуса не может занимать ответственные государственные должности, нести воинскую службу и, как следствие, получать воинские звания, награды или взыскания. Поэтому законодатель, исходя из принципа разумности, исключил из списка уголовных наказаний для несовершеннолетних наказания, связанные с военной службой и правом занимать ответственные должности. В то же время применительно к несовершеннолетним гражданам действует такой вид уголовного наказания, как запрет заниматься определенной деятельностью. Помимо вышеназванных уголовных наказаний, существует группа наказаний, которые не применяются к подросткам как противоречащие п. а Конвенции о правах ребенка, принятой ООН 20 ноября 1989 г [6], положения которой устанавливают

следующее: «Ни один ребенок не был подвергнут пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания. Ни смертная казнь, ни пожизненное тюремное заключение, не предусматривающее возможности освобождения, не назначаются за преступления, совершенные лицами моложе восемнадцати лет».

Признавая юридическое главенство Конвенции о правах ребенка, Российское законодательство исключило из перечня уголовных наказаний следующие его виды: арест, принудительные работы, пожизненное лишение свободы и смертная казнь. Более того, демонстрируя свою приверженность принципу гуманизма, наше государство не применяет к несовершеннолетним сроки лишения свободы свыше десяти лет, даже в тех случаях, когда имеет место совершение особо тяжкого преступления. Кроме этого, регламентом применения уголовного наказания для несовершеннолетних предусматривается возможность повторного применения условного наказания, снижение вдвое минимального срока лишения свободы.

Помимо смягчения критериев применения уголовного наказания, законодательство Российской Федерации устанавливает основания, на которых несовершеннолетний освобождается от уголовной ответственности. Эти основания делятся на две группы: общие и специальные. К общим основаниям для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренным гл. 11 УК РФ, относятся амнистия, помилование, а также ряд оснований, имеющих преимущественно процессуальный характер: деятельное раскаяние, примирение с потерпевшей стороной, освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности и др. Общие основания действуют для всех правонарушителей вне зависимости от возраста. В отличие от них специальные основания освобождения от уголовной ответственности применяются только в отношении несовершеннолетних граждан. Они определены в ст. 90 УК РФ. Данная статья устанавливает, что в том случае, когда несовершеннолетнему вменяется в вину преступное деяние небольшой или средней степени тяжести, он может быть освобожден от уголовной ответственно-

сти. Это возможно при условии признания факта того, что исправление данного несовершеннолетнего правонарушителя может быть достигнуто с помощью принудительных мер воспитательного воздействия. Помимо этого, в ст. 90 УК РФ содержится перечень принудительных мер воспитательного воздействия и предусматривается возможность их одновременного применения.

Принудительные меры воспитательного воздействия не являются наказанием, носят более мягкий характер при соотнесении их с мерами уголовной ответственности и, по сути, являются обособленной, не несущей карательный характер формой государственного реагирования на противозаконные деяния несовершеннолетних. И действительно, невозможно считать наказанием предупреждение, передачу под надзор родителей или обязанность загладить причиненный вред. В этом случае государство, применяя политику «мягкой силы», ставит своей целью скорректировать социально поведенческий статус несовершеннолетнего гражданина.

Стоит отметить, что А. М. Репьева и О. В. Ермакова в своей статье «Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования» указывают на то, что в УК РФ отсутствует легальное определение принудительных мер воспитательного воздействия. Это, по мнению авторов, является пробелом в уголовном законодательстве [7].

Принимая решения о выборе между принудительными мерами воспитательного воздействия и уголовным наказанием для несовершеннолетнего преступника, судья должен придавать большое значение индивидуальным личностным характеристикам подсудимого. Это нужно для того, чтобы как можно более достоверно спрогнозировать, каким образом несовершеннолетний воспримет освобождение от уголовной ответственности: как шанс исправиться и скорректировать свое поведение или как сигнал вседозволенности и наказуемости.

Подрастающее поколение должно быть предметом особой заботы и внимания любого государства и общества, т. к. именно молодежь, взрос-

лея, в конечном итоге определяет будущее страны. Исходя из этого, законодательство Российской Федерации в вопросе осуществления уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних установило целый комплекс уголовно-правовых норм, в которых воспитательный компонент имеет больший удельный вес, чем карательный.

В отношении несовершеннолетних преступников действуют более мягкие, по сравнению со взрослыми, меры уголовного наказания. К преступлениям, совершенным несовершеннолетними преступниками, применяются более короткие сроки давности; выводы судебно- медицинской комиссии, устанавливающий примерный возраст подростка, совершившего преступление, в законодательном порядке трактуются в его пользу.

Помимо всего этого, в правоприменительной практике в области уголовной ответственности несовершеннолетних существует возможность освобождения несовершеннолетнего от уголовного наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

Все вышеперечисленное говорит о том, что при реализации уголовной ответственности акцент делается на перевоспитание несовершеннолетних как на наиболее эффективный механизм борьбы с подростковой преступностью.

Ужесточение ответственности несовершеннолетних за совершение преступлений ни в коей мере не помогает решить проблему подростковой преступности. Решение этой проблемы многогранно и требует длительной комплексной работы, прежде всего в таких направлениях, как:

1) укрепление института семьи;
2) оптимизация и разумная регламентация работы органов социальной защиты и образовательных учреждений;
3) совершенствование механизмов реализации таких видов уголовного наказания, как обязательные работы, принудительные работы, а также таких принудительных мер воспитательного воздействия, как предупреждение, передача под надзор родителей, возложение обязанности загладить причиненный вред.

На наш взгляд, является целесообразным создание системы специализированных судов по делам семьи и несовершеннолетних. Социальный запрос на создание такой системы судов обусловлен прежде всего необходимостью нормализовать условия жизни и воспитания несовершеннолетних путем защиты их законных интересов и прав, оказания правового воздействия на лиц, которые обязаны осуществлять воспитание, обучение, подготовку к трудовой деятельности и взрослой жизни, охрану психического и физического здоровья несовершеннолетних.

С другой стороны, создание такой системы судов положительно бы оказалось на качестве рассмотрения дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, что, в свою очередь, помогло бы более эффективно решать задачу корректировки нравственно-психологического развития личности несовершеннолетних преступников.

Список литературы

1. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. В. П. Ревина. М.: Юстицинформ. 2016. 580 с.

2. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / Отв. ред. А. И. Плотников. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. 443 с.

3. Уголовное право России. Общая часть: учебник. Под общ. редакцией доктора юрид. наук, проф. В. И. Гладких. М.: Международный юридический институт, 2012. 184 с.

4. Бельский А. И. Уголовная ответственность // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2013. № 2 (22). С. 67–70.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

6. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.

7. Репьева А. М., Ермакова О. В. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3 (49). С. 55–63.

References

1. Criminal law of Russia. General part: textbook / Ed. V. P. Revina. M.: Justicinform. 2016. 580 p.

2. Criminal law of Russia. General part: textbook for bachelors / Ed. ed. A. I. Plotnikov. Orenburg: LLC IPK "University 2016. 443 p.

3. Criminal law of Russia. General part: textbook. Under total. edited by doctor jurid. sciences, prof. V. I. Gladkikh. Moscow: International Law Institute, 2012. 184 p.

4. Belsky A. I. Criminal liability // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 2 (22). Pp. 67–70.

5. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

6. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 20.11.1989, entered into force for the USSR on 15.09.1990) // Collection of international treaties of the USSR. Issue XLVI. 1993.

7. Repyeva A. M., Ermakova O. V. Forced measures of educational influence: problems of law enforcement and prospects for improvement // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2019. No. 3 (49). Pp. 55–63.

УДК/UDC 342.9

Особенности проведения аудита в сфере АПК

Кузовихина Маргарита Сергеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: kuzovihina.margarita@yandex.ru

Чернов Юрий Иванович
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: admfinkubsau@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности планирования и реализации аудита в области деятельности агропромышленного комплекса (АПК) в Российской Федерации. Изложены основные особенности финансово-экономической деятельности предприятий АПК, а также описаны специфические свойства аудита в АПК в отличие от аудита в других отраслях. Отмечается, что в сельскохозяйственных предприятиях имеются уникальные объекты учета экономической деятельности (скот, птица, семьи пчел и пр.), а также уникальное средство производство – земля. В заключении авторы приходят к выводу о необходимости наличия отдельного направления аудиторской деятельности, специализирующегося на аудите сельскохозяйственных предприятий. Кроме того, следует обратить внимание на формирование правовой базы, приближенной к международным стандартам аудита, и подготовке специалистов, понимающих специфику аудита в агропромышленной сфере.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс (АПК), аудит, аудиторская деятельность, сельскохозяйственная продукция, учет, ревизия.

Features of the audit in the field of agriculture

Kuzovikhina Margarita Sergeyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: kuzovihina.margarita@yandex.ru

Chernov Yuriy Ivanovich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Administrative and Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: admfinkubsau@yandex.ru

Abstract

This article discusses the features of planning and implementation of audit in the field of activities of the agro-industrial complex (AIC) in the Russian Federation. The main features of the financial and economic activities of the agro-industrial complex enterprises are stated, and the specific properties of audit in the agro-industrial complex, as opposed to audit in other industries, are described. It is noted that agricultural enterprises have unique objects of accounting for economic activity (livestock, poultry, bee families, etc.), as well as a unique means of production - land. In conclusion, the authors come to the conclusion that there is a need for a separate line of audit activity, specializing in the audit of agricultural enterprises. In addition, attention should be paid to the formation of a legal framework close to international auditing standards, and the training of specialists who understand the specifics of auditing in the agro-industrial sector.

Key words: agro-industrial complex (AIC), audit, audit activity, agricultural products, accounting, audit.

Аудит — это независимая проверочная финансово-учетная организационная процедура, проводимая в отношении деятельности какого-либо хозяйствующего субъекта [1]. Неотъемлемым условиям аудита является проведение его сторонней, независимой организацией, имеющей аудиторскую лицензию. Обязательным и закономерным итогом аудиторской проверки является обоснованное и максимально объективное пись-

менное аудиторское заключение, дающее развернутый анализ достоверности финансовой отчетности, качества организации производства и производимого продукта.

Аудит похож на ревизию, но отличается добровольностью. В качестве заказчика аудита может выступать руководство организации. Такой аудит называется внутренним, или аудитом первой стороны. Очевидной целью такой добровольной процедуры являются санация и оптимизация экономической деятельности предприятия.

При внешнем аудите второй и третьей стороны, когда инициатором проверки является либо клиент, желающий убедиться в благонадежности поставщика, либо сертифицирующий орган, желающий убедиться в надлежащем качестве сертифицируемой продукции, принцип добровольности аудита остается незыблемым [2]. Об этом можно говорить, т. к. руководство предприятия, которое планируется подвергнуть аудиту, добровольно дает согласие на эту процедуру с целью в дальнейшем получить стабильные рынки сбыта своей продукции и таким образом увеличить прибыль предприятия.

Вторым отличием аудита от ревизии является то, что в списке его целей не стоит наказание виновных при выявлении недостатков.

Деятельность предприятий агропромышленного комплекса (далее по тексту — АПК) обладает ярко выраженной отраслевой специфичностью, даже в такой, казалось бы, унифицированной сфере экономической деятельности, как торговля [3]. Так, в АПК имеются такие уникальные объекты учета экономической деятельности предприятий, как скот, птица, семьи пчел, рыба и пр. Эти биологические живые объекты, подлежащие в случае аудиторской проверки учету и дальнейшему анализу, не находятся на простом хранении, когда степень их сохранности гарантированно будет высокой при соблюдении ряда технических условий. Эти биологические объекты находятся на содержании, и даже соблюдение предприятием АПК всех норм по содержанию этих животных не дает стопроцентную гарантию их сохранности. Примером такой ситуации являются падеж или санитарный забой животных при обнаружении

зоонозов. Кроме этого, планируемая себестоимость содержания биологических объектов может непрогнозируемо повысится в случае неурожая кормовых культур.

Кроме уникальных объектов учета, в АПК имеется уникальное средство производства — земля, и аудит сельскохозяйственных предприятий очень часто начинается с анализа достоверности данных учета о земельных угодиях. При оценке стоимости такого основного средства производства, как земля, и анализе будущих прибылей учитывается не только площадь земельного участка, но и ряд других факторов, таких как глубина и состав плодородного слоя почвы, рельеф, месторасположение, подъездные пути, уровень залегания грунтовых вод и т. д.

Следующей особенностью АПК, которая должна учитываться при проведении аудита на предприятиях этой сферы экономики, является возможное несовпадение календарных годичных циклов с циклами сельскохозяйственного производства. Если при аудите в других областях экономики исчерпывающий анализ финансовой деятельности предприятия можно получить за проверочный период, равный или кратный календарному году, то при аудите в сфере деятельности сельскохозяйственных предприятий могут возникнуть определенные трудности. Например, если временной цикл выращивания на мясо крупного рогатого скота превышает год, может сложиться ситуация, когда по итогам одного года затраты значительно превалируют над прибылью, а в следующем году ситуация меняется на противоположную [4].

Еще одна особенность аудита в сфере АПК — это необходимость учитывать климатический фактор, от которого очень сильно зависят финансово-экономические показатели деятельности агропредприятий.

Учитывая все вышеперечисленные отраслевые особенности АПК, можно прийти к выводу о необходимости наличия отдельного направления аудиторской деятельности, специализирующегося на аудите сельскохозяйственных предприятий. Это подразумевает в первую очередь наличие широкой, хорошо проработанной правовой базы, максимально приближенной к международным стандартам аудита, а также подготов-

ку высококвалифицированных специалистов, имеющих глубокие знания как в сфере аудита, так и в сфере производства сельскохозяйственной продукции.

Список литературы

1. Об аудиторской деятельности: Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 15.

2. Гетманова К. С. Внутренний и внешний аудит. Общие признаки и различия // Современные инновации. 2018. № 4 (26). С. 30-32.

3. Шароватова Е. А., Клопотова К. Б. Отраслевые особенности аудита коммерческих организаций // Учет и статистика. 2016. № 3 (43). С. 35–40.

4. Калиниченко Н. Л. Аудит — новая функция управления в АПК // АПК: Экономика, управление. 2011. № 8. С. 25–29.

References

1. On auditing: Federal Law of 30.12.2008 No. 307-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 1. Art. 15.

2. Getmanova K. S. Internal and external audit. Common features and differences // Modern innovations. 2018. No. 4 (26). Pp. 30–32.

3. Sharovatova E. A., Klopotova K. B. Sectoral features of the audit of commercial organizations // Accounting and statistics. 2016. No. 3 (43). Pp. 35–40.

4. Kalinichenko N. L. Audit is a new management function in the agro-industrial complex // APK: Economics, management. 2011. No. 8. Pp. 25–29.

УДК/UDC 343.244

Проблема расширительного толкования диспозиции статьи 106 Уголовного кодекса Российской Федерации

Лапик София Алексеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: sofialapik0610@mail.ru

Медведев Сергей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: medvedewss@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена проблеме расширительного толкования диспозиции нормы права, содержащейся в ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации. В работе приведены примеры судебной практики, взятые из архивов Богдановичского городского суда Свердловской области и Искитимского районного суда Новосибирской области. В статье проведен сравнительный анализ положений диспозиции ст. 106 Уголовного закона Российской Федерации. Предложено изложить ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации в новой редакции. Приведены точки зрения ученых, специализирующихся в области уголовного права, относительно уголовно-правовых норм и привилегированного характера такого преступления, как убийство матерью новорожденного ребенка. Особое внимание в работе обращено на игнорирование законодателем тенденции ужесточения наказания за совершение преступления, предусмотренного ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: убийство, новорожденный, убийство матерью, ответственность, умысел.

The problem of broad interpretation of the disposition of Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation

Lapik Sofiya Alekseyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: sofialapik0610@mail.ru

Medvedev Sergey Sergeyevich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminal Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: medvedewss@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the problem of the broad interpretation of the disposition of the rule of law contained in Art. 106 of the Criminal Code of the Russian Federation. The paper provides examples of judicial practice taken from the archives of the Bogdanovichsky City Court of the Sverdlovsk Region and the Iskitimsky District Court of the Novosibirsk Region. The article provides a comparative analysis of the provisions of the disposition of Art. 106 of the Criminal Law of the Russian Federation. It is proposed to state Art. 106 of the Criminal Code of the Russian Federation as amended. The points of view of scientists specializing in the field of criminal law regarding criminal law and the privileged nature of such a crime as the murder of a newborn child by a mother are given. Particular attention in the work is paid to the legislator's ignorance of the tendency to toughen the punishment for committing a crime under Art. 106 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: murder, newborn, mother's murder, responsibility, intent.

Сегодня значительное внимание специалисты в области уголовного права уделяют детоубийству, поскольку огромное количество преступлений совершается в отношении детей.

Убийство матерью новорожденного ребенка является уголовно наказуемым деянием, что закреплено в ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) [1]. Из смысла этой нормы права следует, что законодатель не разграничивает мгновенно возникший умысел на совершение преступления и обдуманный план действий, вынашиваемый субъектом преступления.

В этой связи многие исследователи в области уголовного права указывают на проблему расширительного толкования диспозиции ст. 106 УК РФ.

Так, многие теоретики отмечают гуманный подход законодателя к наказанию за совершение такого преступления. В научных кругах высказано предположение о том, что уменьшение ответственности субъекта обусловлено тем обстоятельством, что в процессе и сразу после родов женщина не воспринимает рожденного человека как самостоятельное живое существо [2].

Мы согласны с мнением Н. Е. Аленкина [3] и считаем, что привилегированный характер убийства матерью новорожденного ребенка противоречит общей тенденции ужесточения уголовной ответственности за преступления против малолетних.

В качестве примера рассмотрим обвинительный приговор, который был вынесен Богдановичским городским судом Свердловской области 10 сентября 2018 г. по делу № 1-118/2018. Непосредственно после родов у гражданки К. на почве имеющихся материальных трудностей возник умысел на убийство своего новорожденного ребенка и, реализуя свой умысел на убийство, она прекратила доступ воздуха к дыхательным путям младенца, закрыв ладонью своей руки отверстия рта и носа ребенка. В итоге суд приговорил К. к ограничению свободы на срок три года, а также обязал в течение этого срока являться в уголовно-исполнительную инспекцию один раз в месяц для регистрации [4].

Приведем другой пример из судебной практики. 14 мая 2014 г. Искитимским районным судом Новосибирской области по делу № 1-324/2014 был вынесен обвинительный приговор в отношении гражданки

А. Из материалов дела следует, что в тот момент, когда обвиняемая узнала, что является беременной, она уже имела на иждивении малолетнюю дочь. По словам обвиняемой, у нее была нехватка денежных средств и в связи с этим она хотела избавиться от будущего ребенка. С этой целью она безуспешно просила врачей сделать ей аборт, сама пыталась спровоцировать выкидыш, не выполняла предписания врачей. В момент родов А. находилась в родильном доме. После родов, пребывая в условиях психотравмирующей ситуации, не желая иметь еще одного ребенка, она перекрыла просвет дыхательных путей новорожденного, тем самым причинив смерть младенцу. Суд приговорил обвиняемую к наказанию в виде лишения свободы сроком на два года шесть месяцев [5].

Из рассмотренных материалов судебной практики видно, что в обоих случаях имеет место заранее возникший умысел. Однако в первом случае осужденная решилась на преступление после родов, а во втором случае осужденная пыталась прервать беременность задолго до родов. Исходя из этого, нам кажется неверной ситуация, когда в обоих случаях преступления квалифицируются по одной и той же ст. 106 УК РФ.

Как верно заметили В. П. Алехин и С. С. Медведев, «нормы уголовного права должны соответствовать нашим сегодняшним реалиям и эффективно регулировать уголовно-правовые отношения» [6].

Таким образом, хотим обратить внимание на проблему расширительного толкования диспозиции нормы права, содержащейся в ст. 106 УК РФ: часть преступлений совершается лицом, имеющим заранее обдуманный и спланированный умысел, а другая часть — в психотравмирующей ситуации. Данное обстоятельство не должно игнорироваться законодателем. Нам кажется, что в ст. 106 УК РФ следует внести изменения и изложить ее диспозицию в следующей редакции:

«Убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов:

а) а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. . . ;

б) в условиях внезапно возникшего умысла, не исключающего вменяемости. . . ;

в) при заранее обдуманном (спланированном) умысле. . . ».

Отметим, что в мире возросло количество случаев рождения одновременно нескольких младенцев. Тем не менее убийство нескольких новорожденных квалифицируется по той же статье, что и убийство одного. Возникает логичный вопрос — справедливо ли это?

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Дорошков В. В., Лебедев В. М. и др. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/ Отв. ред. В. М. Лебедев. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2012. 1359 с.

3. Аленкин Н. Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: вопросы совершенствования // Вестник Московского университета. 2012. № 4. С. 45–53.

4. Приговор Богдановичского городского суда Свердловской области от 10.09.2018 по обвинению В. В. Корнильцевой // Архив Богдановичского городского суда Свердловской области за 2018 г. Уголовное дело № 1-118/2018.

5. Приговор Искитимского районного суда Новосибирской области от 14.05.2014 по обвинению Ю. В. Агафоновой // Архив Искитимского районного суда Новосибирской области за 2014 г. Уголовное дело № 1-324/2014.

6. Алехин В. П., Медведев С. С. Анализ последних изменений в Уголовном кодексе Российской Федерации // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 3. С. 15–27.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996, No. 63-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

2. Doroshkov V. V., Lebedev V. M. et al. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / Ex. ed. V. M. Lebedev. 12th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2012. 1359 p.

3. Alenkin N. E. The system of privileged elements of murder in the criminal law of Russia: issues of improvement // Bulletin of the Moscow University. 2012. No. 4. Pp. 45–53.

4. The verdict of the Bogdanovichsky city court of the Sverdlovsk region dated 09/10/2018 on the charges of V. V. Korniltseva // Archive of the Bogdanovichsky City Court of the Sverdlovsk Region for 2018. Criminal case No. 1-118/2018.

5. The verdict of the Iskitimsky District Court of the Novosibirsk Region dated 14.05.2014 on the charges of Yu. V. Agafonova // Archive of the Iskitimsky District Court of the Novosibirsk Region for 2014. Criminal case No. 1-324/2014.

6. Alekhin V. P., Medvedev S. S. Analysis of the latest changes in the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific journal of KubSAU. 2014. No. 3. Pp. 15–27.

УДК/UDC 342.9

Административно-правовые средства борьбы с коррупцией в системе государственной службы

Манасян Роман Владимирович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: roma-manasyan@bk.ru

Юшко Александр Викторович
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: jushko@iubox.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются и анализируются административно-правовые средства борьбы с коррупцией в Российской Федерации, меры по ее предупреждению и противодействию ей. Авторами исследуется действующее законодательство в сфере противодействия коррупции, актуальные проблемы и недостатки. Обозначаются некоторые возможные пути развития законодательства и решения существующих проблемных вопросов. В статье рассматриваются административно-правовые методы противодействия коррупционным преступлениям, их эффективность и значение. Представлена экспертная точка зрения независимой международной организации относительно существующего уровня коррупционных преступлений на территории Российской Федерации. В качестве путей развития законодательства авторы предлагают использование наиболее эффективных методов, применяемых иностранными государствами. Авторы также отмечают необходимость повышения уровня социальной ответственности и правовой культуры граждан.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные правонарушения, борьба с коррупцией, административно-правовые средства, государственная служба, предупреждение коррупции.

Administrative and legal means of combating corruption in the public service system

Manasyan Roman Vladimirovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: roma-manasyan@bk.ru

Yushko Aleksandr Viktorovich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Administrative and Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: jushko@iubox.ru

Abstract

This article examines and analyzes the administrative and legal means of combating corruption in the Russian Federation, measures to prevent and counteract it. The authors investigate the current anti-corruption legislation, current problems and shortcomings. Some possible ways of developing legislation and solving existing problematic issues are indicated. The article discusses the administrative and legal methods of combating corruption crimes, their effectiveness and importance. The expert point of view of an independent international organization regarding the existing level of corruption crimes on the territory of the Russian Federation is presented. As ways of developing legislation, the authors propose the use of the most effective methods used by foreign states. The authors also note the need to increase the level of social responsibility and legal culture of citizens.

Key words: corruption, corruption offenses, fight against corruption, administrative and legal means, state judicial service, prevention of corruption.

Коррупция, а именно связанные с ней коррупционные преступления, являются одной из наиболее актуальных и социально-острых проблем современного мира, которые касаются каждого государства, различие лишь в одном — в масштабах и возможностях. Проявляется она во

всех существующих сферах общества и затрагивает каждого человека. Это одно из древнейших социальных явлений мира, которое зародилось вместе с примитивным устройством общества и государства, развивалось и порождало все новые и более изощренные методы своего скрытого проявления.

Для начала дадим определение понятию «коррупция». Законодатель закрепил данное понятие в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее по тексту — Закон «О противодействии коррупции»). Коррупция — это:

а) злоупотребление должностным положением, дача взятки, получение взятки, коммерческий подкуп или другого вида преступное использование физическим лицом своего служебного положения с целью получения выгоды в виде денег, имущественных ценностей, прочего имущества или услуг материального характера лично для себя или для третьих лиц, а также противозаконное согласие на предоставление такой прибыли определенному лицу прочими физическими лицами;

б) осуществление действий, перечисленных в подпункте «а», в интересах или от имени юридического лица [1].

Коррупция как глобальное явление несет негативные последствия. Во-первых, результаты коррупции отражаются на экономической сфере государства:

1) нарушается теоретическая модель рынка;
2) разрушаются нормальные рыночные отношения, концепция конкуренции, поскольку на рынке остаются недобросовестные субъекты, главное преимущество которых — не качество и цена товара или услуги, а своевременный подкуп уполномоченных лиц и, как следствие, получение какой-либо привилегии;
3) неразумная трата бюджетных средств при проведении государственных тендеров, в которых искусственно завышаются цены на некоторые позиции товаров и услуг, а разница между ними

делится между лицом, получившим государственный заказ, и лицом, способствовавшим его получению;

4) увеличивается рост так называемой теневой экономики — экономических отношений, скрываемых от общества и государства, что приводит к уменьшению налоговых средств, которые поступают в федеральные и региональные бюджеты.

Во-вторых, растет одна из главных «патологий» общества — имущественное неравенство: согласно статистике более 19 млн человек живет за чертой бедности и лишь небольшой процент населения стремительно набирает все больший капитал [2].

В-третьих, уменьшается уровень доверия граждан к органам государственной власти, что приводит к нестабильной ситуации внутри страны. Эти факторы влияют на общий авторитет государства на международной арене, что, в свою очередь, может привести к глобальной экономической и политической изоляции, которая негативно отразится на экономике страны, качестве и уровне жизни ее населения.

Согласно независимому изданию Transparency International, признанному Минюстом России иностранным агентством, Российская Федерация набрала 30 из 100 возможных баллов индекса восприятия коррупции и заняла неутешительное 129-е место в списке из 180 стран. Столько же набрали такие страны, как Азербайджан и Мали [3]. Индекс восприятия коррупции — составной индекс, который отслеживает уровень восприятия коррупции в государственных сферах различных стран. Он выходит каждый год начиная с 1995 г. и базируется на основе опросов экспертов и предпринимателей, проведенных независимыми организациями, расположенными по всему миру. Данный показатель описывает актуальное положение дел в сфере противодействия коррупции, ее нынешнее состояние. Следует отметить, что согласно ежегодным анализам системы противодействия коррупции данный показатель является довольно стабильным. Из этого можно сделать вывод о том, что коррупционные преступления наблюдаются абсолютно во всех странах, различается только их уровень, а он, в свою очередь, зависит от системы мер,

общей совокупности средств, реализуемых при проведении антикоррупционной политики.

Ст. 6 Закона «О противодействии коррупции» затрагивает немаловажный метод в борьбе с коррупцией — меры профилактики [1]. Профилактика осуществляется путем создания и укрепления определенной культуры в обществе, которая в будущем сформирует поведение и мировоззрение людей, вызывающие нетерпимость к разным формам проявления коррупционного поведения: даче взятки, ее получению и иным видам. В данном аспекте стоит уделить особое внимание уровню правовой культуры российского общества. Это позволить увеличить уровень социальной ответственности. В обыденном представлении граждан мелкие взятки уполномоченным лицам не могут повлиять на общий коррупционный уровень в масштабах страны, но данный взгляд в корне неверный. Подобные мнения формируют неправильные установки в сознании граждан.

Также немаловажную роль играет антикоррупционная экспертиза. Данная деятельность направлена на проведение проверки нормативно-правовых актов определенными субъектами с целью выявления каких-либо аспектов, содержащих коррупционные факторы. Другой задачей этой деятельности является предложение своевременных рекомендаций, которые способны исключить вышеуказанный фактор. При этом антикоррупционная экспертиза направлена не только на акты законодательных органов власти, но и на различные акты и распоряжения органов исполнительной власти. На федеральном уровне она регулируется Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов», в котором обозначен порядок проведения экспертизы [4]. Методическое содержание и правила проведения закреплены в соответствующем Постановлении Правительства Российской Федерации. Целью антикоррупционной экспертизы является не допустить появление коррупциогенных факторов, способных создать условия появления коррупции. Экспертиза может проводиться Прокуратурой Российской Федерации, Министерством Юстиции Российской

Федерации, независимыми экспертами, другими органами и их служащими. В теории данный метод имеет большой потенциал для дальнейшего роста. Одним из направлений развития может стать своевременный рост числа субъектов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы.

В 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами». К лицам, чьи права на открытие вкладов и личных счетов в иностранных банков были ограничены, относятся лица, занимающие обширный перечень государственных должностей [5]. Ограничение распространилось и на супругов государственных служащих, а также на их несовершеннолетних детей. Это является крайне важной мерой, поскольку позволяет контролировать финансовые средства лиц, занимающих высокие государственные должности, уполномоченными органами.

Согласно Федеральному закону от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» государственные служащие обязаны предоставлять полную информацию о личном доходе и имуществе. Данная обязанность распространяется также и на членов их семей [6]. Это позволяет уполномоченным государственным служащим пресекать коррупционные преступления, вследствие которых госслужащие получают определенные материальные блага, неосновательно обогащаются. Проверку достоверности данных сведений осуществляет Прокуратура Российской Федерации, иные федеральные органы государственной власти и органы местного самоуправления в пределах, установленных настоящим законодательством. В случаях несоблюдения установленных правил, а именно неверного или неполного декларирования имущества или доходов, государственный служащий подвергается определенным дисци-

плинарным санкциям вплоть до освобождения от занимаемой им должности.

Вышеперечисленные административно-правовые методы показывают обширность действий уполномоченных органов и иных субъектов в антикоррупционной системе государства. Все они направлены на профилактику, предупреждение и пресечение коррупционных правонарушений. Исходя из обозначенных статистических данных индекса восприятия коррупции, необходимо сделать вывод о возможностях модернизации вектора отечественного законодательства в этой области. В частности, по мнению А. В. Куракина, законодатель должен использовать в своих целях опыт зарубежных стран [7, с. 44]. На наш взгляд, требуется закрепление такого понятия, как «презумпция виновности» для работников государственных органов, не способных объяснить происхождение своих активов. Также необходимо введение большей прозрачности и подотчетности деятельности государственных служб гражданам страны; снижение административных барьеров; создание специальных систем обучения в средних и высших образовательных учреждениях, объясняющих вред коррупции. В перспективе это создаст более гибкую и эффективную модель государственного контроля и управления в Российской Федерации.

Список литературы

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Российская газета. № 266. 30.12.2008.

2. О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в III квартале 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/112592 (дата обращения: 30.04.2021).

3. Corruption perceptions index 2020 // Transparency International. URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2020 (дата обращения: 30.04.2021).

4. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

5. О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках,

расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами: Федеральный закон от 07.05.2013 № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2306.

6. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50. Ст. 6953 (Часть IV).

7. Куракин А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечение коррупции в системе государственной службы зарубежных государств // Административное и муниципальное право. 2008. № 10. С. 36–44.

References

1. On combating corruption: Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ // Rossiyskaya Gazeta. No. 266. 30.12.2008.

2. On the ratio of monetary incomes of the population with the size of the subsistence minimum and the number of the poor population as a whole in the Russian Federation in the third quarter of 2020 // Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/112592 (access date: April 30, 2021).

3. Corruption perceptions index 2020 // Transparency International. URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2020 (access date: April 30, 2021).

4. On anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts: Federal Law of 17.07.2009 No. 172-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 29. Art. 3609.

5. On the prohibition of certain categories of persons to open and have accounts (deposits), keep cash and valuables in foreign banks located outside the territory of the Russian Federation, own and (or) use foreign financial instruments: Federal Law of 07.05.2013 No. 79 -FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 19. Art. 2306.

6. On control over the compliance of expenses of persons holding public office and other persons with their income: Federal Law of 03.12.2012 No. 230-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 50. Art. 6953 (Part IV).

7. Kurakin A. V. Administrative and legal means of preventing and suppressing corruption in the system of public service of foreign states // Administrative and municipal law. 2008. No. 10. Pp. 36–44.

УДК/UDC 349.2

Проблемы реализации пенсионной реформы в Российской Федерации

Маркарян Гарегин Самвелович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: garik.mark2020@gmail.com

Аннотация

В статье анализируется процесс реализации пенсионной реформы 2018 г. в Российской Федерации, исследуются основные проблемы, а также устанавливаются предполагаемые причины. Рассматриваются положительные и отрицательные стороны пенсионной реформы в России. Одной из главных проблем, с точки зрения автора, является осложненное положение людей предпенсионного возраста, связанное в основном с невозможностью трудоустройства наравне с более молодыми гражданами. Проводится сравнительный анализ положения на рынке труда так называемых предпенсионеров и представителей молодого поколения. Автором предлагаются возможные пути решения данного вопроса посредством разного вида социального регулирования. К таким мерам поддержки можно отнести ежегодные выплаты или освобождение от ряда обязательных платежей и налогов.

Ключевые слова: пенсионная реформа, предпенсионеры, социальное обеспечение, пенсионные выплаты.

Problems of Pension Reform Implementation in the Russian Federation

Markaryan Garegin Samvelovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: garik.mark2020@gmail.com

Abstract

The article analyzes the process of implementing the 2018 pension reform in the Russian Federation, examines the main problems, and also establishes the alleged reasons. The positive and negative aspects of the pension reform in Russia are considered. One of the main problems, from the point of view of the author, is the complicated situation of people of pre-retirement age, associated mainly with the inability to find employment on an equal basis with younger citizens. A comparative analysis of the situation on the labor market of so-called pre-retirees and representatives of the younger generation is carried out. The author proposes possible ways of solving this issue through different types of social regulation. These support measures include annual payments or exemption from a number of mandatory payments and taxes.

Key words: pension reform, pre-retirees, social security, pension payments.

Пенсионная система в Российской Федерации пережила немало изменений и преобразований за период своего существования, однако наиболее значимой и резонансной является реформа 2018 г., которая предполагает постепенный подъем пенсионного возраста от 55 до 60 лет для женщин и от 60 до 65 для мужчин [1].

Реформа 1918 г. имела экономические предпосылки, однако она повлияла на всю совокупность взаимоотношений между людьми, возникающих в процессе жизнедеятельности, поскольку экономическая система неразрывно связана с политической, правовой системами, социальной и культурной организацией общества [2, с. 49].

Повышение суммы расходов Пенсионного фонда России и вызванная этим проблема обеспечения долгосрочной финансовой устойчивости пенсионной системы вынудили законодателя пойти на такой шаг. Большинству населения не понравились такие изменения, некоторые граждане думают, что их «лишили» заслуженной пенсии, однако это не так. Это лишь вынужденная мера, необходимая для поддержания стабильности и нормального функционирования пенсионной системы в целом.

Пенсионное обеспечение играет огромную роль в экономической, общественно-политической жизни страны и в финансово-бюджетной

сфере государства. Пенсионная система напрямую связана с системой оплаты труда, налоговой системой, состоянием рынка труда, положением на финансовом рынке, а также с демографической ситуацией [3, с. 61].

Конечно, данная реформа, как и любая другая, имеет свои положительные и негативные стороны. В данной статье хотелось бы уделить внимание одной из главных проблем, решение которой должно стать первоочередной задачей государства, а именно осложненному положению граждан предпенсионного возраста. К этой категории мы будем относить граждан, которым осталось 5 лет до наступления пенсионного возраста по измененному законодательству.

Основной проблемой для данной части населения является проблема трудоустройства. Конечно, Уголовной кодекс Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за «необоснованный отказ в приеме на работу лица по мотивам достижения им предпенсионного возраста, а равно необоснованное увольнение с работы такого лица по тем же мотивам», но этого недостаточно для обеспечения нормальных условий труда для данной категории граждан. Анализируя сегодняшнюю обстановку на рынке труда, можно с уверенностью сказать, что работодатели ищут в первую очередь перспективных представителей молодого поколения. Молодежь, как известно, справляется со многими задачами быстрее, чем взрослое поколение, легче переносит различные кризисные ситуации, а также более предрасположено к постоянному обучению, повышению квалификации и изучению целого спектра пересекающихся специальностей для максимально продуктивной работы и более качественного результата выполняемой деятельности. Естественно, взрослея, человек теряет способность выполнять ту же работу на том же профессиональном уровне, как в период молодости.

Стоит отметить, что, несмотря на все вышеперечисленные объективные показатели, взрослое поколение, их жизнедеятельность динамично развиваются, как и все процессы в современном мире. Они осваивают

информационные технологии, способы их применения, привыкают к новому темпу жизни и постоянно изменяющимся социальным явлениям.

Оказать поддержку людям предпенсионного возраста, которые находятся на своеобразной пограничной линии, потому что зачастую не совсем отвечают предъявляемым требованиям работодателей, но вынуждены работать, т. к. на пенсию они будут выходить позже, — первоочередная задача всех государственных органов, входящих в систему социального обеспечения граждан. Для этого, на наш взгляд, уместно было бы проработать различные программы социальной поддержки, как, например, ежегодные выплаты или освобождение от ряда обязательных платежей и налогов.

В настоящее время сфера пенсионного обеспечения характеризуется наличием большого числа острых проблем, требующих неотложного решения. Чтобы их преодолеть, нужно постепенное, обдуманное реформирование во всех сферах общества. Правовое регулирование необходимо, чтобы закрепить предполагаемые изменения и сделать невозможным их нарушения, способные дестабилизировать уже имеющееся положение в социуме.

Список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ // Российская газета. 05.10.2018.

2. Сорокин В. В. Правовая система переходного периода: теоретические проблемы. М., 2003. 344 с.

3. Сапожникова Н. И. О рисках, связанных с пенсионными накоплениями граждан // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 2. № 4. С. 61–64.

References

1. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on the appointment and payment of pensions: Federal Law dated 03.10.2018 No. 350-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 05.10.2018.

2. Sorokin V. V. The legal system of the transition period: theoretical problems. M., 2003. 344 p.

3. Sapozhnikova N. I. On the risks associated with pension savings of citizens // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Right. 2017. Vol. 2. No. 4. Pp. 61–64.

УДК/UDC 343.13

Актуальные вопросы использования норм преюдиции при совершении преступлений в экономической сфере

Махмутова Мария Рахимжановна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: mari.makhmutova.97@mail.ru

Аннотация

Практика расследования преступлений, связанных с незаконной экономической деятельностью, в частности практика документирования фактов совершения преступления, говорит о том, что для совершения экономических преступлений часто используются законные средства и методы. Например, придание незаконному действию статуса законного, предусмотренного к исполнению на основании законодательства Российской Федерации. Наиболее часто речь идет о судебных актах, исполнение которых обязательно. По мнению автора, преюдициальное значение должны иметь только факты, установленные судом, недоказанность факта в процессе рассмотрения гражданско-правового спора не должна повлечь за собой установления обратного данному факта обстоятельства. Например, если сторона не смогла доказать недействительность сделки, это не должно повлечь за собой однозначного решения о правомерности такой сделки в рамках уголовного процесса.

Ключевые слова: экономические преступления, преюдиция, решение суда, исполнение, признание законным, пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам, приговор.

Topical issues of using the rules of prejudice in the commission of crimes in the economic sphere

Makhmutova Mariya Rakhimzhanovna
student in the master's programme of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: mari.makhmutova.97@mail.ru

Abstract

The practice of investigating crimes related to illegal economic activity, in particular the practice of documenting the facts of the commission of a crime, suggests that legal means and methods are often used to commit economic crimes. For example, giving an illegal action the status of a lawful one, provided for execution on the basis of the legislation of the Russian Federation. Most often we are talking about judicial acts, the execution of which is mandatory. According to the author, only the facts established by the court should have a prejudicial significance; failure to prove a fact in the process of considering a civil dispute should not entail the establishment of a circumstance opposite to this fact. For example, if a party failed to prove the invalidity of a transaction, this should not entail an unequivocal decision on the legality of such a transaction in the framework of a criminal proceeding.

Key words: economic crimes, prejudice, court decision, execution, recognition as lawful, review on newly discovered circumstances, sentence.

Для получения в преступных целях интересующего судебного решения преступными элементами могут применяться различные незаконные схемы и методы, например фальсификация или подделка того или иного документа, договора, расписки. Иногда для совершения экономического преступления применяются более сложные и многоступенчатые схемы, предусматривающие получение решения на основании иного решения, ранее принятого судом. В качестве примера приведем решение третейского суда, вынесенное при оказании преступного воздействия, имеющего преюдициальное значение в арбитражном суде. Представление такого решения арбитражному суду предусматривает принятие та-

ким судом решения о принудительном исполнении решения третейского суда [1].

Подобная преступная схема применяется с помощью получения судебного акта в суде общей юрисдикции посредством участия в судебном деле поручителя, который подтверждает возможность исполнения договора. Представляемый суду договор является фальсифицированным. Затем участвующая в деле сторона выступает в судебном разбирательстве в качестве участника.

Такое судебное разбирательство проходит в арбитражном суде или в суде общей юрисдикции. Например, речь может идти о судебном рассмотрении дела о банкротстве, в частности о включении в реестр требований кредиторов. Для достижения подобных целей в таких случаях применяются действия, связанные с исключением стороны, интересы которой ущемляются преступниками посредством ненадлежащего уведомления [2].

Использование подобного способа совершения экономических преступлений встречается часто. Поэтому данная проблема длительное время привлекает внимание как правоохранительных органов, так и органов законодательной власти. Так, в 2011 г. Комитет Государственной Думы по безопасности провел круглый стол на тему «О совершенствовании института преюдиции в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации» [3].

На данном собрании выступал представитель Следственного комитета Российской Федерации (далее по тексту — СК РФ), который указал, что ежегодно в производстве следователей СК РФ находится до 500 уголовных дел, связанных с рейдерским захватом предприятий. Часть рейдерских захватов осуществляется через судебные органы, когда суду предоставляются документы, которые якобы обосновывают наличие обязательств у должника. Суд на основании представленных документов выносит решение о принудительном исполнении такого обязательства, затем имущество организации переходит в руки злоумышленников [4].

Высокая степень общественной опасности подобных преступлений объясняется тем, что для достижения противоправных целей используется неправосудный судебный акт, который, вступив в законную силу, порождает непреодолимые правовые последствия — становится преюдициальным. В этой связи создаются правовые коллизии, связанные с тем, что даже при установлении фальсификации доказательств ввиду наличия целого ряда процессуальных ограничений невозможно изменить вступивший в законную силу неправосудный судебный акт, поэтому он принимается к исполнению государственными органами.

Посредством использования норм гражданского права недобросовестную сторону возможно защитить от незаконных действий оппонента. Для этого применяются положения о незаконной или ничтожной сделке. Участники гражданского оборота осуществляют свою деятельность на основе принципов разумности, осмотрительности и добросовестности. А положения гражданского законодательства должны охранять законные права и интересы участников хозяйственной деятельности.

Таким образом, положения законодательства защищают интересы пострадавшей стороны от противоправной деятельности недобросовестного участника правоотношений посредством установления правовых механизмов признания действий недобросовестного участника хозяйственной деятельности неправомерными и незаконными, а результаты таких действий недействительными. В таких случаях применяются положения законодательства о последствиях признания сделок недействительными, предусматривающими возврат незаконно отчужденного имущества и отмену обязательств [4].

В условиях гражданского процесса, когда действует принцип состязательности и принцип формальной истины, предусмотрена обязательная фиксация результата спора процессуальных оппонентов. В данной связи законным и обоснованным признается акт, который соответствует обстоятельствам рассматриваемого дела. Исход гражданского дела зависит от правовой грамотности сторон. Однако зачастую в силу действий процессуальных презумпцией и преюдиции обстоятельства, незаконность

которых может быть очевидна для суда, признаются действительными и законными и могут стать основанием для вынесения решения в пользу недобросовестной стороны. При наличии процессуальных презумпций и преюдиции некоторые факты не подлежат доказыванию. Если стороной не доказано иное, то факт считается установленным [1].

В данном случае проблема заключается в том, что преюдициальность вступившего в законную силу судебного акта не позволяет принять решение о привлечении участвующего лица к уголовной ответственности. Положения ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ) предусматривают, что обстоятельства, которые установлены вступившим в законную силу приговором суда, за исключением случаев, когда приговор суда вынесен в порядке ст. 226.9, ст. 316, ст. 317.7 УПК РФ либо иным решением по делу, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом без проведения дополнительной проверки [5].

Однако ни приговор, ни решение не могут предрешать виновность лица, не принимавшего ранее участия в деле. Соответственно, обстоятельства, установленные гражданским судом, не подлежат переоценке, а если обстоятельства, намеренно сфальсифицированные стороной, отражены в решении суда, которое вступило в законную силу, то лицо получает своего рода иммунитет от уголовного преследования.

Такая ситуации не нашла своего решения на законодательном уровне. Однако в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации (далее по тексту — КС РФ) от 21 декабря 2011 г. предусмотрено, что фактические обстоятельства, которые были отражены в решении суда, вступившего в законную силу, не могут предопределять выводы суда о виновности обвиняемого по уголовному делу. Поскольку причастность к совершению преступления должна определяться совокупностью собранных по делу доказательств, которые, очевидно, не могут быть исследованы при рассмотрении гражданского дела. Кроме

того, возникновение таких доказательств может стать основанием для пересмотра решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам [6].

После вынесения данного Постановления Председатель СК РФ обратился в КС РФ с ходатайством о разъяснении положений Постановления, в частности для получения правовой позиции, на основе которой стало бы возможным преодоление преюдиции решения по гражданскому делу, вынесенного на основе сфальсифицированных доказательств. В частности, неясно, когда отмена решения в судебном порядке невозможна ввиду отсутствия установленного лица, которое сфальсифицировало доказательства, а также в случае истечения сроков давности осуществления уголовного преследования [7].

КС РФ указал, что преюдиция решения суда, вынесенного по гражданскому делу, может быть преодолена на основании приговора суда, который был принят в ходе производства по уголовному делу о преступлении против правосудия. На сегодняшний день данной позиции придерживаются следственные органы. В частности, для преодоления преюдиции решения, принятого по гражданскому делу, необходимо задокументировать факт фальсификации, по данному факту возбудить уголовное дело, направить дело в суд, получить по делу обвинительный приговор.

Затем на основании приговора суда после пересмотра решения по вновь открывшимся обстоятельствам рассматривается вопрос о возбуждении уголовного дела по факту совершения преступления в сфере экономической деятельности. Если фальсификация доказательств, на основе которых было принято решение, установлена и доказана, однако в силу объективных причин получить приговор суда невозможно, то осуществление защиты прав потерпевшего в таком случае затруднительно.

Таким образом, рассмотренную ситуацию можно изменить в лучшую сторону посредством изменений правил межотраслевой юрисдикции. По аналогии с положениями ст. 90 УПК РФ преюдициальное значение должны иметь только факты, установленные судом, недоказанность факта в процессе рассмотрения гражданско-правового спора не должна повлечь за собой установления обратного данному факта обстоятельства.

Например, если сторона не смогла доказать недействительность сделки, это не должно повлечь за собой однозначного решения о правомерности такой сделки в рамках уголовного процесса.

Список литературы

1. Медведев Е. В. Уголовно-правовые средства в борьбе с экономическими преступлениями: проблемы и перспективы совершенствования законодательства и правоприменительной практики // Адвокатская практика. 2019. № 5. С. 41–45.

2. Васильев Э. А., Надейкина О. А. Современная оперативная обстановка в сфере борьбы с экономической преступностью // Российский следователь. 2019. № 8. С. 60–65.

3. О совершенствовании института преюдиции в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации: стенограмма «круглого стола» // Комитет Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции. URL: http://komitet2-16.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/24732 (дата обращения: 23.05.2021).

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов и др.; отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII–VIII. 371 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

6. По делу о проверке конституционности положений ст. 90 УПК РФ в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 30-П // Конституционный Суд Российской Федерации URL: www.ksrf.ru (дата обращения: 23.05.2021).

7. Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Председателя Следственного комитета Российской Федерации о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 30-П: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.04.2012 N 662-О-Р // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=129836&dst=1000000001%2C0#024569268879981432 (дата обращения: 23.05.2021).

References

1. Medvedev E. V. Criminal legal means in the fight against economic crimes: problems and prospects for improving legislation and law enforcement practice // Advocate practice. 2019. No. 5. Pp. 41–45.

2. Vasiliev E. A., Nadeykina O. A. Modern operational situation in the field of combating economic crime // Russian investigator. 2019. No. 8. Pp. 60–65.

3. On the improvement of the institution of prejudice in the criminal procedural legislation of the Russian Federation: transcript of the "round table"// State Duma Committee on Security and Anti-Corruption. URL: http://komitet2-16.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/24732 (access date: May 23, 2021).

4. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 volumes (itemized) / A. V. Brilliantov, A. V. Galakhova, V. A. Davydov and others; otv. ed. V. M. Lebedev. M .: Yurayt, 2017.Vol. 2: Special part. Sections VII–VIII. 371 p.

5. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 12/18/2001 No. 174-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 12.24.2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

6. In the case of checking the constitutionality of the provisions of Art. 90 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens V. D. Vlasenko and E. A. Vlasenko: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 30-P // Constitutional Court of the Russian Federation URL: www.ksrf.ru (access date: May 23, 2021).

7. On the refusal to accept for consideration the petition of the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation to clarify the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 21.12.2011 No. 30-P: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 03.04.2012 No. 662-O-R // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=129836&dst=1000000001%2C0#024569268879981432 (access date: May 23, 2021).

УДК/UDC 343.241

Особенности определения наказания для лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести

Нарышкина Анна Виталиевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: naryshkina.anya@bk.ru

Степанова Кристина Витальевна (научный руководитель)
преподаватель кафедры уголовного права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: naymeyko93@gmail.com

Аннотация

В соответствии с российскими и международными нормами право назначение справедливого наказания является основной целью осуществления правосудия. В настоящей научной работе авторами исследуются особенности определения наказаний для лиц, которые совершили преступления, отнесенные уголовным законом Российской Федерации к категориям небольшой или средней тяжести. Рассматриваются ключевые вопросы и различные подходы к определению наказания для данных лиц. Изучаются различные обстоятельства, которые непосредственно влияют на определение санкции за совершенное общественно опасное деяние. К ним относятся смягчающие и отягчающие вину обстоятельства, наличие досудебного соглашения, особый порядок рассмотрения уголовного дела и пр. Анализируются теоретические аспекты назначения справедливого и гуманного наказания и осуществления справедливого правосудия.

Ключевые слова: преступление, наказание, смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства, досудебное соглашение, явка с повинной, особый порядок, судебный штраф.

Features of the definition of punishment for persons who have committed crimes of small and medium gravity

Naryshkina Anna Vitaliyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: naryshkina.anya@bk.ru

Stepanova Kristina Vitalyevna (research advisor)
lecturer of the Department of Criminal Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: naymeyko93@gmail.com

Abstract

In accordance with Russian and international legal norms, the imposition of a just punishment is the main goal of the administration of justice. In this scientific work, the authors investigate the specifics of determining punishments for persons who have committed crimes classified by the criminal law of the Russian Federation as categories of small or medium severity. Key issues and different approaches to determining the punishment for these individuals are considered. We study various circumstances that directly affect the determination of the sanction for the committed socially dangerous act. These include mitigating and aggravating circumstances, the presence of a pre-trial agreement, a special procedure for considering a criminal case, etc. The theoretical aspects of the appointment of fair and humane punishment and the implementation of fair justice are analyzed.

Key words: crime, punishment, mitigating circumstances, aggravating circumstances, pre-trial agreement, special procedure, judicial fine.

Уголовно-правовой институт назначения наказания имеет ключевое значение для формирования современного представления о справедливости и при этом гуманизации уголовного закона в целом.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что основным признаком правого государства является соблюдение прав и свобод человека и гражданина во всех сферах жизни общества. И объективность назначенного наказания, и восстановление нарушенной социальной справедливости — важнейшая задача для правосудия правого государства. Именно данные положения в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) являются ключевыми при определении справедливого наказания для лиц, которые совершили деяние, запрещенное законом.

Ежегодно по статистке на территории Российской Федерации количество зарегистрированных преступлений снижается. Но данный процесс носит затяжной и нестабильный характер. До сих пор стоит острый вопрос латентной преступности, в особенности это относится именно к преступлениям небольшой и средней тяжести. Так, в соответствии с данными Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2021 г. состояние преступности характеризуется снижением числа зарегистрированных преступлений: «Статистические сведения о состоянии преступности в Российской Федерации в январе–марте 2021 г. свидетельствуют о том, что общее количество зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений продолжает снижаться. По сравнению с январем–мартом 2020 г. их число уменьшилось на 1,8%» [1]. На наш взгляд, данное снижение может быть связано с ограничениями, которые были введены в связи с пандемией COVID-19. Но данное снижение сложно считать значительным в рамках настоящего времени. Необходимо решить задачу с выявлением совершенных преступлений для снижения уровня латентной преступности, таким образом произойдет качественное повышение стабильности жизни граждан и общества в целом. Поэтому Россия нуждается в повышенной профилактике латентной преступности деяний небольшой и средней тяжести в крупных городах в частности и на всей территории страны в целом.

Проанализируем действующее законодательство для выявления основных положений и условий назначения наказания гражданам, кото-

рые совершили преступление небольшой или средней тяжести. Действующий уголовный закон Российской Федерации делит преступления по различным видам: умышленные и по неосторожности, против личности, собственности, общественной безопасности и т. д. Не менее важным является деление преступлений на различные категории. Так, в соответствии со ст. 15 УК РФ законодатель предусматривает четыре категории преступлений: небольшой тяжести, средней тяжести, а также тяжкие и особо тяжкие преступления. Отличаются они размером предусмотренной санкции, т. к. они несут разную общественную опасность, т. е. вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Согласно данной статье УК РФ под преступлениями небольшой тяжести понимаются умышленные (т. е. с прямым или косвенным умыслом) и неосторожные (т. е. по легкомыслию или небрежности) деяния, за совершение которых максимальное наказание не должно превышать трех лет лишения свободы. Преступлениями средней тяжести являются общественно опасные деяния, которые совершены умышленно (т. е. с прямым или косвенным умыслом) и деяния, совершенные по неосторожности (т. е. по легкомыслию или небрежности), за совершение которых в соответствии с уголовным законодательством максимальное наказание в виде лишения свободы не превышает пяти и десяти лет соответственно [2].

Для правильного определения размера наказания необходимо учитывать следующие обстоятельства:

1. Присутствие в конкретном преступном деянии смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УК РФ, а также иных смягчающих обстоятельств, которые прямо не закрепляются положениями настоящей статьи и могут быть применены только по решению суда.
2. Наличие отягчающих обстоятельств, которые предусмотрены положениями ст. 63 УК РФ.
3. Наличие досудебного соглашения.
4. Участие в рассмотрении дела присяжных заседателей.

5. Наличие оснований для назначения судебного штрафа вместо наказания.
6. Рассмотрение дела в особом порядке в соответствии с гл. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ) [3].

Смягчающие обстоятельства — это необходимые для органов следствия или суда факты, положительно характеризующие личность лица, совершившего преступление, и позволяющие ему получить менее строгое наказание. Их перечень является открытым, и суд по своему усмотрению в соответствии с обстоятельствами конкретно взятого дела может признать любое важное обстоятельство смягчающим. К ним могут относится: совершение преступления небольшой или средней тяжести впервые, аморальное поведение потерпевшего, беременность, наличие малолетних детей и иные.

К смягчающим обстоятельствам, которые не закреплены в УК РФ, можно отнести, например, характеристику по месту работы или учебы, спортивные, творческие, научные или иные достижения, наличие государственных или ведомственных наград, почетных званий.

Отягчающие обстоятельства — это обстоятельства, в силу которых совершенное деяние имеет повышенную общественную опасность. К ним в соответствии со ст. 63 УК РФ относятся: совершение преступления из мести, с особой жестокостью, рецидив, особо активная роль в совершении преступного деяния и иные. Необходимо отметить, что перечень отягчающих обстоятельств является закрытым, что исключает субъективную оценку действия со стороны суда.

Среди обстоятельств, смягчающих наказание, выделяются явка с повинной и возмещение вреда, причиненного в результате преступления. Особенность состоит в том, что при наличии хотя бы одного из указанных видов смягчающих обстоятельств, а также при отсутствии отягчающих обстоятельств уменьшается максимальный размер наказания на одну треть.

Досудебное соглашение — это подтверждение, что виновное лицо обязуется исполнить возложенные на него обязательства. Стоит обратить внимание на то, что оно может быть только в совокупности с явкой с повинной. При отсутствии признания лица в совершенном преступлении заключить досудебное соглашение у него не получится. Сущность его в том, что подозреваемый или обвиняемый обязуется строго соблюдать те действия, которые закреплены в самом соглашении. Эти действия направлены на активное способствование в раскрытии преступления. При наличии досудебного соглашения наказание, которое может назначить суд, не может превышать одной второй от максимального наказания, которое предусмотрено за конкретное преступление нормами Особенной части УК РФ. При этом важно заметить, что несоблюдение обязательств, закрепленных в досудебном соглашении, влечет его отмену. В таком случае ни о каком смягчении наказания речи идти не будет.

В 2016 г. в УК РФ была введена новая мера уголовно-правового характера — судебный штраф [4]. Необходимо упомянуть, что он не является видом наказания, но при этом свидетельствует о виновности лица в совершении преступления. Его размер установлен в ст. 104.5 УК РФ. Назначение зависит от того, какое именно преступление совершило лицо. Стоит проанализировать, насколько введение данной нормы является эффективной мерой воздействия. Как установлено специалистами в сфере уголовного права, граждан можно условно разделить на лиц, которые не совершают общественно опасные деяния благодаря высоким моральным устоям, и на лиц, которые не совершают их из-за страха наказания, предусмотренного УК РФ. История России свидетельствует о том, что уголовное наказание должно отличаться строгостью и неизбежностью наступлений санкций и иных негативных последствий для граждан, совершивших общественно опасное деяние. Судебный штраф, в сущности, несет для лица негативные последствия, но будет ли этот институт уголовного права стабильным сдерживающим механизмом для второй категории лиц, указанных выше? Для всех ли граждан материальное наказание в виде штрафа в действительности окажет необходимое

воздействие, будут ли реализованы задачи уголовного законодательства, которые состоят в исправление виновного и в восстановлении нарушенной социальной справедливости?

Кроме этого, для граждан, которые совершили преступление небольшой или средней тяжести, законодатель предусмотрел особый порядок рассмотрения уголовного дела. Данный особый порядок определен в гл. 40 УПК РФ. Его суть заключается в том, что лицо, совершившее преступление, полностью признает свою вину и сотрудничает с органами предварительного расследования. В ходе судебного заседания не будут исследоваться доказательства вины данного лица, а будут изучаться только обстоятельства, характеризующие личность виновного. При этом размер наказания, которое назначит суд, не может превышать двух третей от максимального наказания, предусмотренного за совершенное деяние.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в случае когда осужденному в силу положений, установленных законом, не может быть назначен ни один из видов наказаний, которые прямо предусмотрены в конкретной статье Особенной части УК РФ, суду рекомендуется назначить лицу любое более мягкое наказание, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи [5].

Важно отметить, что в настоящее время в Государственной Думе Российской Федерации находится на рассмотрении законопроект о введении в УК РФ нового уголовно-правового института — уголовного проступка [6]. Законопроект будет предусматривать 53 состава преступлений в сфере экономики, среди них будут и преступления небольшой и средней тяжести. Настоящий институт может ввести в УК РФ новые иные меры уголовно-правого характера за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, но не будет влечь главного для уголовного права негативного последствия — судимости. Эффективность и целесообразность данного института, на наш взгляд, крайне спорна, т. к. в дальнейшем

может привести к неконтролируемому росту преступлений небольшой и средней тяжести.

Таким образом, главным условием для справедливого правосудия является досконально изучение всех имеющих для конкретного дела обстоятельств: личность подозреваемого или обвиняемого, существование смягчающих или отягчающих обстоятельств, наличие досудебного соглашения, особый порядок рассмотрения уголовного дела и иные.

Рассмотрев законодательство Российской Федерации, мы можем сделать вывод о том, что происходит гуманизация уголовного закона. Данную ситуацию непросто оценить как положительную практику, т. к. это явно не способствует значительному снижению уровня преступности. Преступления данных категорий продолжают держаться на стабильно высоком уровне, что не позволяет говорить об эффективности данных мер. Уровень латентной преступности в общем и преступлений небольшой и средней тяжести в частности остается значительным. В связи с этим видится эффективным проведение усиленной профилактики преступлений среди разных возрастных групп со стороны государства. Целесообразно уделить повышенное внимание к лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, поскольку данная группа справедливо считается менее социально защищенной и чаще попадает под негативное влияние или иное отрицательное воздействие. Также законодателю стоит внимательнее отнестись к законопроекту о введении уголовного проступка, потому что введение указанного института, как уже указывалось ранее, может повлечь неконтролируемые негативные последствия как для общества, так и для государства в целом.

Список литературы

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–март 2021 года // МВД РФ. URL: https://xn–b1aew.xn–p1ai/reports/item/23816756 (дата обращения: 02.05.2021).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Российская газета. 08.07.2016. № 149(7017).

5. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 г. Москва // Российская газета. 29.12.2015. № 295(6866).

6. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 №24 // Верховный Суд РФ. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/29309/ (дата обращения: 02.05.2021).

References

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–March 2021 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https: //xn–b1aew.xn–p1ai/reports/item/23816756 (access date: May 02, 2021).

2. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

3. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 12/18/2001 No. 174-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part 1). Art. 4921.

4. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on improving the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Federal Law of 03.07.2016 No. 323-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 08.07.2016. No. 149 (7017).

5. On the practice of appointing criminal punishment by the courts of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2015 No. 58, Moscow // Rossiyskaya Gazeta. 29.12.2015. No. 295 (6866).

6. On the submission to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the draft federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the introduction of the concept of a criminal offense": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 13.10.2020 No. 24 // Supreme Court of

the Russian Federation. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/29309/ (access date: May 02, 2021).

УДК/UDC 343.9

Профилактика криминальной субкультуры молодежи

Николаева Елизавета Владимировна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: lizonnik02@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению духовных и материальных ценностей, которые непосредственно влияют на жизненный уклад, поведение и саму преступную деятельность, которая происходит внутри криминальных сообществ, нанося вред обществу и государству. Все это именуется криминальной субкультурой, которая вносит организованность в деятельность криминальных групп. Данная субкультура является особо привлекательной среди молодежи, вовлекая все больше молодых людей в криминальную деятельность. Переходный возраст достаточно сложен, и, желая показаться взрослыми, примеряя на себя различные образы и роли, подростки приобщаются к криминальной среде. Такая среда, на их взгляд, дает им все необходимое: самоопределение, самоутверждение, риск, экстрим, чувство свободы и пр. Профилактика криминальной субкультуры молодежи имеет большое значение и способна значительно снизить уровень преступности среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: криминальная субкультура, подростки, криминальные группы, преступность.

Prevention of youth criminal subculture

Nikolayeva Yelizaveta Vladimirovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: lizonnik02@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of spiritual and material values that directly affect the way of life, behavior and the very criminal activity that occurs within criminal communities, harming society and the state. All this is called the criminal subculture, which brings organization to the activities of criminal groups. This subculture is especially attractive among young people, involving more and more young people in criminal activities. The transitional age is quite difficult, and, wanting to appear as adults, trying on various images and roles, adolescents join the criminal environment. Such an environment, in their opinion, gives them everything they need: self-determination, self-affirmation, risk, extreme, a sense of freedom, etc. Prevention of the criminal subculture of youth is of great importance and can significantly reduce the level of juvenile delinquency.

Key words: criminal subculture, adolescents, criminal groups, crime.

На сегодняшний день достаточно высоким остается уровень преступлений, совершаемых несовершеннолетними и молодежью в возрасте от 16 до 20 лет и при их участии. По данным МВД, на 2021 г. доля преступлений, совершаемая несовершеннолетними лицами, составляет 3,9% от общего числа зарегистрированных преступлений [1]. Было выявлено порядка 40 000 лиц указанного возраста, приобщившихся к криминальной жизни. Растет число тяжких и особо тяжких преступлений. Причем в статистику не вошли случаи латентной преступности, которой тоже немало.

Данные цифры неутешительные, и, как мы видим, число несовершеннолетних преступников стремительно растет. Отчасти этому способствует вступление подростков в криминальные субкультуры [2]. Именно в подростковом возрасте формируется целеполагание личности. Подростки находятся в активном поиске себя, начинают задумываться о своем месте в жизни, устанавливают личные границы и рушат чужие. Появляется желание чувствовать себя взрослым, независимым и свободным от чужого мнения. Но поскольку в силу возраста несовершеннолетние не могут в полной мере реализовать эту потребность, то они могут лишь копировать поведение взрослого человека. Так, появляется первый опыт

употребления алкогольных средств и психотропных веществ, табака, совершаются кражи и другие административные проступки и преступления [3, 4].

Большое внимание уделяется референтной группе. Как правило, это друзья, члены семьи и кумиры, навязанные средствами массовой информации, которые не всегда являются достойным примером для подражания.

Вовлеченность в криминальную субкультуру и девиантное поведение порождает ощущение риска, неправильное представление о самоопределении, взрослости, самоутверждении, ведь отсутствие запретов дает ложное чувство свободы.

В науке под криминальной субкультурой понимается совокупность духовных и материальных ценностей, регламентирующих и упорядочивающих жизнь и преступную деятельность криминальных сообществ, что способствует их живучести, сплоченности, активности, преемственности поколений. Основу криминальной субкультуры составляют чуждые обществу ценности, нормы, стили и способы общения [5]. Таким образом, криминальная субкультура способствует развитию криминальных групп, а вред ее состоит в том, что социализация происходит в изуродованной форме, стимулируя личность на девиантное и противоправное поведение.

К сожалению, не существует универсального метода, как реагировать и что делать в случае попадания подростка в криминальную среду. Здесь все зависит от ребенка, ситуации и самих родителей [6]. Важно понять мотивы несовершеннолетнего, ведь они неслучайны. Как правило, таким образом ребенок пытается обрести то, чего ему не смогло дать окружение.

Принятие профилактических мер способно значительно сократить количество совершаемых несовершеннолетними лицами и молодежью преступлений, а также способствуют положительной динамике поведения молодежи в соответствии с социальным ожиданием [7].

Первое, что хочется отметить, — роль средств массовой информации, культуры, общественных ценностей. В частности, проявлением тюремной культуры является распространенность в российской культуре музыкального жанра, рассчитанного на среду заключенных и лиц, близких к преступному миру [8].

В наше время наблюдается такое явление, как романтизация преступности: про преступников снимают фильмы, у них берут интервью, придают им особый шарм, вызывая желание подражать. На наш взгляд, необходимо ввести на телевидении и в кино возрастной ценз, чтобы не мотивировать молодежь на совершение преступлений. Ведь в подобных фильмах или передачах обычно не показана обратная сторона преступной жизни и судьба преступника после вынесения судебного приговора.

Кроме того, стоит обратить внимание на распространение уголовного жаргона среди молодежи. Из речи криминальной субкультуры блатной жаргон постепенно стал проникать и в речь других социальных групп. Сейчас слова, относящиеся к уголовному жаргону, можно услышать из уст полицейских, журналистов и даже политиков. Закономерно, что данная лексика начинает распространяться и в молодежной среде, меняя стиль общения и поведения подростков в сторону девиантности и даже делинквентности.

Снизить социальный и психологический вред криминальной субкультуры — одна из задач таких социальных институтов, как образование и семья [9].

Образовательные, учебно-воспитательные учреждения и иные организации, осуществляющие процесс воспитания, обучения и содержания несовершеннолетних граждан и молодежи, способны отвлечь ребенка, переключить его внимание и интерес на достижение успехов в образовании. Внимательное отношение педагогов к ребенку, интерес к его будущему должны помочь восстановить равновесие в пользу законопослушного образа жизни. Ведь точно так же, как навязываются вредные привычки и устои, закрепляются и положительные. Самое сложное здесь — вызвать интерес и убедить несовершеннолетнего в том, что намного

лучше вести себя иначе. Показать личностный пример, который будет мотивировать подростка. Как правило, значительную долю преступников составляют лица, получившие неполное среднее образование, или же вообще бросившие учебу.

Среда пребывания несовершеннолетнего должна быть разнообразна и многогранна, раскрывать перед ним различные пути и возможности. Как раз образование может обеспечить шаг навстречу реабилитации на начальном уровне заинтересованности преступным миром.

Важную роль в становлении и развитии ребенка играет его семья и окружение. Если семья благополучная и заинтересована воспитывать своих детей в рамках принятых в обществе моральных ценностей, то шанс увлечения подростком криминальным миром значительно снижается.

Таким образом, для профилактики распространения криминальной субкультуры среди молодежи требуется:

1. Законодательное определение функций и полномочий органов культуры, образования, а также органов внутренних дел, муниципальных органов власти в целях нейтрализации влияния криминальной среды на мировоззрение подростков.
2. Проведение периодических мониторингов для выявления возможных центров криминальной молодежной субкультуры.
3. Создание социально активной среды на основе центров дополнительного образования для подростков, находящихся в группе риска.

Список литературы

1. Состояние преступности в России за январь-март 2021 г. // Официальный сайт генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 16.06.2021).

2. Баева И. А. Психология молодежной субкультуры: риск и перспективы роста // Народное образование. 2010. № 2. С. 248–256.

3. Пирожков В. Ф. О психологических причинах воспроизводства подростковой преступности // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2.

4. Табайков А.А. Преступная субкультура // Социологические исследования. 2001. № 3.С. 90-93.

5. Куемжиева С. А. Криминалистическая профилактика совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних // В книге: Институциональные преобразования АПК России в условиях глобальных вызовов. Сборник тезисов по материалам Международной конференции. Отв. за вып. А. Г. Кощаев. 2018. 136 с.

6. Вилкова А. В. Причины, условия, предпосылки, факторы возникновения и развития девиантного поведения несовершеннолетних // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 2. С. 28–30.

7. Маринкин Д. Н. Актуальные вопросы профилактики преступности несовершеннолетних. Особенности их личности // Защита прав человека в современных условиях: теория и практика. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Пермь, 2017. 424 с. С. 312–318.

8. Леонтьев Д. А. Психологические ресурсы преодоления стрессовых ситуаций: к уточнению базовых конструктов // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе: материалы II Международной научно-практической конференции. Кострома, 2010. Т. 2. С. 40–42.

9. Поздняков В. М., Дебольский М. Г., Дикопольцев Д. Е., Москвитина М. М., Чернышкова М. П. Профилактика криминальной субкультуры среди несовершеннолетних осужденных, подозреваемых, обвиняемых: методические рекомендации. М.: НИИ ФСИН России, 2015. 132 с.

References:

1. The state of crime in Russia in January-March 2021 // Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (access date: June 16, 2021).

2. Baeva I. A. Psychology of youth subculture: risk and growth prospects // Public education. 2010. No. 2. Pp. 248–256.

3. Pirozhkov V. F. On the psychological reasons for the reproduction of juvenile delinquency // Psychological journal. 1995. T. 16. No. 2.

4. Tabaikov A. A. Criminal subculture // Sociological research. 2001. No. 3. Pp. 90-93.

5. Kuimzhieva S. A. Forensic prevention of crimes against family and minors // In the book: Institutional transformations of the agro-industrial complex of Russia in the context of global challenges. Collection of abstracts based on the materials of the International Conference. Resp. for issue. A. G. Koschaev. 2018. 136 p.

6. Vilkova A. V. Causes, conditions, prerequisites, factors for the emergence and development of deviant behavior of minors // Criminal executive system: law, economics, management. 2018. No. 2. Pp. 28–30.

7. Marinkin D. N. Topical issues of juvenile delinquency prevention. Features of their personality // Protection of human rights in modern conditions: theory and practice. Materials of the VII International scientific-practical conference. Perm, 2017. 424 p. Pp. 312–318.

8. Leontiev D. A. Psychological resources for overcoming stressful situations: to clarify the basic constructs // Psychology of stress and coping behavior in modern Russian society: materials of the II International scientific-practical. conference. Kostroma, 2010. T. 2. Pp. 40–42.

9. Pozdnyakov V. M., Debolskiy M. G., Dikopoltsev D. E., Moskvitina M. M., Chernyshkova M. P. Prevention of the criminal subculture among juvenile convicts, suspects, accused: guidelines. Moscow: Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2015. 132 p.

УДК/UDC 342.9

Вопросы административно-правового регулирования в области информационной безопасности

Павлов Олег Сергеевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: oleg21082001@mail.ru

Чернов Юрий Иванович
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: admfinkubsau@yandex.ru
SPIN-код: 6853-4245

Аннотация

В данной работе рассматриваются актуальные вопросы, связанные с административно-правовым регулированием в сфере информационной безопасности Российской Федерации, занимающей особое место в системе национальной безопасности государства. Было проанализировано российское административное законодательство и теоретическая основа деятельности в сфере информационного регулирования. Отмечается, что за последнее время сфера информационных технологий сделала огромный шаг вперед. В ходе исследования авторы приходят к выводу о том, что актуальное законодательство Российской Федерации, призванное регулировать вопросы информационной безопасности государства и общества в целом, особенно в части административных правоотношений, не соответствует состоянию информационных технологий на данном этапе развития государства и требует модернизации, которая могла бы поддержать необходимый уровень информационной защиты.

Ключевые слова: информация, информационная безопасность, административная ответственность, информационные правоотношения, права и свободы в информационной сфере.

Issues of administrative and legal regulation in the field of information security

Pavlov Oleg Sergeyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: oleg21082001@mail.ru

Chernov Yuriy Ivanovich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Administrative and Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: admfinkubsau@yandex.ru
SPIN Code: 6853-4245

Abstract

This paper examines topical issues related to administrative and legal regulation in the field of information security of the Russian Federation, which occupies a special place in the national security system of the state. The Russian administrative legislation and the theoretical basis of activities in the field of information regulation were analyzed. It is noted that recently the information technology sector has made a huge step forward. In the course of the study, the authors come to the conclusion that the current legislation of the Russian Federation, designed to regulate issues of information security of the state and society as a whole, especially in terms of administrative legal relations, does not correspond to the state of information technology at this stage of development of the state and requires modernization, which could maintain the required level of information protection.

Key words: information, information security, administrative responsibility, information legal relations, rights and freedoms in the information sphere.

На сегодняшний день проблема информационной безопасности как никогда актуальна, поскольку за последние десятилетия сфера информационных технологий сделала огромный шаг вперед. Информационная

безопасность занимает особое место в системе национальной безопасности Российской Федерации. Информационная безопасность сама по себе не существует, она обеспечивается совокупностью различных правовых, технических и экономических средств. В свою очередь, правовые средства отличаются разнообразием. Информационная безопасность регулируется Конституцией Российской Федерации, нормами международного права, уголовного права и иными отраслями права. Особое место занимает административно-правовое регулирование в сфере информационной безопасности, а именно юрисдикционные средства, к которым можно отнести нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту — КоАП РФ). В качестве примера можно привести гл. 13 КоАП РФ, которая предусматривает административную ответственность в сфере информационной безопасности Российской Федерации, а именно ст. 13.9 «Самовольное строительство или эксплуатация сооружений связи» [2].

Огромную роль в обеспечении информационной безопасности Российской Федерации играет ее правовое регулирование. Стоит отметить, что на данном этапе правовая нормативная база, регулирующая отношения в сфере информационных технологий, имеет ряд пробелов, что обусловлено относительной новизной и развитием информационных технологий. Так, можно встретить существенные противоречия между федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации.

Одним из основных документов, определяющих понятие «информационная безопасность», является Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации в 2016 г. Согласно вышеуказанному документу, информационная безопасность Российской Федерации — это состояние защищенности национальных интересов в информационной сфере, которые определяются совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства [3].

В случае нарушения в сфере информации применяется дисциплинарная, гражданско-правовая, административная или уголовная ответственность.

Если законные права и свободы третьих лиц в информационной сфере нарушаются в связи с разглашением личной тайны, третьи лица имеют право обратиться в суд для защиты своих интересов. Такие лица могут рассчитывать на защиту своих прав, а также на возмещение убытков, компенсацию морального вреда, защиту чести, достоинства и доброго имени.

Во всех случаях лица, получившие недостоверную информацию, имеют право на возмещение понесенного ими ущерба [4].

Одним из видов юридической ответственности за нарушение в сфере информации является административная ответственность. Данная ответственность наступает в результате нарушений административного законодательства, посредством которого осуществляется защита личности, общества и государства в целом от нарушений законодательства в области административных правонарушений.

Административная ответственность наступает непосредственно перед государством, которое, в свою очередь, устанавливает перечень полномочий органов, которые в дальнейшем рассматривают дела об этих правонарушениях и назначают наказание. Непосредственная ответственность перед государством является отличительной особенностью административной ответственности, в отличие от иных видов правового регулирования. Стоит отметить то, что в гл. 13 КоАП РФ закреплены меры административной ответственности за правонарушения в сфере информации, которые могут быть разнообразны, начиная с предупреждения и заканчивая административным арестом.

Информационная сфера не стоит на месте, каждый день появляется огромное количество способов незаконного использования и изъятия информации, в т. ч. и за пределами территории Российской Федерации. Этот факт нарушает не только конституционные права граждан Российской Федерации, но и международные принципы. Множество положений

международного права подлежат модернизации, т. к. информационные преступления выходят за рамки одного государства, а информационная преступность выходит на интернациональный уровень. В связи с этим следует не только обратить внимание на внутреннее регулирование данной проблемы, но и затронуть внешние аспекты, привлечь иностранные государства к содействию и решению данной проблемы, модернизировать систему законодательства для совместного поиска и устранения правонарушений.

Одним из способов защиты национальной информации может стать использование отдельно созданных платформ передачи различных видов информации, усиление контроля за различными уже созданными платформами передачи информации, создание своих собственных закрытых средств связи для передачи особо важных данных.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что информационным правонарушением является общественно опасное, противоправное, виновное деяние деликтоспособного лица, посягающее на конституционный строй государства, права и законные интересы граждан в сфере информационного регулирования с использованием информационных средств или других видов информационных технологий.

Считаем целесообразным внести поправки в КоАП РФ, связанные с усилением наказаний за распространение защищенной информации, а также информации о третьих лицах, что послужит сдерживающим фактором для правонарушителей, а также уменьшит количество аналогичных преступлений, включая изменения в ст. 13.12 КоАП РФ, а именно ужесточение наказания для физических лиц, что позволить снизить количество данных правонарушений.

Однако КоАП РФ и законов субъектов недостаточно для нормального регулирования информационного пространства. Стоит отметить, что большая часть ранее действующих законов, регулирующих информационное пространство, утратили силу, а те законы, которые все еще являются действующими, устарели. Можно сказать, что одним из основных факторов, сдерживающих развитие информационных технологий

и обеспечение безопасности внутри информационной сферы, является несовершенство законодательства.

Таким образом, сегодня важнейшим вопросом обеспечения информационной безопасности является необходимость подготовки и принятия новых нормативно-правовых актов, пересмотра действующих законов, отражающих перечень интересов Российской Федерации в области регулирования информационной безопасности и технологий, а также мониторинг выполнения и развития задач по обеспечению информационной безопасности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 04.07.2020 № 144(8198).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

3. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

4. Вострецова Е. В. Основы информационной безопасности: учебное пособие для студентов вузов. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. 204 с. С. 57.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 04.07.2020. No. 144 (8198).

2. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 12/30/2001 No. 195-FZ // Rossiyskaya Gazeta. No. 256. 31.12.2001.

3. On the approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 No. 646 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 50. Art. 7074.

4. Vostretsova E. V. Fundamentals of information security: a textbook for university students. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2019. 204 p. P. 57.

УДК/UDC 342.9

Административные регламенты в сфере безопасности дорожного движения

Палазин Сергей Артурович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: spalazyan@bk.ru

Чернов Юрий Иванович
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: admfinkubsau@yandex.ru
SPIN-код: 6853-4245

Щербаков Андрей Александрович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: hqd.sweetcap@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена изучению особенностей, присущих административным регламентам в сфере безопасности дорожного движения. Анализируются цели и задачи административных регламентов, а также рассматриваются сущность и правовая природа представленной разновидности нормативно-правовых актов. Кроме того, в настоящем исследовании раскрываются несколько проблем, связанных с правовым регулированием административно-правовых отношений и использованием административных регламентов, которые играют ключевую роль в определении порядка деятельности должностных лиц. В заключение исследования отмечается необходимость законодательного закрепления всех административных процедур. Таким образом, по мнению авторов, наличие строгого и четкого регламента исполнения всех процедур позволит сотрудникам полиции более эффективно исполнять свои служебные обязанности и выполнять предусмотренные законом функции.

Ключевые слова: административный регламент, административные правоотношения, должностное лицо, процедура, сотрудник полиции.

Administrative regulations in the field of road safety

Palazin Sergey Arturovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: spalazyan@bk.ru

Chernov Yuriy Ivanovich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Administrative and Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: admfinkubsau@yandex.ru
SPIN Code: 6853-4245

Shcherbakov Andrey Aleksandrovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: hqd.sweetcap@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the study of the features inherent in administrative regulations in the field of road safety. The goals and objectives of administrative regulations are analyzed, and the essence and legal nature of the presented variety of regulatory legal acts are considered. In addition, this study reveals several problems related to the legal regulation of administrative-legal relations and the use of administrative regulations, which play a key role in determining the procedure for the activities of officials. In conclusion, the study notes the need for legislative consolidation of all administrative procedures. Thus, according to the authors, the presence of strict and clear regulations for the execution of all procedures will allow police officers to more effectively perform their official duties and perform the functions provided for by law.

Key words: administrative regulations, administrative legal relations, official, procedure, police officer.

Эффективность государственного управления в самых различных сферах во многом зависит от корректной регламентации административно-правовых отношений, а также деятельности должностных лиц и иных субъектов административных правоотношений.

Так, эффективность государственного управления осуществляется за счет формирования органами исполнительной власти специальных административных процедур, которые находят свое отражение в регламентах. Данные административные процедуры направлены на регулирование взаимодействия субъектов административных правоотношений с органами государственной власти и их должностными лицами.

Правовое регулирование административных правоотношений, к тому же в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, всегда имеет определенные проблемы, в связи с чем в научной литературы поднимаются и обсуждаются различные вопросы. Так, многие правоведы продолжают активно изучать данную тему. Например, А. Ф. Ноздрачев справедливо отмечает, что административные регламенты представляют собой основные нормативно-правовые акты, которые регламентируют процедуру исполнения должностными лицами предусмотренных законом функций [1].

По своей правовой природе и сущности административные регламенты выступают в качестве особого рода административно-правовых актов, предусматривающих порядок проведения различного рода административных процедур. В данном случае речь идет о тех нормах, которые регулируют последовательность проведения административных процедур, сроки их проведения, а также порядок и условия осуществления данных процедур. Посредством применения административных регламентов органы исполнительной власти, в т. ч. и сотрудники Госавтоинспекции, исполняют правовые предписания, закрепленные в регламенте.

Именно в этом и заключается суть административных регламентов, что также отличает их от иного рода административных нормативно-правовых актов.

Обратим внимание на то, что законодатель сформировал определенные цели административных регламентов. Так, в качестве основной цели в данном случае выступает регулирование последовательности деятельности должностных лиц в рамках осуществления ими своих полномочий. Т. е. с помощью административных регламентов исполняются функции, которые позволяют решать ряд важных задач, стоящих перед государством. К таким задачам можно отнести следующие:

1) оптимизация работы государственных органов, относящихся к исполнительной ветви власти;
2) конкретизация порядка деятельности должностных лиц в рамках исполнения обязанностей, возложенных на них законом;
3) обеспечение наиболее прозрачной и объективной деятельности органов государственной власти в целом и их должностных лиц в частности [2].

На основании изложенного можно сказать, что административные регламенты выполняют обеспечительную или, иными словами, вспомогательную функцию в рамках единого государственного управления деятельности должностных лиц.

По отметкам отдельно взятых правоведов и практикующих специалистов, различного рода административные регламенты направлены на закрепление так называемого процедурного порядка исполнения должностным лицом своих функций и задач [3].

Следует сказать о том, что административные регламенты в сфере безопасности дорожного движения имеют весьма большое значение. Так, сотрудник Госавтоинспекции, руководствуясь положениями того или иного административного регламента, может не опасаться безосновательного обвинения о превышении им должностных полномочий, т. к. четкое соблюдение регламента представляет собой дополнительную гарантию защиты правового статуса, например, сотрудника ГИБДД.

Ввиду того, что предметом настоящего научного исследования является ни что иное, как анализ процедуры исполнения и осуществления Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной

функции, представленной в виде надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований, исполнение и реализация которых обеспечивает безопасность дорожного движения, нам необходимо затронуть и несколько проблемных аспектов, которые касаются исследуемой нами темы [4]. В качестве примера можно привести наблюдения С. И. Агафонова, который утверждает, что основным недостатком существующих административных регламентов является отсутствие полного перечня административных процедур, осуществляемых должностными лицами [5]. Это касается также и точного определения сроков и последовательности осуществления тех или иных действий. Данная проблема сказывается на результативности работы сотрудников ГИБДД, т. к. при исполнении своих функций они обременены и ограничены неполным административным регламентом.

В качестве второго дискуссионного момента выступает наличие в административных регламентах материальных норм права. На эту проблему указывает А. Ф. Ноздрачев, который считает, что правовые предписания материального права не должны находиться в содержании административного регламента, т. к. данный документ обладает совершенно иной правовой природой. Последствия наличия норм материального характера выражаются в искажении компетенции того или иного исполнительного органа власти. Таким образом, следует учитывать тот факт, что в административном регламенте не может содержаться таких норм, которые каким-либо образом ограничивали бы права участников той или иной административной процедуры. Исключением является лишь прямое закрепление этого в законе.

Подводя итоги настоящему исследованию, необходимо сказать о том, что административный регламент представляет собой достаточно специфический нормативно-правовой акт, главной целью которого является упорядочивание деятельности исполнительных органов власти и их должностных лиц. По мнению отдельных специалистов, регулирование административно-правовых отношений посредством использования регламента имеет определенные недостатки. Однако существование подоб-

ных проблем является лишь вопросом времени, поскольку их разрешение выражается в законодательном закреплении всех административных процедур. Наличие строгого и четкого регламента исполнения процедур позволит сотрудникам полиции более эффективно исполнять свои служебные обязанности и выполнять предусмотренные законом функции.

Список литературы

1. Ноздрачев А. Ф. Системная регламентация административной деятельности: отечественная доктрина и практика // Законодательство и экономика. 2011. № 8. С. 5–7.

2. Кошеварова Е. А. Административные регламенты и административные процедуры: проблемы соотношения понятий и перспективы правового регулирования // Административное право и процесс. 2016. № 10. С. 67–71.

3. Сидоров Э. Т., Тарасов А. Ю. О результатах анализа ряда положений Административного регламента по надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства // Полицейская деятельность. 2017. № 6. С. 19–27.

4. Госавтоинспекция разъясняет положения Административного регламента по надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства // Солидарность. № 40. 25.10–01.11.2017.

5. Агафонов С. И. Административные процедуры в деятельности органов внутренних дел: понятие, классификация и сущность // Административное и муниципальное право. 2008. № 1. С. 63–71.

References

1. Nozdrachev A. F. System regulation of administrative activities: domestic doctrine and practice // Legislation and Economics. 2011. No. 8. Pp. 5–7.

2. Koshevarova E. A. Administrative regulations and administrative procedures: the problem of the correlation of concepts and the prospects for legal regulation // Administrative law and process. 2016. No. 10. Pp. 67–71.

3. Sidorov E. T., Tarasov A. Yu. On the results of the analysis of a number of provisions of the Administrative Regulations on the supervision of compliance by road users with legal requirements // Police activity. 2017. No. 6. Pp. 19–27.

4. The State Traffic Inspectorate explains the provisions of the Administrative Regulations on the supervision of compliance by road users with the requirements of the legislation // Solidarity. No. 40. 25.10–01.11.2017.

5. Agafonov S. I. Administrative procedures in the activities of internal affairs bodies: concept, classification and essence // Administrative and municipal law. 2008. No. 1. Pp. 63–71.

УДК/UDC 342.9

Административно-правовое регулирование вынужденной миграции

Парцвания Ольга Гивиевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар Россия
e-mail: opartsvaniya@mail.ru

Чернов Юрий Иванович
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: admfinkubsau@yandex.ru
SPIN-код: 6853-4245

Аннотация

Данная статья посвящена изучению вынужденной миграции. В работе раскрывается сущность и правовая природа вынужденной миграции как территориального перемещения населения с пересечением внутренних и внешних границ нескольких государств, а также оговариваются наиболее актуальные и острые проблемы, связанные с исследуемым явлением. Авторами сформированы предложения, направленные на разрешение указанных в статье проблем. В частности, отмечается необходимость изменения административных регламентов, предусматривающих правовое регулирование предоставления политического убежища; закрепления ответственности за органами государственной власти, которые занимаются решением миграционных вопросов; образования специального Управления по предоставлению жилища вынужденным переселенцам; разграничения миграционной политики между центром и субъектами; расширения практики вовлечения некоммерческих организаций в осуществлении миграционной политики.

Ключевые слова: миграция, вынужденный переселенец, правовое регулирование, миграционная политика.

Administrative and legal regulation of forced migration

Partsvaniya Olga Giviyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar Russia
e-mail: opartsvaniya@mail.ru

Chernov Yuriy Ivanovich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Administrative and Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: admfinkubsau@yandex.ru
SPIN Code: 6853-4245

Abstract

This article is devoted to the study of forced migration. The paper reveals the essence and legal nature of forced migration as a territorial displacement of the population with the crossing of the internal and external borders of several states, and also specifies the most pressing and acute problems associated with the phenomenon under study. The authors have formed proposals aimed at resolving the problems indicated in the article. In particular, they note the need to change the administrative regulations providing for the legal regulation of the granting of political asylum; assigning responsibility to government bodies that deal with migration issues; the formation of a special Department for the provision of housing for internally displaced persons; differentiation of migration policy between the center and the subjects; expanding the practice of involving non-profit organizations in the implementation of migration policy.

Key words: migration, forced migrant, legal regulation, migration policy.

Прежде всего необходимо обратить внимание на сущность и правовую природу такого понятия, как миграция населения. Под миграцией населения понимают какое-либо территориальное перемещение населения с пересечением внутренних и внешних границ нескольких госу-

дарств. Миграция населения может быть обусловлена разными причинами, например:

1) получение постоянного места жительства;
2) обеспечение безопасности своей жизни и здоровья;
3) получение политического убежища;
4) осуществление трудовой деятельности или же получение образования.

Что касается вынужденной миграции, то побудителем к такому перемещению населения становятся не личные интересы лица, а вынужденные причины, которые побуждают лицо переместиться из одного государства в другое [1].

Стоит сказать о том, что вопросы, связанные с миграционной политикой, имеют весьма большое значение, т. к. на сегодняшний день в России проживает около 8–10 млн человек, которые признаются нелегальными мигрантами. Об этой информации и статистических данных сообщил Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации в своем очередном Докладе [2].

Проблемы современной отечественной миграционной политики вызывают интерес у многих правоведов и практикующих специалистов. Дело в том, что миграционная политика нуждается в едином правовом регулировании и формировании целостного механизма ее практической реализации. В рамках данного исследования хотелось бы обратить внимание на единый нормативно-правовой документ, который предусматривает регулирование миграционной политики в России. Представленный документ был принят относительно недавно, а именно в 2012 г. Речь идет о Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации, которая рассчитана до 2025 г. [3].

Представленная Концепция предусматривает различные направления развития миграционной политики, однако в ней также зафиксированы и приоритетные положения, которые касаются, например, обеспечения в жилищном обустройстве вынужденных переселенцев. Это обусловлено тем обстоятельством, что данный вопрос является наиболее ак-

туальным ввиду конфликта, возникшего между Россией и Украиной в 2014 г., из-за чего оказание помощи в предоставлении жилья для переселенцев из Украины стало иметь первостепенное значение. Т. е. современная российская политика в сфере миграционной деятельности носит ярко выраженный гуманитарный характер, что является ее безусловным достоинством.

Интересно, что в 1990-е гг. Российская Федерация предоставила статус беженца более чем 1,5 млн человек, однако, по отметкам некоторых специалистов, обещанные социальные гарантии и обязательства не были исполнены до конца. Также необходимо сказать и о том, что представленная выше Концепция предусматривает регулирование миграционных вопросов только тех граждан, которые уже признаны беженцами и вынужденными переселенцами, однако в документе не сказано ни слова о принятии новых вынужденных переселенцах и правовом регулировании данной процедуры [4].

Следует обратить внимание на гуманитарный аспект и обязательства, которые следует осуществлять по отношению к вынужденным мигрантам. К последним относятся следующие:

1) корректное и своевременное исполнение описанных выше обязательств по жилищному обустройству в отношении беженцев или же вынужденных переселенцев;
2) формирование четкой системы взаимодействия межрегиональных органов УФМС в целях передачи актуальных данных друг другу;
3) оказание содействия в добровольном возвращении вынужденного переселенца к себе на родину или же на прежнее место проживания;
4) предоставление вынужденному переселенцу наиболее актуальной, полной и, самое главное, объективной информации о прежнем месте своего пребывания и о том, что там происходит;

5) формирование специальных программ, направленных на оказание социальной поддержки данной категории населения в случае необходимости [5].

Необходимо сказать о том, что данная Концепция носит исключительно декларативный характер, т. е. практическая реализация ее положений и предписаний практически невозможна. Это объясняется тем, что в документе ничего не сказано об органах, которые будут заниматься миграционными вопросами, их правовом статусе, порядке и механизме их взаимодействия друг с другом и с населением. Также не рассмотрено еще множество других вопросов.

Ввиду этого сформируем несколько предложений, которые направлены на совершенствование миграционной политики:

1) изменение административных регламентов, предусматривающих правовое регулирование предоставления политического убежища;
2) закрепление ответственности за органами государственной власти, которые занимаются решением миграционных вопросов, в т. ч. и тех, которые касаются вынужденных мигрантов;
3) образование в центральном аппарате ФМС РФ специального Управления по предоставлению жилища вынужденным переселенцам;
4) формирование четкого разграничения миграционной политики между центром и субъектами;
5) расширение практики вовлечения некоммерческих организаций в осуществлении миграционной политики.

Таким образом, современная миграционная политика нуждается в совершенствовании, однако сформированные нами предложения позволят разрешить наиболее острые проблемы в данной сфере.

Список литературы

1. Мурашева С. В. Влияние вынужденной миграции на принимающие регионы // Society and Security Insights. 2019. № 2 (3). С. 98–110.

2. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год // Российская газета. 11.06.2019. № 125 (7883).

3. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

4. Семенова А. В. Государственное управление в сфере реализации миграционной политики Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 208 с.

5. Петровская М. И. Государственная политика в сфере вынужденной миграции // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 3 (41). С. 211–221.

References

1. Murasheva S. V. Impact of forced migration on host regions // Society and Security Insights. 2019. No. 2 (3). Pp. 98–110.

2. Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2018 // Rossiyskaya Gazeta. 11.06.2019. No. 125 (7883).

3. On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025: Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 No. 622 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 45. Art. 6917.

4. Semenova A. V. Public administration in the implementation of the migration policy of the Russian Federation: author. diss. ... cand. legal sciences. M., 2011. 208 p.

5. Petrovskaya M. I. State policy in the field of forced migration // Leningrad legal journal. 2015. No. 3 (41). Pp. 211–221.

УДК/UDC 342

Имидж муниципального служащего как предмет социально-политического анализа

Плишкина Карина Романовна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: karinaplishkina@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены особенности имиджа муниципального служащего, а также влияющие на него факторы. В частности, к таким факторам отнесена непосредственно работа должностного лица и результаты этой работы, а также установление прямых контактов с целевой аудиторией. Невозможно обойти стороной и влияние медиа-структур: в настоящее время они информируют практически обо всех событиях, происходящих в мире, в т. ч. и о деятельности органов местного самоуправления. Довольно распространенным в современной практике является целенаправленное создание позитивного имиджа с помощью различных PR-компаний и агентств, специалистов в области имиджелогии, аналитиков и маркетологов. Также на моделирование социального стереотипа влияют и исторические традиции, специфика национального самосознания. Автор приходит к выводу о важности осознанного и планомерного подхода к созданию имиджа и управлению им.

Ключевые слова: имидж, социальный образ, муниципальный служащий, местное самоуправление, орган местного самоуправления, СМИ.

Image of a municipal employee as a subject of socio-political analysis

Plishkina Karina Romanovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: karinaplishkina@yandex.ru

Abstract

The article discusses the features of the image of a municipal employee, as well as the factors influencing him. In particular, such factors include the work of the official and the results of this work, as well as the establishment of direct contacts with the target audience. It is impossible to ignore the influence of media structures: at present, they inform about almost all events taking place in the world, including the activities of local governments. Quite common in modern practice is the purposeful creation of a positive image with the help of various PR companies and agencies, specialists in the field of imageology, analysts and marketers. Also, the modeling of a social stereotype is influenced by historical traditions, the specifics of national self-awareness. The author comes to the conclusion about the importance of a conscious and systematic approach to image creation and management.

Key words: image, social image, municipal employee, local government, local government, media.

На сегодняшний день имидж оказывает огромное влияние на успешность любого человека, т. к. влияет на восприятие его другими людьми. Удачный социальный образ помогает не только в неформальных отношениях, но и в профессиональной деятельности. Особенное значение он приобретает в деятельности политиков.

Для начала стоит дать определение имиджу. Е. Б. Перелыгина видит в имидже «сформировавшуюся фигуру, образ, зарождающийся в результате конкретной деятельности» [1]. Е. В. Егорова-Гантман рассматривает имидж как «образ, постоянно воспроизводимый самим субъектом и средствами коммуникации: определенные черты, качества лидера, взятые в единстве политических, мировоззренческих, нравственных, психологических, биографических, внешних качеств, резонирующих в предпочтениях электората» [2].

Социологическая наука не ограничивается этими дефинициями, разнообразие рассматриваемых аспектов имиджа рождает все новые и новые определения, но в целом они отражают общие тенденции и особенности.

Стоит также подчеркнуть, что имидж — это характеристика группового, коллективного сознания, а не индивидуального. Именно группа граждан принимает или отвергает информацию, определяет частоту использования социального представления, иными словами, формирует стереотип. В дальнейшем происходит усвоение личностью групповых смыслов и формирование индивидуальной позиции.

В Российской Федерации низшим звеном публичной власти является местная власть [3]. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» определяет муниципальную службу как профессиональную деятельность граждан, которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора (контракта) [4]. Правовую основу муниципальной службы в Российской Федерации составляет Конституция Российской Федерации, а также настоящий Федеральный закон и другие федеральные законы (например, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»), конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации (далее по тексту — законодательство о муниципальной службе), уставы муниципальных образований, решения, принятые на сходах граждан, и иные муниципальные правовые акты [5; 6].

Имидж муниципального служащего показывает степень соответствия ожиданий и запросов граждан реальным действиям органов местного самоуправления и их должностных лиц [7]. Не стоит преуменьшать значение имиджа в деятельности органов местной власти, поскольку зачастую они отражают отношение и уровень доверия народа. Поддержка и одобрение электората создает необходимые условия для результативной управленческой деятельности, а потому изучение имиджевых аспектов имеет важное значение.

Главным и вполне логичным фактором, влияющим на формирование имиджа муниципального служащего, являются результаты деятельности по решению вопросов местного значения. Специфика в том, что

граждане могут самостоятельно их увидеть и ощутить. Состояние образования, уровень культуры, развитость транспортных услуг и транспортных путей, услуг связи, торговли и бытового обслуживания, качество экологии и обеспеченность населения другими необходимыми для удовлетворения базовых нужд благами первичны по отношению к иным направлениям деятельности публичной власти. Эти вопросы настолько близки, понятны и важны для населения, что их решение ощущается больше, чем решение вопросов, отнесенных к компетенции органов государственной власти субъектов или органов государственной власти Российской Федерации. Упущения и промахи на этом уровне моментально становятся видны, потому что задевают основные, первоначальные потребности. Таким образом, имидж — это своего рода народная реакция на действия служащего и качество выполняемых им обязанностей.

Положительное воздействие оказывают прямые контакты муниципальных служащих с общественностью [8]. Например, проведение встреч с представителями общественных объединений разной целевой направленности, выявление их мнения по тем или иным вопросам и разработка стратегии взаимодействия. Организация всеобщих сходов, выступления должностных лиц на различных акциях и мероприятиях создают у граждан ощущение включенности и участия в деятельности органов самоуправления. Также эффективны личные встречи с жителями. Лучше узнать о нуждах населения, получить актуальную информацию о состоянии местных дел и оперативно решать проблемы позволяет функционирование телефонных «горячих» линий. В качестве формы общения можно выделить и адресную помощь социально уязвимым категориям населения [9].

В качестве главного фактора формирования имиджа муниципального служащего можно выделить и функционирование медиаструктур. СМИ — важнейший инструмент в деятельности любой публичной организации т. к. восприятие и интерпретация личностью явлений и фактов осуществляется в т. ч. и через них. Нередко СМИ называют четвертой

ветвью власти, подчеркивая ее огромную роль в формировании общественного мнения и контроле за массовым сознанием.

Информационные ресурсы власти подразделяются на внутренние (собственные) и внешние. Внутренние — это различные пресс-службы, отделы по связям с общественностью и пр. Выступая официальными источниками, они распространяют только достоверную и актуальную информацию, лишенную субъективизма. Другое дело обстоит со СМИ, которые преподносят информацию, придавая событиям выгодный для них контекст. Не имея юридических механизмов воздействия на такие СМИ, органы местного самоуправления оказываются беспомощными перед подобной информационной силой. Поэтому необходимо выстраивать здоровые и партнерские отношения с печатными изданиями, Интернет-ресурсами, телевидением: чем более открыта и прозрачна деятельность органов местного самоуправления, чем более активно ее сотрудничество со СМИ, тем более положительным будет ее образ в информационном пространстве и, соответственно, в представлении граждан. Игнорирование, пассивность и недооценка СМИ ведет к негативным последствиям.

Ну и, наконец, неотъемлемый фактор, влияющий на моделирование имиджа, — общие установки массового сознания на негативное восприятие чиновничества. Этот пункт связан прежде всего с историей нашей страны и, вероятно, не будет таким актуальным для иностранных государств. В социуме сформировались определенные ассоциации с чиновничеством: некомпетентность и равнодушие к проблемам местного населения. Действительно, бесчинства местных властей имели место как в дореволюционной России, так и в советское время, определенный отпечаток оставили 1990-е гг. Всю ответственность за кризисные процессы население перекладывало на власть как институт, осуществляющий функции представительства народа [10]. Таким образом сформировалась психология непринятия и презрения «управленцев». Неудачный опыт взаимоотношений с «власть имущими» повлиял на современное восприятие государственных и муниципальных служащих, несмотря на кардинальное изменение социально-экономической ситуации и полити-

ческой организации государства. Разрушение общественного стереотипа и ликвидация сложившихся предрассудков принципиально важны для нормализации отношений с местными властями и, как следствие, создания эффективной управленческой системы.

В заключение отметим, что федеральные и региональные власти уделяют достаточно внимания моделированию имиджа. Но на местном уровне можно констатировать недооценку его важности, а также нехватку материальных и организационных ресурсов для его формирования. Считаем, что в изменении этой ситуации заинтересованы сами муниципальные власти, поскольку уважительные и доверительные отношения с электоратом являются фундаментом эффективной управленческой деятельности в демократическом обществе. Следует выстраивать культуру взаимодействия со СМИ, расширять коммуникации с гражданами и, безусловно, повышать результативность деятельности по решению вопросов местного значения.

Список литературы

1. Перелыгина Е. Б. Психология имиджа: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2002. 225 с.

2. Егорова-Гантман Е. В. Имидж лидера: психологическое пособие для политиков. М.: Знание. 1994. 264 с.

3. Павлов Н. В., Жеребцов А. Н. Вопросы сущности и правоприменительного значения административной практики // Lex russica. 2019. № 3 (148). С. 34–44.

4. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ // Российская газета. 07.03.2007. № 47.

5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.02.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31.

6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Российская газета. 08.10.2003. № 202.

7. Батанина И. А., Лаврикова А. А. Параметры политической системы как фактор развития политического участия в регионах ЦФО // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 124–133.

8. Мирошниченко О. Н., Михайлова М. В. Формирование позитивного образа государственного гражданского служащего: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 147–155.

9. Чуриков Н. А., Павлов Н. В. Правосознание муниципальных и государственных служащих: тенденции и проблемы формирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 5. С. 190–194.

10. Оболонский А. В. На службе государевой: к истории российского чиновничества // Общественные науки сегодня. 1997. № 4. С. 63–76.

References

1. Perelygina E. B. The psychology of the image: a tutorial. Moscow: Aspect Press, 2002. 225 p.

2. Egorova-Gantman E. V. The Image of a Leader: A Psychological Guide for Politicians. Moscow: Knowledge. 1994. 264 p.

3. Pavlov N. V., Zherebtsov A. N. Issues of the essence and law enforcement significance of administrative practice // Lex russica. 2019. No. 3 (148). Pp. 34–44.

4. On municipal service in the Russian Federation: Federal Law of 02.03.2007 No. 25-FZ // Russian newspaper. 07.03.2007. No. 47.

5. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2- FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ, dated 14.02.2020 No. 1-FKZ) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31.

6. On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation: Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 08.10.2003. No. 202.

7. Batanina I. A., Lavrikova A. A. Parameters of the political system as a factor in the development of political participation in the regions of the Central Federal District // Izvestia TulGU. Humanitarian sciences. 2013. No. 1. Pp. 124–133.

8. Miroshnichenko O. N., Mikhailova M. V. Formation of a positive image of a civil servant: domestic and foreign experience // Bulletin of the Chuvash University. 2013. No. 4. Pp. 147–155.

9. Churikov N. A., Pavlov N. V. Legal awareness of municipal and civil servants: tendencies and problems of formation // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. No. 5. Pp. 190–194.

10. Obolonsky A. V. In the service of the sovereign: on the history of Russian bureaucracy // Social sciences today. 1997. No. 4. Pp. 63–76.

УДК/UDC 340.1

Централизация и децентрализация государственного управления в России

Поборцев Егор Игоревич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: egor.poborcev@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются различные проблемные аспекты интерпретации таких важных понятий, как централизация и децентрализация государственного управления, поскольку успешная и продуктивная деятельность государства во многом зависит от грамотно организованного управления и от тех способов, форм и методов, которые будет использовать государство в осуществлении своей деятельности в рамках разных государственных (публичных) задач. В работе исследуется взаимодействие централизации и децентрализации с другими категориями, а также демонстрируется исторический подход к пониманию централизации и децентрализации на примере России. Кроме того, актуальным и особо важным вопросом остается значимость централизации и децентрализации государственного управления в Российской Федерации, а именно того, какое положение данные понятия занимают в нашем государстве и каким образом они могут поспособствовать прогрессивному и эффективному развитию государственного аппарата и управления.

Ключевые слова: централизация, децентрализация, самоуправление, государственное (публичное) управление, органы исполнительной власти, органы законодательной власти, президент, государственное устройство, федеративный строй, вертикаль власти, политический курс, правовое-демократическое государство.

Centralization and decentralization of public administration in Russia

Pobortsev Yegor Igorevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: egor.poborcev@gmail.com

Abstract

The article discusses various problematic aspects of the interpretation of such important concepts as centralization and decentralization of public administration, since the successful and productive activity of the state largely depends on well-organized management and on the methods, forms and methods that the state will use in carrying out its activities within the framework of various state (public) tasks. The paper examines the interaction of centralization and decentralization with other categories, and also demonstrates a historical approach to understanding centralization and decentralization using the example of Russia. In addition, the importance of centralization and decentralization of public administration in the Russian Federation remains an urgent and particularly important issue, namely, what position these concepts occupy in our state and how they can contribute to the progressive and effective development of the state apparatus and administration.

Key words: centralization, decentralization, self-government, state (public) administration, executive bodies, legislative bodies, president, state structure, federal system, vertical of power, political course, legal-democratic state.

Сегодня в науке остро ставится вопрос о необходимости изучения таких важных методов организации управления, как централизация и децентрализация, поскольку эти явления в науке до конца не изучены. По сути, централизация и децентрализация являются базисом и фундаментальной основой государственного управления (методы, способы, формы). Именно они преобладают, когда государство совершенствует собственную систему регулирующего воздействия, отражающую поли-

тические основы, совокупность исторических ценностей, экономику, географические и демографические характеристики.

Согласно определению, данному в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, централизация представляет собой систему государственного устройства, посредством которой центральная государственная власть стремится не только регулировать общие направления государственной жизни, но и направлять деятельность местных органов власти, соответственно подчинять своему непосредственному влиянию все или многие аспекты местной жизни. Противоположным понятием является децентрализация, при которой происходит разделение полномочий между центральным правительством и местными органами власти. Понятие децентрализации тесно связано с понятием самоуправления, но не идентично ему; первое из этих понятий шире, поскольку оно также включает федеральную систему и полную автономию регионов, в то время как местное самоуправление обязательно подразумевает зависимость от центральной законодательной власти. С другой стороны, самоуправление возможно как явление, существующее в одной только части государства, для одной или нескольких его провинций, тогда как децентрализация есть общий принцип государственного устройства [1].

Рассмотрим более подробно характерные черты централизации и децентрализации, используя эти особенности.

Централизация обеспечивает:

1) целостность государственной системы, которая позволяет непосредственно консолидировать и интегрировать ее элементы;
2) концентрацию полномочий по принятию решений на верхних уровнях государственного управления;
3) объединение финансовых, материальных, информационных и других ресурсов;
4) иерархию государственной системы, что позволяет организовать связь компонентов государственной системы на основе строгого подчинения;

5) наличие определенных государственных органов, с помощью которых можно поддерживать и обеспечивать централизацию.

Децентрализация обеспечивает:

1) подход субъекта управления (органов) к управляемым объектам (сферам, отраслям, организациям), своего рода прямую связь;
2) самостоятельность в решении вопросов своей компетенции и наличие необходимых собственных ресурсов;
3) ответственность за действия властей и полученные результаты;
4) тесную связь с населением городов, районов, сельских поселений;
5) доступные каналы участия граждан в управлении выборами должностных лиц;
6) оперативное принятие решений.

Данные характерные черты централизации и децентрализации помогают выявить реальные источники трансформации (изменения) государства. Отношения между ними меняются при реорганизации принципов управления и организации в различных сферах, при перераспределении предметов ведения, ресурсов и полномочий между федеральными, региональными и местными органами, при изменении компетенции государственных органов в целом [2].

Томас Джефферсон (третий по счету президент США) в своих трудах всячески подчеркивал, что централизация есть оплот деспотизма и тирании. Фактически именно централизация ограничивает власть народа как основное проявление прямой демократии. Истинное лицо демократии Джефферсон видел во всемирном развитии местного самоуправления. Таким образом, сердцевинной его концепции и трудов в данной области является идея организации «окружных республик» и «республик графств и штатов». Основная цель данного территориального деления основывалась на системе сдержек и противовесов, что способствовало бы защите республики от проявления тирании [3].

В Российской Федерации процесс укрепления властной вертикали (который особенно ярко прослеживается в органах исполнительной власти) делает на сегодняшний день актуальным вопрос установления баланса в сочетании централизации и децентрализации государственного (публичного) управления [4]. Во многом сложность определяется тем, что в отечественной науке не сложилась логически обоснованная научная теория централизации и децентрализации. Кроме того, из традиционно централизованного государства Российская Федерация в кратчайшие сроки реорганизовалось в страну с чрезмерной децентрализацией власти (конституционно-правовая основа децентрализации власти отражена прежде всего в ст. 73 Конституции Российской Федерации, согласно которой вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти. При этом предметы исключительного ведения Российской Федерации отражены в ст. 71 Конституции Российской Федерации, а предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов — в ст. 72 Конституции Российской Федерации) [5].

Как правило, в многонациональных федеративных государствах, например в России, прослеживаются колебания в отношении политического курса — то жесткая централизация, то расцвет «национальных суверенитетов», то попытки новой гармонизации и интеграции.

Исторически сложилось так, что на всех этапах государственного развития (кроме феодальной раздробленности) Россия (Российская Империя, РСФСР, СССР) являлась централизованным государством. Попытки же произвести децентрализацию публичного управления были крайне скромными и незначительными и впоследствии не оказывали никакого влияния. Можно выделить определенные периоды развития российского государства, когда мы можем указывать на децентрализацию, например, один из этапов формирования субъектов Российской Федерации, который, по мнению некоторых ученых, начался в конце 80-х гг. —

начале 90-х гг. XX в., в период распада СССР, и связан с децентрализацией государственного управления [6].

Президент Российской Федерации В. В. Путин обозначил в качестве главной задачи нынешнего периода укрепление структуры власти (вертикали) в целях ликвидации дестабилизации, обеспечения управляемости происходящими в стране процессами. Именно это подчеркивает, что ход реформ государственного (публичного) управления в настоящее время характеризуется усилением тенденций централизации государственного управления. Стоит отметить, что резкий переход к централизованному государственному управлению может негативно сказаться на государственной системе Российской Федерации, особенно если это происходит в отсутствие соответствующих долгосрочных и поэтапных программ и концепций моделирования и реформирования [7]. Российскому государству «необходима гармонизация правоотношений между Федерацией и ее субъектами, а не максимальная централизация федеральной власти» [8].

В данном случае Российской Федерации следует взять за основу пример многих успешно развивающихся и прогрессивных государств (таким государством является Пятая Французская Республика, которой удалось сформировать гармоничную и оптимальную систему управления), где не только вышеуказанные положения глубоко изучены научным сообществом, но и вся система государственного управления в конечном итоге построена на основе сочетания и периодического «дозированного» усиления или ослабления принципов и методов централизации и децентрализации государственного управления. По сути, такой сбалансированный метод позволит более рационально и эффективно осуществлять государственное управление, воплощать национальные интересы, идеи, цели и задачи государства, в т. ч. способствовать реализации общественных прав, свобод и интересов каждого отдельного человека или группы таковых [9].

И в заключение стоит отметить следующую особенность: сегодня в современной России в федеративных отношениях развиваются процес-

сы как централизации, так и децентрализации государственного управления. И только систематическое и последовательное научное изучение таких понятий, как централизация и децентрализация, приведет Российскую Федерацию к окончательному завершению корректировок и изменений в основах общественного (государственного) управления. Гарантия управленческой стабильности и постепенные плановые изменения (усиление, ослабление) централизованных и децентрализованных принципов в зависимости от сферы регулирования и сложившихся условий позволят поднять всю систему государственного управления на новый качественный уровень, что приблизит российское государство к желанной и долгожданной модели правового и демократического государства.

Список литературы

1. Брокгауз и Ефрон. Энциклопедия [Электронный ресурс]: в 86 т. с иллюстрациями и дополнительными материалами. Т. 75. М.: ИДДК, 2004.

2. Шундиков К. В. Децентрализация как фактор развития самоорганизационных процессов в правовом регулировании // Право и государство. 2019. № 1. С. 146–155.

3. Сытин А. Г. Политическая философия демократии: вклад Томаса Джефферсона // Полис. Политические исследования. 2008. № 1. С. 153–158.

4. Махина С. Н. Административная децентрализация в Российской Федерации: монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. унт-та, 2005. 335 с.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001 (дата обращения: 04.07.2021).

6. Савельев А. Э., Шаповалов А. В. Тенденции развития российского федерализма // Очерки новейшей камералистики. 2016. № 2. С. 205–207.

7. Золотарева А. Р. Проблемы современного федерализма // Синергия наук. 2019. № 32. С. 998–1001.

8. Савельев А. Э., Шаповалов А. В. Особенности российского федерализма на современном этапе // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 71-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2015 год. Министерство сельского хозяйства РФ; КубГУ, 2016. С. 801–807.

9. Габов А. А. Централизация и децентрализация: проблемы понятий // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2013. № 2. С. 127–133.

References

1. Brockhaus and Efron. Encyclopedia [Electronic resource]: 86 volumes with illustrations and additional materials. T. 75. M.: IDDK, 2004.

2. Shundikov K. V. Decentralization as a factor in the development of self-organizing processes in legal regulation // Law and State. 2019. No. 1. Pp. 146–155.

3. Sytin A. G. Political Philosophy of Democracy: Contribution of Thomas Jefferson // Polis. Political Studies. 2008. No. 1. Pp. 153–158.

4. Makhina S. N. Administrative decentralization in the Russian Federation: monograph. Voronezh: Voronezh Publishing House State Un-ty, 2005. 335 p.

5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001 (access date: April 07, 2021).

6. Savelyev A. E., Shapovalov A. V. Trends in the development of Russian federalism // Essays on the latest cameralistics. 2016. No. 2. Pp. 205–207.

7. Zolotareva A. R. Problems of modern federalism // Synergy of Sciences. 2019. No. 32. Pp. 998–1001.

8. Savelyev A. E., Shapovalov A. V. Features of Russian federalism at the present stage // Scientific support of the agro-industrial complex. Collection of articles based on the materials of the 71st scientific-practical conference of students on the results of research in 2015. Ministry of Agriculture of the Russian Federation; KubSU, 2016. Pp. 801–807.

9. Gabov A. A. Centralization and decentralization: problems of concepts // Bulletin of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2013. No. 2. Pp. 127–133.

УДК/UDC 342.9

Субъекты, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях

Полушкина Маргарита Дмитриевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: rita.polushkina@mail.ru

Юшко Александр Викторович
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного и финансового права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: jushko@inbox.ru

Аннотация

На сегодняшний день законодательством предусмотрено, что более 60 субъектов могут рассматривать и разрешать дела об административных правонарушениях. Авторами выявлены проблемы в организации деятельности этих субъектов и обозначены пути и перспективы решения таких проблем. Работа органов и должностных лиц, в полномочия которых входит рассмотрение и разрешение дел об административных правонарушениях, требует более детального регламентирования. Законом предусмотрено, что в регионах могут быть созданы специальные коллегиальные органы, занимающиеся привлечением к административной ответственности лиц, совершивших правонарушение. В каждом регионе действует закон, регулирующий деятельность таких органов, и авторами были выявлены несовершенства в таком правовом регулировании. Также было предложено с целью снижения нагрузки на мировые суды регионам развивать региональное законодательство и разработать целевые программы, в которых будет определен комплекс мероприятий, направленных на обеспечение условий, оптимальных для осуществления правосудия мировыми судами. Основой может выступить федеральная программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы».

Ключевые слова: административные правонарушения, дела об административных правонарушениях.

Subjects authorized to consider cases of administrative offenses

Polushkina Margarita Dmitriyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: rita.polushkina@mail.ru

Yushko Aleksandr Viktorovich
Candidate of Law, senior lecturer of the Department of Administrative and Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: jushko@inbox.ru

Abstract

To date, the legislation provides that more than 60 subjects can consider and resolve cases of administrative offenses. The authors identified problems in the organization of the activities of these subjects and outlined the ways and prospects for solving such problems. The work of bodies and officials, whose powers include the consideration and resolution of cases of administrative offenses, requires more detailed regulation. The law stipulates that in the regions special collegial bodies can be created to bring persons who have committed an offense to administrative responsibility. Each region has a law regulating the activities of such bodies, and the authors identified imperfections in such legal regulation. It was also proposed that, in order to reduce the burden on the magistrates 'courts, the regions should develop regional legislation and develop targeted programs that would define a set of measures aimed at ensuring conditions that are optimal for the administration of justice by the magistrates' courts. The federal program "Development of the Russian judicial system for 2013–2024"can serve as the basis.

Key words: administrative offenses, cases of administrative offenses.

Круг субъектов, в полномочия которых входит рассмотрение дел об административных правонарушениях, достаточно широк — на сегодняшний день их более 60. Это связано с тем, что административные право-

нарушения совершаются ежедневно и в большом количестве, и необходимо их быстрое и эффективное разрешение. Круг лиц, в полномочия которых входит возможность рассмотрения этой категории дел, определяется ст. 22. 1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту — КоАП РФ) [1]. Уполномоченные государством органы, названные в данной статье, между собой различаются по организационной структуре, не связаны друг с другом и не имеют организационной подчиненности.

Привлечь к административной ответственности могут мировые судьи. Основным направлением деятельности мировых судов является защита прав и законных интересов граждан, которые проживают на территории субъектов Российской Федерации. Мировые суды выступают в качестве низшего звена всей российской судебной системы, и в этой связи у мировых судей ограничена юрисдикция в части рассмотрения дел по упрощенной процедуре [2]. Согласно нормам КоАП РФ в полномочия мировых судов входит рассмотрение некоторых определенных дел исследуемой нами категории правонарушений, т. к. законодатель предусмотрел, что все-таки большую часть дел, связанных с нарушением административно-правовых норм, должны рассматривать специальные коллегиальные органы, к которым в первую очередь относятся административные комиссии.

Если нарушаются правила содержания мест погребения, возникают препятствия в осуществлении деятельности органами местного самоуправления, не исполняются предписания контрольно-счетных органов, в случае жестокого обращения с животными и в некоторых других случаях административные дела рассматриваются мировыми судьями.

Недостатком того, что в полномочия мировых судей входит возможность рассмотрения административных дел, и очевидными проблемами в организации производства по таким делам является прежде всего увеличение нагрузки судов. Суды рассматривают не только гражданские и уголовные, но и административные дела, а административных правонарушений каждый день совершается достаточно много. Поскольку

увеличивается нагрузка на суды, увеличивается и показатель текучести кадров, а это значительно влияет на качество работы сотрудников аппарата суда.

Кроме того, на сегодняшний день не во всех, а лишь в некоторых регионах нашей страны действуют целевые программы, направленные на обеспечение развития института мировых судей. Но поскольку институт мировой юрисдикции в целом очень важен для развития всей российской судебной системы, на наш взгляд, в каждом субъекте Российской Федерации должны действовать такие целевые программы. Федеральная долгосрочная программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» может быть взята за основу для разработки целевых программ регионов [3]. Такие программы имеют важное значение, потому что в них определяется комплекс мероприятий, направленных на обеспечение условий, оптимальных для осуществления правосудия мировыми судами. Для решения проблемы увеличения нагрузки на суды, по нашему мнению, необходимо увеличить количество судебных участков, в полномочия которых входит рассмотрение административных дел. Следует развивать возможность предоставления необходимых для рассмотрения дела документов по телекоммуникационным каналам связи. Все необходимые документы напрямую в электронном виде передаются в суд. Это избавляет от лишней судебной волокиты, поскольку работникам суда не требуется постоянно осуществлять копирование поданных документов на бумажном носителе. Для совершенствования всей судебной системы в целом требуется организация повышения квалификации мировых судей. Поскольку на сегодняшний день прослеживается тенденция увеличения текучести кадров в судах судебной системы, по нашему мнению, необходимо развивать активное взаимодействие аппаратов судов с высшими учебными заведениями, в которых обучают юристов. Это позволит легче осуществлять подбор квалифицированных кадров в будущем.

Как мы видим, регионы не стараются участвовать в совершенствовании института мировой юстиции. Это следует из того, что не во

всех субъектах Российской Федерации действуют целевые программы, направленные на повышение качества правосудия и эффективности рассмотрения судебных споров в мировых судах. Но ведь совершенствование института мировой юстиции должно происходить совместно с субъектами Российской Федерации, регионам необходимо стремиться увеличить эффективность деятельности мировых судов, поскольку институт мировой юстиции важен для всей российской судебной системы. Совершенствование института мировой юстиции, в свою очередь, также повлияет на успешность разрешения административных дел мировыми судьями.

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав — это органы, которые осуществляют контроль за деятельностью субъектов, уполномоченных проводить профилактику безнадзорности несовершеннолетних. К несовершеннолетним, которые совершили правонарушения, применяются меры административной ответственности. Цель применения мер административной ответственности к несовершеннолетним заключается в том, чтобы предупредить совершение данными лицами новых правонарушений, а также с целью восстановить социальную справедливость. Перед государством стоит важная и сложная задача: необходимо изыскать способы, благодаря которым можно снизить рост совершения административных правонарушений несовершеннолетними, а также необходимо повысить эффективность предупреждения и профилактики их совершения. В полномочия комиссии входит не только рассмотрение правонарушений, совершенных указанной категорией лиц. В случае если родители либо же законные представители не исполняют своих обязанностей содержать и воспитывать ребенка, не достигшего совершеннолетия; если нарушаются сроки и порядок предоставления необходимых сведений о несовершеннолетних в органы, занимающиеся осуществлением социальной помощи, а несовершеннолетий нуждается в такой помощи, то такие дела также могут рассматриваться комиссиями по делам несовершеннолетних. Сюда же относятся административные дела о привлечении лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, к употреблению алкоголя, психотропных и иных веществ и администра-

тивные дела, касающиеся нарушения правил дорожного движения или безбилетного проезда в общественном транспорте несовершеннолетним.

Еще одним субъектом, в полномочия которого входит рассмотрение и разрешение административных дел, являются органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Наделение таких органов правом рассматривать административные дела способствует уменьшению нагрузки на суды, поскольку такие органы в силу своей специальной направленности могут быстро и эффективно рассматривать дела, соответствующие профилю органа.

Специальными органами, компетентными рассматривать административные дела, являются административные комиссии. Они выполняют карательную и восстановительную функции. Это выражается в том, что такие комиссии вправе выносить определения, постановления и представления по делам об административных правонарушениях, т. е. вправе привлекать лиц, совершивших правонарушение, к административной ответственности. В совокупности полномочий административной комиссии реализуется правоохранительная функция государства. Каждый регион уполномочен создавать административные комиссии, и в каждом регионе, как правило, действуют законы, регулирующие их деятельность. В Краснодарском крае органы муниципальных образований уполномочены образовывать и осуществлять организацию деятельности административных комиссий [4]. Такие органы вправе определить статус, порядок образования и порядок осуществления деятельности таких комиссий. В связи с тем, что регулирование деятельности комиссии осуществляется на региональном уровне, все существующие административные комиссии можно охарактеризовать как разные по своему статусу и юридической силе.

Административные комиссии вправе рассматривать и разрешать административные дела, связанные с нарушением тишины и покоя граждан в ночное время суток (общественного порядка и общественной безопасности), порядка размещения наружной рекламы, объектов торговли. Также такие комиссии вправе рассматривать дела о нарушении пра-

вил благоустройства территории, связанных с загрязнением территории района, размещением транспортных средств на территориях парков, газонах, дела о нарушении правил проведения шумных ремонтных работ в многоквартирном доме и некоторые другие дела о привлечении к административной ответственности.

В полномочия административной комиссии входит не только возможность рассмотрения и разрешения административных дел. Эти органы обязаны выяснить причины и условия, из-за которых то или иное административное правонарушение было совершено. Деятельность административной комиссии как субъекта административной юрисдикции должна быть направлена на увеличение эффективности применения мер административной ответственности, ведь они выступают в качестве основных способов профилактики совершения правонарушений.

В работе административных комиссий на основе проведенного нами анализа выявлены следующие недостатки. В каждом регионе, как правило, издается правовой акт, регулирующий деятельность административной комиссии. Например, такие законы есть в Костромской, Томской, Волгоградской области. На федеральном уровне деятельность административных комиссии не урегулирована единым нормативным актом. Поэтому в законодательстве нет четкого списка требований, которым должен соответствовать гражданин, желающий стать членом указанной комиссии. Из-за большого количества нормативных актов в каждом регионе не совсем понятно, как определяется порядок исчисления срока полномочий административной комиссии. Как финансируются и каким образом производится материально-техническое обеспечение деятельности административной комиссии в субъектах Российской Федерации тоже не определено [5].

Законодательство регионов в области организации деятельности административных комиссии иногда противоречиво, и, на наш взгляд, необходимо установить двухуровневую систему регулирования деятельности рассматриваемых учреждений. Поскольку в соответствии с Конституцией Российской Федерации административное законодательство

входит в предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, то и деятельность административных комиссий должна в первую очередь регулироваться федеральным актом, а на основе этого акта могут приниматься законы субъектов Российской Федерации [6]. У каждого муниципального образования не было бы необходимости утверждать отдельный закон об административной комиссии, такая комиссия действовала бы в соответствии с положениями федерального нормативно-правового акта.

Среди преимуществ деятельности административных комиссий можно отметить то, что комиссии рассматривают административные дела коллегиально. Коллегиальное принятие решения о том, привлекать ли гражданина к административной ответственности, исключает возможность заинтересованности одного лица в исходе дела и тем самым исключает возможность коррупции.

Таким образом, требуется долгая дополнительная работа по улучшению организации деятельности коллегиальных органов, в полномочия которых входит рассмотрение административных дел. Необходимо установить двухуровневую систему регулирования деятельности: на федеральном уровне и на уровне субъекта Российской Федерации. Также необходимо предусмотреть меры, способствующие снижению нагрузки на мировые суды, поскольку на мировых судей возложены обязанности по рассмотрению не только гражданских, уголовных, но административных дел, а они совершаются ежедневно и повсеместно.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

2. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

3. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»: Постановление Правительства РФ // Собрание законодательства РФ. 2013. №1. Ст. 13.

4. О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований Краснодарского края отдельными государственными полномочиями по образованию и организации деятельности административных комиссий: Закон Краснодарского края от 14.12.2006 № 1144-КЗ // Кубанские новости. № 195. 21.12.2006.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 04.07.2020. № 144(8198).

6. Соколов Е. С., Пекер И. Ю. Понятие, виды, классификации и система субъектов административной юрисдикции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 11. С. 254–258.

References

1. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ // Rossiyskaya Gazeta. No. 256. 31.12.2001.

2. On the judicial system of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of December 31, 1996 No. 1-FKZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 1. Art. 1.

3. On the federal target program "Development of the judicial system of Russia for 2013–2024": Resolution of the Government of the Russian Federation // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 1. Art. 13.

4. On the vesting of local self-government bodies of municipalities of Krasnodar Territory with separate state powers for the formation and organization of the activities of administrative commissions: Law of the Krasnodar Territory of 14.12.2006 No. 1144-KZ // Kubanskiye Novosti. No. 195. 21.12.2006.

5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 04.07.2020. No. 144 (8198).

6. Sokolov E. S., Peker I. Yu. Concept, types, classifications and system of subjects of administrative jurisdiction // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2017. No. 11. Pp. 254–258.

УДК/UDC 347.45/.47

О предмете договора обязательного страхования ответственности владельцев транспортных средств

Прокопенко Дмитрий Андреевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
e-mail: fizikus01@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы определения предмета договора обязательного страхования ответственности владельцев транспортных средств, поскольку вследствие его относительной молодости в науке оно еще не успело сложиться. Усложняет дело и то, что единого и принимаемого подавляющим большинством членов научного сообщества понятия предмета договора также до сих пор не выработано, несмотря на более чем стапятидесятилетнюю историю его разработки, берущую свое начало еще с трудов Д. И. Мейера. В ходе исследования анализируются основные подходы к понятию предмета договора вообще и договора страхования в частности, выявляются их достоинства и недостатки, на основании чего предлагается авторское определение предмета договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Ключевые слова: предмет договора, страхование, обязательное страхование ответственности владельцев транспортных средств.

On the subject of the contract of compulsory liability insurance of vehicle owners

Prokopenko Dmitriy Andreyevich
student of the faculty of Law
Kuban State University
Krasnodar, Russia
e-mail: fizikus01@gmail.com

Abstract

The article deals with the problems of determining the subject of the contract of compulsory liability insurance of vehicle owners, since due to his relative youth in science, it has not yet developed. Complicating matters is the fact that a unified and accepted by the overwhelming majority of members of the scientific community, the concept of the subject of a treaty has also not yet been developed, despite more than a hundred and fifty-year history of its development, which originates from the works of D. I. Meyer. In the course of the study, the main approaches to the concept of the subject of the contract in general and the insurance contract in particular are analyzed, their advantages and disadvantages are identified, on the basis of which the author's definition of the subject of the contract of compulsory civil liability insurance of vehicle owners is proposed.

Key words: subject of the contract, insurance, compulsory liability insurance of vehicle owners.

При рассмотрении вопроса о том, что понимается под предметом обязательства, можно обратиться к сформулированной еще в дореволюционной цивилистике Г. Ф. Шершеневичем позиции, согласно которой под предметом договора понимается то юридическое последствие, на которое направлена согласная воля двух или более лиц [1]. Иначе смотрел на это Д. И. Мейер, указывавший, что предметом договора всегда является право на чужое действие [2].

Современный подход предполагает несколько иное понимание предмета договора: так, по мнению М. И. Брагинского и В. В. Витрянского, предмет договора охватывает весь набор показателей, по поводу которых и был заключен договор: о количестве передаваемых товаров, их цене, качестве и т. д. [3].

Однако существует и третья точка зрения на этот вопрос, сочетающая в себе элементы двух названных ранее. Например, К. Д. Ишо полагает, что предмет гражданско-правового договора представляет собой совокупность как материальных (нематериальных) объектов, существующих в реальном мире, так и действий субъектов [4].

Нельзя сказать, что какие-либо из определений, представленных выше, являются неверными. Так, невозможно представить, чтобы для исполнения возникающих из договоров обязательств не имело значения, по поводу какого именно объекта гражданских прав они возникают, ведь нельзя, например, заключить договор купли-продажи, условиями которого будут определены права и обязанности сторон, но при этом не будет указана вещь, подлежащая передаче. Однако невозможно допустить и того, чтобы для исполнения таких обязательств было безразлично поведение их субъектов, выражающееся в совершении определенных действий (бездействия), как нельзя заключить все тот же договор купли-продажи, которым подлежащая передаче вещь будет определена, однако условий о правах и обязанностях его сторон не содержащего.

Именно поэтому нам представляется предпочтительной третья позиция среди названных, которая все это в себе объединяет. Мы полагаем это весьма важным, поскольку если по общему правилу предмет договора является единственным существенным его условием, при определении одного которого договор уже будет считаться заключенным, то он должен содержать весь комплекс условий, минимально необходимых для обеспечения возможности реального исполнения такого договора. Следовательно, именно на такое общее понятие мы будет ориентироваться, определяя предмет договора страхования.

Различные взгляды существуют и относительно сущности предмета страховых обязательств, что имеет значение для определения понятия предмета договора ОСАГО, поскольку в связи с новизной этого вида страхования в России научных работ, имеющих своей целью определение его предмета, пока еще немного.

Так, В. И. Серебровский полагал, что предметом страхования является имущественный интерес страхователя в целости страхуемого имущества [5].

Мы вынуждены не согласиться с таким определением предмета договора страхования, поскольку он, в сущности, сводится к страховому интересу, который, несомненно, является значимой для страхования ка-

тегорией, но все же не может отождествляется с предметом соответствующего договора.

Говоря о предмете обязательств, возникающих из договоров страхования, Б. М. Гонгало указывает на то, что в таком качестве всегда выступает денежная сумма [6]. Однако нам представляется, что и с такой позицией согласиться нельзя, поскольку в рамках договоров страхования вообще и договоров ОСАГО в частности не всегда возникают обязательства исключительно по передаче денежных средств, т. к. никто не вправе запретить сторонам избрать иную форму предоставления страхового возмещения, например натуральную, при которой страховщик организует проведение ремонта принадлежащего потерпевшему автомобиля.

Конечно, можно указать на то, что денежную форму будет иметь уплачиваемая по договору страхования премия, но ведь сущность договора страхования заключается вовсе не в ее перечислении страховщику, а в том, что в конечном итоге должен будет совершить страховщик после воплощения страхового риска в жизнь.

Достаточно интересно мнение К. Д. Ишо о предмете договора ОСАГО. Так, он полагает, что им выступают действия по предоставлению страховой защиты, т. е. услуги, являющейся согласно ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации по своей природе нематериальным объектом, сущность которого состоит в принятии на себя страховщиком риска наступления на стороне страхователя гражданской ответственности в результате эксплуатации автомобиля в пределах определенных страховой суммы и срока [4; 7].

Такое определение нам представляется хотя и в целом отражающим сущность договора ОСАГО, но все же несколько некорректным, поскольку в нем происходит смешение предмета договора с иными его условиями, в частности сроком и страховой суммой.

В связи со всем вышеизложенным мы полагаем, что предметом договора ОСАГО являются действия страховщика по принятию на себя риска гражданской ответственности за причинение вреда лицами, чья ответственность страхуется, выражающемся в предоставлении при на-

ступлении страхового случая страхового возмещения лицам, имеющим право на его получение, за уплачиваемую страхователем страховую премию.

Список литературы

1. Шершеневич Г. Ф. Курс русского гражданского права. Т. 2. М.: Изд-во. Российского университета дружбы народов. 1994. 450 с.

2. Мейер Д. И. Русское гражданское право. Ч. 2. Изд. 3-е, испр. М.: Статут. 2003. 831 с.

3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. Книга 1. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Статут. 2001. 848 с.

4. Ишо К. Д. Правовые проблемы применения обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2008. 26 с.

5. Серебровский В. И. Очерки советского страхового права. М.: Госиздат. 1926. 184 с.

6. Гражданское право: учебник. В 2 т. / Под ред. Б. М. Гонгало. Т. 2. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Статут. 2017. 543 с.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

References

1. Shershenevich G. F. Russian Civil Law Course. T. 2. M.: Publishing house. Peoples' Friendship University of Russia. 1994. 450 p.

2. Meyer D. I. Russian civil law. Part 2. Ed. 3rd, rev. M.: Statut. 2003. 831 p.

3. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contract law. General Provisions. Book 1. Ed. 3rd, stereotypical. M.: Statute. 2001. 848 p.

4. Isho K. D. Legal problems of compulsory insurance of civil liability of vehicle owners in the Russian Federation: author. diss ... cand. legal sciences. M., 2008. 26 p.

5. Serebrovsky V. I. Essays on Soviet insurance law. M.: Gosizdat. 1926. 184 p.

6. Civil law: textbook. In 2 volumes / Ed. B. M. Gongalo. T. 2. Ed. 4th, rev. and add. M.: Statute. 2017. 543 p.

7. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

УДК/UDC 347.94

Проблемные аспекты определения стандартов доказывания

Синяговский Владислав Романович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: vsiniaghovskii@bk.ru

Аннотация

Данная работа посвящена исследованию определения стандартов доказывания как одного из наиболее значимых вопросов теории и практики уголовно-процессуального права. В статье рассматриваются важнейшие понятия, касающиеся определения стандартов доказывания, а именно умеренно пониженный стандарт, умеренно повышенный стандарт и высокий стандарт. Кроме того, в работе проводится анализ положений различных нормативно-правовых актов, закрепляющих стандарты правосудия. Отмечается, что стандарты доказывания должны базироваться на принципах законности. В результате исследования автором предлагается конкретизировать стандарты доказывания, а также поощрять применение повышенного стандарта доказывания с полным отсутствием сомнений в действительном существовании фактов. Автор полагает, что стандарты доказывания требуют абсолютного соблюдения критериев пропорциональности судебной деятельности и недопущения вынесения произвольных судебных решений.

Ключевые слова: стандарты доказывания, принцип законности, принципы правосудия, проблемы доказывания.

Problematic aspects of determining the standards of proof

Sinyagovskiy Vladislav Romanovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: vsiniaghovskii@bk.ru

Abstract

This work is devoted to the study of the definition of standards of proof as one of the most significant issues in the theory and practice of criminal procedure law. The article discusses the most important concepts related to the definition of standards of proof, namely moderately reduced standard, moderately increased standard and high standard. In addition, the paper analyzes the provisions of various regulatory legal acts that enshrine the standards of justice. It is noted that the standards of proof should be based on the principles of legality. As a result of the study, the author proposes to specify the standards of proof, as well as to encourage the use of an increased standard of proof with a complete lack of doubt about the actual existence of the facts. The author believes that the standards of proof require absolute compliance with the criteria of proportionality of judicial activity and the prevention of arbitrary judicial decisions.

Key words: standards of proof, the principle of legality, principles of justice, problems of proof.

В некоторых Определениях Верховного Суда Российской Федерации [1; 2] можно увидеть критерии определения пределов доказывания, именуемые в научных исследованиях также стандартами доказывания. В частности, при определении пределов доказывания ученые А. Г. Карапетов и А. С. Косарев [3] выделяют пониженный стандарт («убедительные доказательства»), умеренно повышенный стандарт («ясные и убедительные доказательства») и высокий стандарт («вне разумных сомнений»), о которых подробно пойдет речь в исследовании.

Определение стандартов доказывания представляется одним из важнейших вопросов теории и практики уголовно-процессуального пра-

ва. Ряд правоведов выдвигают тезисы о том, что судебная власть должна основываться на принципах качества оказания услуг, поскольку применительно к своему назначению осуществление правосудия можно считать предоставлением услуги.

Так, например, О. В. Качалова [4] отмечает, что в сентябре 2019 г. в Казахстане состоялся международный форум «Управление качеством правосудия: глобальные тренды и опыт», основной идеей которого является признание процедуры разрешения юридических споров услугой, которую оказывает государство либо частные лица (коммерческий арбитраж, медиация, третейский суд и т. д.). Говорилось, что основной задачей государства является превращение этой услуги в доступную, удобную и качественную для населения.

Применительно к качеству осуществления правосудия также необходимо отметить, что реализация важнейшего принципа уголовного судопроизводства — принципа состязательности — посредством правильного построения процесса требует от судьи наличия соответствующих профессиональных навыков.

Между тем видится, что суд не оказывает услуги, а отправляет правосудие, является способом реализации одной из ветвей государственной власти. Как верно отмечает В. Н. Курченко, судебный процесс не может быть приравнен к процессу производственному, не должен быть стандартным, однотипным и единообразным, именно поэтому законодатель наделил суд широким усмотрением. Такое положение суда позволяет наиболее точно и конкретно разрешить спор, вынести наиболее справедливое и обоснованное решение с учетом всех обстоятельств дела. Качество осуществления правосудия в принципе не может определяться критерием удовлетворенности в нем сторон спора, их требованиями и ожиданиями, поскольку судья обязан руководствоваться законом, а стороны же могут иметь противоположный интерес [5].

По нашему мнению, именно принцип законности является важнейшим и основополагающим принципом правосудия. Стандарты доказывания базируются на точном и неуклонном соблюдении принципа законно-

сти. Судом должен соблюдаться определенный баланс применения норм процессуального и материального права при взаимном применении всех принципов правосудия с учетом конкретных обстоятельств дела. Однако следует помнить о внутреннем убеждении судьи и его юридической оценке, которые иногда приводят к совершенно противоположному толкованию норм права и вынесению различных решений при том, что имеют место аналогичные обстоятельства дела. Как правило, такая ситуация определяет наличие двойных стандартов доказывания.

Абсолютно правильно, на наш взгляд, выразился М. Л. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Евпропейском суде по правам человека (далее по тексту — ЕСПЧ): «Доказывание в настоящее время является одним из важнейших институтов справедливого судебного разбирательства». В решениях ЕСПЧ же имеет место поверхностное отношение к стандартам доказывания, а также нежелание установить конкретные подходы к оценке представляемых сторонами доказательств [6]

Необходимость закрепления стандартов правосудия обусловлена прежде всего правовыми условиями функционирования и реализации судебной власти. Стандарты требуют абсолютного соблюдения критериев пропорциональности судебной деятельности и недопущения вынесения произвольных судебных решений. К. Б. Рыжов, в частности, давно говорит о необходимости четкой регламентации стандартов доказывания — того минимального уровня, при котором факт может считаться доказанным [7]. Формирование и регламентация стандартов доказывания поможет сформировать единообразный подход к оценке доказательств, позволит упорядочить и усовершенствовать доказательственную деятельность.

Стоит отметить, что для повышения качества стандартов доказывания суду предоставлена возможность в ряде случаев выполнять роль активного судьи, истребовав необходимые доказательства. Между тем такая модель суда не должна подменять обязанности сторон по доказы-

ванию фактов, на которые они ссылаются, не должна препятствовать важнейшим принципам состязательности и беспристрастности.

Ст. 6 Европейской конвенции закрепляет, что равенство исходных условий должно быть процедурным, но не фактическим, что и подразумевает состязательность судебного процесса, основывающуюся на противоположности интересов сторон [8]. Уголовный кодекс Российской Федерации [9], переняв практически все международные принципы и требования уголовного судопроизводства, не регламентирует в своих статьях принцип справедливости судебного решения, а ведь именно справедливое судебное разбирательство, по мнению В. Н. Кучеренко, предопределяет высокий стандарт доказывания [5].

Формулирование стандартов судебной деятельности предполагает построение судебного разбирательства на началах справедливости. Разрозненность предписаний, которые не связаны единой идеей процессуальной справедливости, приводит к тому, что на практике суды, нарушая какие-либо отдельные нормы и требования, не следуя стандартам судебного разбирательства, рушат фундаментальные основы справедливости.

Таким образом, представляется целесообразным легитимно конкретизировать стандарты доказывания, а также поощрять применение повышенного стандарта доказывания с полным отсутствием сомнений в действительном существовании фактов.

Список литературы

1. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.05.2019 № 305-ЭС18-25788(2) по делу № А40-203935/2017 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rf-ot-08052019-n-305-es18-257882-po-delu-n-a40-2039352017/ (дата обращения: 16.04.2021).

2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.06.2018 № 305-ЭС18-413 по делу № А40-163846/2016 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации.

URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-04062018-n-305-es18-413-po-delu-n-a40-1638462016/ (дата обращения: 16.04.2021).

3. Карапетов А. Г., Косарев А. С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 5(63). С. 3-96.

4. Качалова О. В. Правосудие как услуга: мировой тренд // Уголовный процесс. 2019. № 11. С. 10

5. Курченко В. Н. Парадигма стандартов доказывания // Российский судья. 2020. № 11. С. 16–21.

6. Гальперин М. Л. Залог успеха любого сотрудничества — человеческое, уважительное отношение к партнерам // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2020. № 4. С. 6–9.

7. Рыжов К. Б. Принцип свободной оценки доказательств и его реализация в гражданском процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 240 с.

8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 13.05.2004, вместе с протоколами № 1, № 4 и № 7 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

References

1. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/08/2019 No. 305-ES18-25788 (2) in case No. A40-203935 / 2017 // Laws, codes and regulations of the Russian Federation. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rf-ot-08052019-n-305-es18-257882-po-delu-n-a40- 2039352017 / (access date: April 16, 2021).

2. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.06.2018 No. 305-ES18-413 in case No. A40-163846 / 2016 // Laws, codes and regulations of the Russian Federation. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-04062018-n-305-es18-413-po-delu-n-a40-1638462016/ (access date: April 16, 2021).

3. Karapetov A. G., Kosarev A. S. Evidence standards: analytical and empirical research // Bulletin of economic justice of the Russian Federation. 2019. No. 5 (63). Pp. 3-96.

4. Kachalova O. V. Justice as a service: a global trend // Criminal process. 2019. No. 11. P. 10.

5. Kurchenko V. N. The paradigm of standards of proof // Russian judge. 2020. No. 11. Pp. 16–21.

6. Galperin M. L. The key to the success of any cooperation is a human, respectful attitude towards partners // Bulletin of the European Court of Human Rights. 2020. No. 4. Pp. 6–9.

7. Ryzhov K. B. The principle of free evaluation of evidence and its implementation in civil proceedings. M.: Infotropic Media, 2012. 240 p.

8. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Concluded in Rome on November 4, 1950 (as amended on May 13, 2004, together with minutes No. 1, No. 4 and No. 7 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 2. Art. 163.

9. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

УДК/UDC 347.61

Публичный показ и публичное исполнение как способы использования исключительного права на аудиовизуальное произведение

Сулейманов Элгюн Элшадович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: carlogambinofamiglia@mail.ru

Шульга Антонина Константиновна
кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: antonina.bolshakova@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматриваются такие способы использования исключительного права на произведение, как публичный показ и публичное исполнение, на примере аудиовизуального произведения. Даются понятия публичного показа и публичного исполнения, посредством которых определяется степень отнесения того или иного вида реализации исключительного права к аудиовизуальному произведению. Авторы приводят тезисы, способствующие разграничению публичного показа и публичного исполнения. Согласно закрепленным в законодательстве положениям определяются возможности использования исключительного права как непосредственно, так и с помощью технических устройств или иных подобных средств, которые позволяют довести до общественности аудиовизуальное произведение. Приводятся примеры, позволяющие признать публичным показом аудиовизуального произведения не только показ его в целом, но и показ его отдельной части. Подобным же образом рассматривается признание исполнения части аудиовизуального произведения публичным исполнением как способ использования исключительного права. Авторами указывается принадлежность аудиовизуального произведения как к публичному показу, так и публичному исполнению.

Ключевые слова: публичный показ, публичное исполнение, исключительное право, аудиовизуальное произведение, результат интеллектуальной деятельности.

The right to public display and public performance of an audiovisual work

Suleymanov Elgun Elshadovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: carlogambinofamiglia@mail.ru

Shulga Antonina Konstantinovna
Candidate of Law, assistant professor
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: antonina.bolshakova@inbox.ru

Abstract

The article examines such methods of using the exclusive right to a work as public display and public performance, using the example of an audiovisual work. The concepts of public display and public performance are given, by means of which the degree of attribution of one or another type of realization of an exclusive right to an audiovisual work is determined. The authors provide theses that contribute to the distinction between public display and public performance. In accordance with the provisions enshrined in the legislation, the possibilities of using the exclusive right are determined both directly and with the help of technical devices or other similar means that make it possible to bring an audiovisual work to the public. Examples are given that make it possible to recognize as a public display of an audiovisual work not only the display of it as a whole, but also the display of its separate part. The recognition of the performance of a part of an audiovisual work as a public performance is considered in the same way as a way of using the exclusive right. The authors indicate that the audiovisual work belongs to both public display and public performance.

Key words: public display, public performance, exclusive right, audiovisual work, result of intellectual activity.

Право интеллектуальной собственности представляет собой уникальную систему гражданско-правовых норм, основывающуюся на общественных отношениях касательно результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. Авторы результатов интеллектуальной деятельности обладают широким спектром правомочий, делящимся на три основные группы: личные неимущественные права, исключительное право и иные права на результат интеллектуальной деятельности. Исключительное право в силу своей отчуждаемости распространяется не только на автора объекта интеллектуальных прав, но и на любого иного правообладателя. Определить исключительное право не составляет труда, законодатель закрепляет четкие тезисы, исходя из смысла которых вырабатывается понятие данного права, его суть и содержание. Так, ст. 1270 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее по тексту — ГК РФ) полностью посвящена исключительному праву на произведение, где законодателем перечислены способы использования данного права на приведенный объект интеллектуальной собственности. При детальном обзоре статьи назревают некоторые вопросы, на которые невозможно будет найти ответы в границах отечественной нормотворческой практики. В первую очередь они касаются таких способов использования исключительного права, как публичный показ и публичное исполнение произведений в целом, а при более углубленном изучении проблемы — публичного показа и публичного исполнения аудиовизуального произведения.

В соответствии со ст. 1270 ГК РФ публичный показ произведения — это любая демонстрация оригинала или экземпляра произведения непосредственно либо на экране с помощью пленки, диапозитива, телевизионного кадра или иных технических средств, а также демонстрация отдельных кадров аудиовизуального произведения без соблюдения их последовательности непосредственно либо с помощью технических средств в месте, открытом для свободного посещения, или в месте, где присутствует значительное число лиц, не принадлежащих к обычному кругу семьи, независимо от того, воспринимается произведение в месте его де-

монстрации или в другом месте одновременно с демонстрацией произведения.

Непосредственная демонстрация произведения возможна только в том случае, когда результат творческой деятельности полностью выражен на материальном носителе, видимом человеческому глазу. К данной категории в основном относятся объекты изобразительного искусства. Художник пишет на холсте картину, и мы наблюдаем эту картину непосредственно, также и со скульптурой, высеченной из материального носителя — камня. С аудиовизуальным произведением дело обстоит немного сложнее. Для того чтобы увидеть его, недостаточно материального носителя, в данном случае мы прибегаем к техническому средству, посредством которого осуществляется реализация такого способа использования аудиовизуального произведения, как публичный показ.

Материальным носителем аудиовизуального произведения может выступать пленка, указанная в определении публичного показа согласно ст. 1270 ГК РФ. Пленка вставляется в кинопроектор или иное подобное техническое средство, которое передает содержание пленки на экран. Мы приходим к выводу, что фраза «демонстрация произведения на экране с помощью пленки», выведенная из вышеуказанной статьи, относится именно к аудиовизуальному произведению.

Что же значит демонстрация отдельных кадров аудиовизуального произведения без соблюдения их последовательности непосредственно либо с помощью технических средств?

Не стоит забывать, что части аудиовизуального произведения также считаются объектами авторских прав и подпадают под защиту авторских прав. А каждый отдельный кадр аудиовизуального произведения можно условно признать фотографией. Главная загвоздка состоит в следующем: каким образом осуществляется возможность непосредственного представления отдельных кадров аудиовизуального произведения и какую роль в данном вопросе играет соблюдение последовательности? Вернемся все к той же пленке. Например, каждый кинофильм состоит из определенного количества кадров. Привычным для человеческого

глаза в фильме является частота кадров 24 кадра в секунду. Это частота соблюдается посредством использования технических средств, которые в соответствующей скорости прокручивают пленку. Значит, если мы достанем пленку и непосредственным образом рассмотрим, что на ней изображено, нашему взору представятся отдельные кадры из фильма. На протяжении 24 кадров будет длиться действие, которое на экране проходит за одну секунду. Просмотр этих «миниатюрных фотографий» в негативе как раз и подпадает под категорию непосредственного публичного показа части аудиовизуального произведения. Такое представление можно встретить на кинофестивалях или закрытых показах, где авторы, правообладатели или иные лица с согласия правообладателя представляют публике будущее готовое аудиовизуальное произведение в виде проекта или части отснятого материала для дальнейшего распространения, получения финансирования и т. д.

Что касается соблюдения последовательности кадров, то это просто монтаж аудиовизуального произведения, сборка отснятого материала в определенном порядке, отвечающем целям подобного произведения. И вышеуказанные примеры прекрасно объясняют, почему эта последовательность не играет никакой роли в вопросе определения демонстрации отдельных кадров аудиовизуального произведения.

Демонстрацией отдельных кадров аудиовизуального произведения с помощью технических средств может считаться промо-ролик — рекламный ролик, выпускаемый в качестве промоутерской акции [2], трейлер — небольшой видеоролик, состоящий из кратких и обычно наиболее зрелищных фрагментов фильма, используемый для анонсирования или рекламы этого фильма, подготавливающий аудиторию к выходу произведения, его публичному показу [3].

Публичное исполнение произведения согласно ст. 1270 ГКК РФ — это представление произведения в живом исполнении или с помощью технических средств (радио, телевидения и иных технических средств), а также показ аудиовизуального произведения (с сопровождением или без сопровождения звуком) в месте, открытом для свободного посеще-

ния, или в месте, где присутствует значительное число лиц, не принадлежащих к обычному кругу семьи, независимо от того, воспринимается произведение в месте его представления или показа либо в другом месте одновременно с представлением или показом произведения. Право публичного исполнения раскрывается в следующих примерах: декламация литературного произведения, постановочная игра на сцене, исполнение музыкальной композиции, реализация хореографического произведения через танец, пение и т. д.

Главным условием признания публичным исполнением какого-либо произведения науки, литературы и искусства является действие, выполняемое автором такого результата интеллектуального действия или лицом, наделенным возможностью донесения до общественности авторского замысла. Это условие разграничивает право публичного исполнения и право публичного показа. Публичный показ проявляется в возможности увидеть произведение, он статичен. Но законодатель вводит нас в путаницу, приравнивая показ аудиовизуального произведения к виду публичного исполнения. Так какой же способ использования аудиовизуального произведения является реализацией исключительного права на него?

Ответ кроется в сложности данного объекта интеллектуальной собственности. Аудиовизуальное произведение — это сложное произведение (ст. 1240 ГК РФ). Помимо того, что оно из себя представляет в совокупности, аудиовизуальное произведение может быть разложено на ряд иных видов результатов интеллектуальной деятельности. Не зря законодатель в ст. 1263 ГК РФ авторами аудиовизуального произведения признает режиссера, сценариста и композитора. Режиссер отвечает за постановку, автор сценария — за литературный источник произведения, композитор — за музыкальную составляющую, звуковую дорожку. Рассмотрим принадлежность аудиовизуального произведения к публичному исполнению на примере композитора такого объекта интеллектуальных прав. При создании кинофильмов участники процесса часто прибегают к помощи композиторов для создания музыкального сопровождения

картины. Уникальная звуковая дорожка пишется композитором специально для фильма и может быть впервые доведена до общественности через просмотр аудиовизуального произведения. Прослушивание аудиторией музыкального произведения композитора будет считаться публичным исполнением произведения, но его никак нельзя представить без публичного показа аудиовизуального произведения. То же касается и сценарного произведения автора, которое исполняется актерами в фильме.

Значит, исключительное право на аудиовизуальное произведение реализуется посредством как публичного показа, так и публичного исполнения.

Таким образом, законодатель не дает точных пояснений относительно отличия публичного показа от публичного исполнения, что позволяет трактовать данные понятия по-разному. Авторы аудиовизуального произведения или иные правообладатели должны понимать, что спектр признания реализации исключительного права на подобные объекты интеллектуальной собственности намного шире, чем может показаться.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 11.06.2021).

2. Проморолик // Википедия. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/проморолик (дата обращения: 11.06.2021).

3. Трейлер (кинематограф) // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Трейлер_(кинематограф) (дата обращения: 11.06.2021).

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part four) of 18.12.2006 № 230-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (access date: June 11, 2021).

2. Promo video // Wikipedia. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/проморолик (access date: June 11, 2021).

3. Trailer (cinema) // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Трейлер_(кинематограф) (access date: June 11, 2021).

УДК/UDC 349.415

Проблемы частной собственности на землю в России

Сухаруков Андрей Юрьевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: suharykovandrey@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы частной собственности на землю в Российской Федерации, а также раскрывается содержание понятия частной собственности. Исследуются характеристики частной собственности на землю. Автор приводит конкретные примеры нарушения прав частной собственности в Российской Федерации. Также в работе рассматривается конституционная защита прав и свобод человека. Анализируются некоторые проблемы, в частности связанные с реализацией права владения, пользования и распоряжения земельным участком, реализацией принципа неприкосновенности собственности. Отмечается, что с развитием гражданского и земельного законодательства все запутаннее и сложнее гражданам разбираться в юридических тонкостях. В заключении автор приходит к выводу о необходимости повышения уровня правового сознания граждан.

Ключевые слова: частная собственность, частная собственность на землю, Гражданский кодекс Российской Федерации, «ночь длинных ковшей».

Problems of private land ownership in Russia

Sukharukov Andrey Yuryevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: suharykovandrey@gmail.com

Abstract

The article discusses the issues of private ownership of land in the Russian Federation, and also reveals the content of the concept of private ownership. The characteristics of private ownership of land are investigated. The author gives specific examples of violations of private property rights in the Russian Federation. The work also examines the constitutional protection of human rights and freedoms. Some problems are analyzed, in particular those related to the implementation of the right to own, use and dispose of a land plot, the implementation of the principle of inviolability of property. It is noted that with the development of civil and land legislation, it is more and more confusing and more difficult for citizens to understand the legal intricacies. In conclusion, the author comes to the conclusion that it is necessary to increase the level of legal consciousness of citizens.

Key words: private property, private ownership of land, Civil Law of the Russian Federation, "night of long buckets".

В ст. 212 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) указано, что в Российской Федерации признаются частная, государственная, муниципальная и другие формы собственности, права которых защищены в равной степени.

В экономическом словаре под частной формой собственности понимается такая форма собственности, которая подразумевает защищенное законом право юридического или физического лица либо их группы на предмет собственности [1]. В свою очередь, предметом собственности является все то, что законом не изъято из общего обращения.

В правовой энциклопедии частная собственность трактуется как «одна из трех основных форм собственности, признанных Конституцией Российской Федерации». В самой Конституции Российской Федерации в ч. 2 ст. 9 сказано, что земля может быть частной, государственной и муниципальной. Частная земельная собственность — «форма собственности на землю, целью которой является приобретение земельных участков гражданами и юридическими лицами на основании законодательства Российской Федерации» [2].

Любое физическое или юридическое лицо может владеть, пользоваться и распоряжаться своей землей. Это означает, что любой субъект права собственности, как физическое, так и юридическое лицо, должно обладать правоспособностью и дееспособностью. Владелец может совершать любые действия со своим имуществом по своему усмотрению, если такие действия не противоречат закону и не нарушают права и интересы других лиц. Собственник участка имеет право:

1) продавать;
2) дарить;
3) отдавать в залог;
4) сдавать в аренду;
5) распоряжаться участком иным образом, если земля на основании закона не изъята из оборота (возводить жилье, использовать для собственных нужд и т. д.).

Но между тем законодательством Российской Федерации также предусмотрено обязательное прекращение частной собственности на землю, например если земля используется не по прямому назначению (ст. 284 и 285 ГК РФ, 45 Земельного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ЗК РФ)); при обращении взыскания на земельный участок по обязательствам его собственника (ст. 278 ГК РФ); а также при реквизиции и конфискации (ст. 242–243 ГК РФ).

В п. 5 ст. 55 Конституции Российской Федерации указано, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только в той мере, в которой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц». К сожалению, сегодня Российская Федерация имеет тенденцию игнорировать право частной собственности. В качестве примера можно выделить два значимых события.

Перовое событие — это изъятие земли в частной собственности под строительство олимпийских объектов в Сочи. Самый яркий случай — принудительное выселение семьи Ткаченко, дом которых находился в том месте, где должна была проходить федеральная трасса М-27. После

предложения определенных условий переезда, от которых семья отказалась, дом штурмовали сотрудники ОМОНа и судебные приставы [3].

Второе событие -— операция «Ночь длинных ковшей», когда 9 февраля 2016 г. в Москве началось мероприятие по сносу 104 торговых павильонов, которые город признал самовольной постройкой. Но на самом деле у некоторых собственников было заключение судебной строительно-технической экспертизы, которая доказывала, что объект построен в соответствии с требованиями закона [4].

Следует признать, что значительная часть споров возникает не вследствие конфликта интересов участников спора, а в результате противоречивости, неопределенности законодательства [5].

Исходя из вышеизложенного, можно указать, что на данный момент требуется поднимать уровень правосознания граждан, чтобы они отстаивали свои интересы в судах Российской Федерации, т. к. сущность именно судебного контроля заключается в проверке и оценке законности и обоснованности решений и действий органов публичной власти, нарушающих либо ограничивающих конституционные права, свободы и законные интересы граждан и юридических лиц [6].

Таким образом, напрашивается вывод о том, что в Российской Федерации существуют грубые нарушения частной собственности, которые требуют должного внимания. Как раз здесь важен вопрос об объеме прав собственников с одной стороны и полномочиями государства с другой. Без положительного разрешения этого вопроса будет невозможно правильно сконструировать данные отношения на законодательном уровне, а именно содержание права собственности, пределы государственного контроля и, конечно, определенные ограничения, которые будет обязан соблюдать собственник земельного участка.

Список литературы

1. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРАМ, 2007. 495 с.

2. Голиченко А. К. Экологическое право России: словарь юридических терминов. М.: Городец, 2008. 364 с.

3. Недостатки обратили в достоинства? // Экологический правовой центр "Беллона". URL: https://bellona.ru/2013/08/01/pechalnye-rekordy-sochinskoj-olimpia/ (дата обращения: 25.04.2021)

4. Ковш над головами // Коммерсант. [Электронный ресурс] URL https://www.kommersant.ru/doc/3883495 (дата обращения: 28.04.2021).

5. Гринь Е. А. Принудительное изъятие земельного участка вследствие его ненадлежащего использования. // Власть Закона. 2013. № 1 (13). С. 66–75.

6. Колиева А. Э. О сущности судебного контроля над исполнением административных взысканий // Современная научная мысль. 2014. № 2. С. 83–88.

References

1. Raizberg B. A., Lozovsky L. Sh., Starodubtseva E. B. Modern economic dictionary. 5th ed., rev. and add. M .: INFRAM, 2007. 495 p.

2. Golichenko A. K. Environmental law of Russia: a dictionary of legal terms. M.: Gorodets, 2008. 364 p.

3. Turned disadvantages into advantages? // Environmental Legal Center Bellona. URL: https://bellona.ru/2013/08/01/pechalnye-rekordy-sochinskoj-olimpia/ (date of access: 25.04.2021)

4. Bucket over heads // Kommersant. [Electronic resource] URL: https://www.kommersant.ru/doc/3883495 (date of access: 28.04.2021).

5. Grin E. A. Forced seizure of a land plot due to its improper use. // Rule of Law. 2013. No. 1 (13). Pp. 66–75.

6. Kolieva A. E. On the essence of judicial control over the execution of administrative penalties // Modern scientific thought. 2014. No. 2. Pp. 83–88.

УДК/UDC 349

Специфика юридического консультирования студентов в системе высшего образования

Тишик Артем Иванович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: cool.tishik@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена специфике юридического консультирования студентов в системе высшего образования. Цель данной работы — выявить особенности этого процесса на основе изучения и анализа юридической литературы, изучения учебных программ и нормативных документов образовательных организаций. В настоящее время в вузах не организована полноценная система по реализации юридического консультирования студентов, а также не развита информационная поддержка деятельности юридического консультирования. Студентам и выпускникам юридических профессий необходимо не только обладать знаниями в области юриспруденции, но и уметь правильно применять эти знания на практике в различных направлениях юрисдикции, уметь анализировать проблему и решать ее. Значимость научной работы заключается в формировании конкретной рекомендации для вузов по реализации процесса юридического консультирования студентов в системе высшего образования.

Ключевые слова: специфика юридического консультирования, правовые основы юридического консультирования в системе высшего образования, теоретическое обучения, консультирования студентов, юридическая клиника.

Specificity of legal advice to students in the higher education system

Tishik Artem Ivanovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: cool.tishik@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the specifics of legal advice to students in the higher education system. The purpose of this work is to identify the features of this process based on the study and analysis of legal literature, study of curricula and regulatory documents of educational organizations. Currently, universities have not organized a full-fledged system for the implementation of legal advice to students, and also not developed information support for the activities of legal advice. Students and graduates of legal professions need not only to have knowledge in the field of jurisprudence, but also to be able to correctly apply this knowledge in practice in various areas of jurisdiction, to be able to analyze the problem and solve it. The significance of scientific work lies in the formation of a specific recommendation for universities on the implementation of the process of legal advice to students in the higher education system.

Key words: specifics of legal advice, legal foundations of legal advice in the higher education system, theoretical training, student counseling, legal clinic.

Анализируя систему высшего образования и юридическое консультирование студентов в данной системе, можно сказать, что правовое консультирование — это услуга, которая дает возможность получить квалифицированный ответ на любой юридический вопрос, помогает разобраться в действующем законодательстве, ограждает от нежелательных последствий и юридических рисков, указывает на возможные пути разрешения проблемы [1, с. 33].

Благодаря анализу и изучению реализации теории и практики консультирования студентов в системе высшего образования обнаружилось следующее. Студенты нуждаются в получении правового консультирова-

ния в рамках высшего образования. Это может быть обусловлено в т. ч. возникновением у них вопросов относительно различных сторон общественных отношений, в частности защиты своих прав. Оказание такого консультирования может происходить под руководством лиц, имеющих специальные знания в правовой сфере [2, с. 132].

Сегодня высшие учебные заведения не содержат в своих образовательных программах полноценной системы по обеспечению реализации юридического консультирования обучающихся. Поддержка такого консультирования также находится в неразвитом состоянии. Сложившаяся ситуация свидетельствует о наличии как достоинств, так и недостатков у всей системы консультирования. Повышение эффективности и производительности правового консультирования может происходить за счет различного рода факторов. К последним можно отнести, например, развитое сотрудничество с общественными организациями и государственными и муниципальными органами, улучшение адвокатской деятельности студентов, т. к. деятельность адвоката — это прежде всего квалифицированная юридическая помощь, выражающаяся в участии в различных типах процессуальных действий, а также в подготовке юридической документации, в разъяснении различных вопросов и т. д. [3, с. 99]. К важным факторам развития правового консультирования студентов также следует отнести наличие квалифицированного педагогического состава, современной материально-технической базы и юридических клиник, которые должны давать студентам, активно принимающим участие в их работе, в дальнейшем помощь в трудоустройстве.

На наш взгляд, студент, отработавший семестр в качестве консультанта, должен получить по окончании учебы вместе с дипломом о высшем образовании и свидетельство о работе в юридической клинике. Также любым студентам, ранее не работающим в юридической клинике, должна предоставляться возможность прохождения в ней любых видов практики, предусмотренных учебным планом.

Предполагается, что принятие и реализация на практике указанных рекомендаций поспособствует повышению общего уровня эффектив-

ности юридического образования в вузах, развитию системы юридического консультирования обучающихся посредством постоянной модернизации форм консультирования [4, с. 57]. Также необходимо актуализировать внутренние документы высшего учебного заведения, регламентирующие деятельность правового консультирования, и внедрить юридические клиники в вуз [5, с. 202].

В заключение хочется сказать, что только при эффективном юридическом консультировании в системе высшего образования может качественно вырасти уровень образованности студентов. С этой целью предлагается решить все вышеописанные задачи, и тогда обучающиеся смогут не только решать все вопросы юридического характера, но и грамотно участвовать в судебном процессуальном представительстве, что немаловажно для правовой карьеры студента.

Список литературы

1. Синюков В. Н. Юридическое образование в контексте российской правовой культуры // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 31–44.

2. Мейхерн К. Курсы выработки профессиональных навыков адвокатов / Юридическое обслуживание неимущих и права человека. Конференция 4 – 9 июля 1998 года. Москва. Организаторы: Фонд Форда при содействии ABA CEELI.

3. Гринь Е. А., Батлукова А. Д. Адвокатская этика — основа деятельности адвоката // В сборнике: Поколение будущего. сборник избранных статей Международной студенческой научной конференции. Санкт-Петербург, 2020. С. 97–99.

4. Кондратенко З. К. Юридическое консультирование в системе профессионального образования // Подготовка педагогических кадров в системе высшего образования: история, современность и перспективы. 2018. С. 54–59.

5. Саханский Н. Б. Основные виды консультационной деятельности в сфере образования // В сборнике: Психология профессионала: личность, деятельность, организация: коллективная монография. Тверь, 2017. С. 202–221.

References

1. Sinyukov V. N. Legal education in the context of Russian legal culture // Journal of Russian law. 2009. No. 7. Pp. 31–44.

2. Meyhern K. Courses for the development of professional skills of lawyers / Legal services for the poor and human rights. Conference 4-9 July 1998. Moscow. Organizers: Ford Foundation with the assistance of ABA CEELI.

3. Grin E. A., Batlukova A. D. Lawyer ethics — the basis of the lawyer's activity // In the collection: Generation of the future. collection of selected articles of the International Student Scientific Conference. St. Petersburg, 2020. Pp. 97–99.

4. Kondratenko Z. K. Legal advice in the system of vocational education // Training of pedagogical personnel in the system of higher education: history, modernity and prospects. 2018. Pp. 54–59.

5. Sakhansky N.–B. The main types of consulting activities in the field of education // Psychology of a professional: personality, activity, organization: collective monograph. Tver, 2017. Pp. 202–221.

УДК/UDC 347

Сервитут в проекте изменений вещных прав

Фахрутдинов Ильдус Гаязович
студент юридического факультета
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
e-mail: f_ildus@bk.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается такой институт гражданского и земельного права, как сервитут. Нормы о сервитутах подвергаются постоянному совершенствованию, и настоящая статья посвящена краткой истории развития сервитутов в отечественном праве и изменениям, которые предлагаются Проектом Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Рассмотрены конкретные виды сервитутов, а именно перемещения, строительные сервитуты, сервитут мелиорации, горный сервитут и коммунальный сервитут, а также их подвиды, которые предлагаются указанным Проектом Федерального закона, рассмотрены их недочеты. Предлагаются некоторые поправки для более эффективного правового регулирования указанных правоотношений.

Ключевые слова: гражданское право, земельное право, сервитут, сервитутные правоотношения.

Servitude in the draft of changes in real rights

Fakhrutdinov Ildus Gayazovich
student in of the Faculty of law
Kuban State University
Krasnodar, Russia
e-mail: f_ildus@bk.ru

Abstract

This article examines such an institution of civil and land law as an easement. The norms on easements are constantly being improved and this article is devoted to a brief history of the development of easements in domestic law and the changes that are proposed by the Draft Federal Law No. 47538-6 "On Amendments to Parts One, Two, Three, and Four of the Civil Code of the Russian Federation, as well as to individual legislative acts of the Russian Federation". Specific types of easements are considered, namely, movements, construction easements, amelioration easement, mountain easement and communal easement, as well as their subspecies, which are proposed by the specified draft federal law, and their shortcomings are considered. Some amendments are proposed for a more effective legal regulation of these legal relations.

Key words: civil law, land law, easement, easement legal relations.

В нынешних реалиях земля как объект гражданского оборота является максимально востребованным и относительно ограниченным ресурсом, особенно в крупных городах. В связи с этим у участников гражданского оборота часто возникают споры о правах пользования данным ресурсом. Нехватку этого особого ресурса лица решают путем установления сервитута. Споры о правах на земельные участки являются одними из самых распространенных и в то же время сложных.

Такой институт гражданского права, как сервитут, не является новшеством для отечественного права. Нормы о сервитутах имели место и в дореволюционной России. Хоть в тексте данных норм и не упоминался термин «сервитут», отношения, регулируемые этими нормами, по сути своей являлись сервитутными. В советский период, с приходом единой и неделимой государственной собственности, ни о каком институте сервитутов не могло быть и речи. Прямое закрепление, т. е. появление в гражданском законодательстве России, института сервитутов произошло в 2001 г. вместе с принятием нового Земельного кодекса Российской Федерации [1], поэтому можно сказать, что сервитут в прямом смысле этого слова появился в России только 20 лет назад, что в рамках многовековой его истории является «каплей в море».

На протяжении всего периода существования сервитутов в России данный институт претерпевал и продолжает претерпевать изменения. Так, грядут масштабные изменения во всех частях Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ), в т. ч. и в ч. 2 в разделе о вещных правах, в котором сервитут предстает перед нами в совсем ином виде, нежели в действующем законодательстве.

В предложенном законодателем Проекте Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту — Проект) [2] нормы, регулирующие сервитутные правоотношения, написаны заново, т. к. с прежними нормами их почти ничего не связывает.

Законодатель целиком и полностью переписал действующие положения о сервитутах, содержащиеся в ГК РФ. Представлено совершенно новое понятие сервитута; увеличилось количество статей, регулирующих отношения, связанные с установлением сервитутов. В связи с этим увеличился и объем норм, поэтому регулирование сервитутных правоотношений стало более детально. Полностью преобразилась структура и система данных норм. Появилась новая классификация сервитутов, которая теперь предлагает делить сервитуты на сервитуты перемещения, строительные сервитуты, сервитут мелиорации, горный сервитут и коммунальный сервитут.

В свою очередь, сервитуты перемещения делятся на такие подвиды, как сервитут прохода, сервитут прогона скота и сервитут проезда. Выделение их в отдельные подвиды обусловлено разным набором прав, которыми наделяются субъекты сервитутных правоотношений, исходя из того, какой именно подвид сервитута будет использоваться. Например, при установлении сервитута прогона скота исключается возможность проезда на транспортном средстве, тогда как такая возможность присутствует при установлении сервитута проезда.

Однако нам представляется такое деление сервитутов перемещения чересчур обширным и излишним. Ведь, по сути, сервитут прохода и

сервитут прогона скота ничем не отличаются друг от друга. Тем более, в Проекте указано на правомочие осуществлять проход людей и перемещение их вещей через земельный участок или другую служащую вещь для нужд собственника господствующей вещи при установлении сервитута прохода. Учитывая то, что ст. 137 ГК РФ [3] животные юридически приравнены к вещам, прогон скота охватывается формулировкой «перемещение их вещей через земельный участок или другую служащую вещь». В связи с этим предлагается исключить из ст. 301.6 Проекта сервитут прогона скота.

Что касается строительных сервитутов, следует сказать, что они также делятся на два подвида. Это сервитут стройки и сервитут опоры. Сервитут стройки устанавливается на период строительства, капитального ремонта или реконструкции здания или сооружения в случаях недостаточности господствующего участка для осуществления строительных работ. Сервитут опоры устанавливается при использовании здания или сооружения, расположенного в границах земельного участка или другой служащей вещи, для опоры конструкций здания или сооружения, в т. ч. возводимого или реконструируемого, в границах господствующей вещи. В установлении сервитута опоры не может быть отказано, если в соответствии со строительными нормами и правилами такая опора необходима.

Сервитут мелиорации может быть установлен для обеспечения нормальной эксплуатации господствующего земельного участка путем подвода или отвода воды на господствующий земельный участок или с господствующего земельного участка.

Сервитут мелиорации позволяет осуществлять отвод или подвод грунтовых или поверхностных вод, вод от наземных и подземных источников при необходимости осушения или обводнения земельного участка. В этих целях собственник господствующего земельного участка вправе устраивать сток воды и проводить для его устройства необходимые земляные работы, осуществлять строительство наземных, надземных или подземных сооружений, их эксплуатацию, текущий и капитальный ремонт.

Условиями сервитута мелиорации могут быть определены характеристики (ширина, глубина и др.) допускаемого стока.

В настоящий момент правовые основы деятельности в области мелиорации земель устанавливаются Федеральным законом от 10.01.1996 № 4-ФЗ «О мелиорации земель» [4], где в ст. 26 предусмотрено возникновение сервитута для обеспечения мелиорации земель на земельных участках, которые граничат с участками мелиорируемых (мелиорированных) земель.

Согласно ст. 5 указанного федерального закона мелиорация не ограничивается только гидротехническими мероприятиями. Так, помимо гидромелиорации, указанным законом предусмотрены агролесомелиорация, культуртехническая мелиорация и химическая мелиорация.

Представляется, что правовое регулирование отношений, связанных с использованием сервитута, для такого емкого процесса, как мелиорация, не может быть ограничено лишь рамками ГК РФ, а должно получить дополнительное толкование и уточнение в специальном законодательстве.

Рассматривая горный сервитут, следует подчеркнуть, что его содержание имеет множество спорных вопросов, вызванных, например, тем, что слабо отражены теоретические наработки специалистов по горному праву. Оно не предусматривает, что участок недр может быть не только господствующим участком, но и служащим. В ряде научных работ предлагается заменить не соответствующий содержанию термин «горный сервитут» на «земельный сервитут для целей недропользования» [5].

На служащем земельном участке разрешается в целях геологического изучения недр, разведки или добычи полезных ископаемых, помимо размещения оборудования, создавать объекты недвижимости, производить работы по геологическому изучению недр, разведке или добыче полезных ископаемых в форме и объемах, определяемых в соответствии с законодательством о недрах.

Стоит отметить, что при горном сервитуте осуществлять добычу полезных ископаемых разрешается только шахтным методом и (или) методом бурения. Создавать на обремененном горным сервитутом земельном участке карьер, т. е. осуществлять добычу полезных ископаемых открытом методом, горный сервитут не разрешает. Также не допускается и размещать в границах служащего земельного участка отходы производства (отвалы горных пород, шламохранилища и т. п.).

Говоря о коммунальном сервитуте, следует сказать, что у него очень много общего со строительным сервитутом. И при том, и при другом сервитуте предоставляется право осуществлять строительные и (или) ремонтные работы с использованием для этого служащего земельного участка или иной служащей вещи. Однако же отличие заключается в том, что при коммунальном сервитуте осуществляется размещение, эксплуатация, ремонт и реконструкция объектов коммунального назначения (водопроводов, газопроводов, нефтепроводов, линий электропередачи, сооружений связи и иных подобных объектов), в то время как при строительном сервитуте объектом строительства и (или) ремонта выступает здание (сооружение).

Проанализировав и сравнив то, каким сервитут предстает перед нами в действующем законодательстве и то, каким он представлен в Проекте, можно сделать вывод, что законодатель проделал колоссальную работу по усовершенствованию правового регулирования сервитутных правоотношений. Однако нет предела совершенству, и, хотя нормы Проекта стали более детально регламентировать данную категорию отношений, все же имеется ряд недочетов и пробелов, которые необходимо устранять.

Список литературы

1. Щенникова Л. В. Сервитуты в России: законодательство и судебная практика // Законодательство. 2002. № 4. С. 34–40. № 5. С. 30–38.

2. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты

Российской Федерации: Проект Федерального закона № 47538-6 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/12976.html/ (дата обращения: 15.03.2021).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

4. О мелиорации земель: Федеральный закон от 10.01.1996 № 4-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 142.

5. Горный сервитут в системе российского права // Маркшейдерское дело. URL: http://mwork.su/markdelo/nomer-5/stati/119-gornyj-servitut-v-sisteme-rossijskogo-prava (дата обращения: 15.03.2021).

References

1. Shchennikova L. V. Easements in Russia: Legislation and Judicial Practice // Legislation. 2002. No. 4. P. 34–40. No. 5. Pp. 30–38.

2. On amendments to parts one, second, third and fourth of the Civil Code of the Russian Federation, as well as to certain legislative acts of the Russian Federation: Draft Federal Law No. 47538-6 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/12976.html/ (access date: Mart 15, 2021).

3. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. No. 32. Art. 3301.

4. On land reclamation: Federal Law of 10.01.1996 No. 4-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 15.01.1996. No. 3. Art. 142.

5. Mining easement in the system of Russian law // Mine surveying. URL: http://mwork.su/markdelo/nomer-5/stati/119-gornyj-servitut-v-sisteme-rossijskogo-prava (access date: Mart 15, 2021).

УДК/UDC 342.9

Административно-правовая охрана обеспечения противоэпидемических мероприятий

Шевкопляс Сергей Николаевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: shevkoplyas2001@mail.ru

Чернов Юрий Иванович (научный руководитель)
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: admfinkubsau@yandex.ru
SPIN-код: 6853-4245

Аннотация

В данной статье рассматриваются вопросы взаимодействия органов государственной власти и граждан в период пандемии COVID-19, различные правовые споры, возникающие в связи с изданием ряда нормативных актов, регламентирующих ответственность за нарушение режима повышенной готовности. Карантинные меры, которые принимались весной 2020 г., были предметом дискуссий и споров как среди ученых кругов, так и среди органов государственной власти. Данная тема актуальна и по сегодняшний день, поскольку во многих регионах до сих пор действует режим повышенной готовности и принимаются определенные меры для недопущения распространения коронавирусной инфекции среди населения. Целью настоящей работы является изучение административно-правового взаимодействия органов государственной власти и граждан в условиях ограничительных мероприятий, связанных с COVID-19. Главная задача — выявить действительные пробелы в законодательстве и конкретные пути их решения на практике.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция, административная ответственность, самоизоляция, повышенная готовность, правонарушение, санкция.

Administrative and legal protection of quarantine measures

Shevkoplyas Sergey Nikolayevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: shevkoplyas2001@mail.ru

Chernov Yuriy Ivanovich (research advisor)
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Administrative and Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: admfinkubsau@yandex.ru
SPIN Code: 6853-4245

Abstract

This article discusses the issues of interaction between public authorities and citizens during the COVID-19 pandemic, various legal disputes arising in connection with the publication of a number of regulations governing liability for violation of the high alert regime. The quarantine measures, which were adopted in the spring of 2020, have been the subject of discussion and controversy both among academics and among government authorities. This topic is relevant to this day, since in many regions there is still a high alert mode and certain measures are being taken to prevent the spread of coronavirus infection among the population. The purpose of this work is to study the administrative and legal interaction of public authorities and citizens in the context of restrictive measures related to COVID-19. The main task is to identify the real gaps in the legislation and concrete ways to solve them in practice.

Key words: coronavirus infection, administrative responsibility, self-isolation, increased readiness, sanction, offense.

Согласно Федеральному закону от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» противоэпидемические мероприятия вводятся для предупреждения рас-

пространения инфекции среди населения [1]. Обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения является одним из условий реализации конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституции Российской Федерации) [2]. Из-за пандемии законодатель был вынужден внести изменения и коррективы в отдельные законодательные акты, касающиеся обеспечения охраны здоровья граждан от возникшей опасности инфицирования. Государство в лице своих органов вводило и осуществляло контроль за соблюдением режима повышенной готовности. В связи с этим оно использовало административно-правовые рычаги воздействия на общество.

Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [3] внес изменения в ст. 6.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту — КоАП РФ), которая была дополнена ч. 2 и 3 и устанавливала ответственность за нарушения санитарно-эпидемиологических ограничений и мероприятий в связи с предупреждением распространения инфекции [4].

Однако содержание понятия «санитарное благополучие населения» раскрыто законодателем не было, на что стоит обратить внимание, ведь это не единственный пробел в праве. Например, в Постановлении Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 22 мая 2020 г. № 15 «Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1. 3597-20 “Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19)”» содержится обязанность изолирования граждан на определенный срок вследствие прибытия из неблагополучных по ситуации с COVID-19 регионов [5]. Законодатель в данном случае не конкретизировал понятие «неблагополучные регионы», ведь вопрос остается открытым на сегодняшний день: на каком правовом основании регионы признавались таковыми.

Так, Брянский областной суд отказал в удовлетворении административного иска о признании незаконным Постановления Правитель-

ства Брянской области от 17 марта 2020 г. № 106-П «О введении режима повышенной готовности на территории Брянской области» [6; 7], сославшись на обеспечение охраны здоровья населения в период опасности распространения коронавирусной инфекции. Истец в своем иске обосновал свои требования тем, что нарушаются конституционные права граждан на свободу передвижения. Суд мотивировал отказ в удовлетворении иска тем, что в момент издания данного нормативного акта Главный государственный санитарный врач Российской Федерации обязал главы субъектов Российской Федерации с учетом возникшей опасности распространения новой коронавирусной инфекции обеспечить введение мероприятий, связанных с недопущением распространения заболевания среди населения, включая и режим самоизоляции [5].

Возникли существенные трудности при квалификации составов правонарушений, ведь определенных признаков, которые бы позволили провести разграничение между составом правонарушения ст. 6.3 и ст. 20.6.1 КоАП РФ так и не было выявлено. Это повлекло за собой определенные правовые споры. Судебная власть до определенного времени не имела какого-либо единого мнения о квалификации данных правонарушений. Так, примером, иллюстрирующим данную проблему, явилась ситуация, которая произошла в г. Санкт-Петербурге. Гражданка В. находилась в закрытом для свободного посещения парке в период действия ограничительных мер. Полиция квалифицировала данное деяние по ст. 6.3 КоАП РФ, однако суд вынес решение о наличии признаков правонарушения по ст. 20.6.1 КоАП РФ [8].

Соответственно, возникла проблема некорректного применения норм административно-правовой ответственности в Российской Федерации, ведь согласно ст. 6.3 КоАП РФ предусматривается штраф за нарушение режима самоизоляции в размере от 15 000 до 40 000 рублей либо в случае квалификации деяния по ст. 20.6.1 — штраф в размере от 1000 до 30 000 рублей. Данный вопрос законодателем четко рассмотрен не был и остается открытым, на что стоит обратить внимание, т. к. в правовом государстве пробел в праве должен незамедлительно быть

восполнен новыми правовыми нормами, которые конкретизировали бы вопросы применения данных санкций.

Для понимания масштаба проблемы, возникшей в связи с данным правовым пробелом, следует привести в пример статистические данные. Только в Москве за 14 апреля 2020 г. было составлено около 2000 протоколов, а за период с 11 по 13 апреля — около 7000 протоколов по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ [9].

В делах по административным правонарушениям, предусмотренным ст. 6.3 КоАП РФ, указывалось, что были нарушены предписания Главного государственного санитарного врача Российской Федерации, однако предписания касаются только лишь тех лиц, которые прибыли на территорию Российской Федерации из других стран, но не распространяются на остальных физических лиц, т. к. в документе об этом указано не было. Таким образом, встает вопрос о возможности применения санкции, содержащейся за данное правонарушение, в отношении физических лиц.

Некорректное применение норм права, которое проявилось в принятии и различном толковании санкций за нарушение ст. 6.3 и ст. 20.6.1 КоАП РФ, выявилось на практике в разных частях Российской Федерации. Так, жителя Казани суд освободил от штрафа и ограничился замечанием в адрес правонарушителя [10]. Гражданин находился в месте, которое расположено далеко от дома, и его привлекли к ответственности по ст. 6.3 КоАП РФ, однако суд посчитал нарушение незначительным, поскольку прямого запрета на выход из дома для покупки продуктов власти не установили. Суд, вынося решение, мотивировал его тем, что был нарушен режим самоизоляции, не регулируемый каким-либо федеральным законом или иным нормативным актом, который вводил режим чрезвычайной ситуации на территории Российской Федерации.

Стоит отметить, что Верховный суд Российской Федерации давал разъяснения по части применения ответственности за нарушение режима самоизоляции [11]. Так, ст. 6.3 КоАП РФ применялась к лицам, которые являлись потенциальными переносчиками инфекции либо же имели

контакт с зараженными COVID-19. Т. е. данная санкция применялась на основании нарушения выданного требования самоизоляции. Ст. 20.6.1 КоАП РФ предусматривает санкцию непосредственно за нарушение правил поведения при возникновении и действии режима повышенной готовности. Тем самым Верховный суд Российской Федерации признал законность применения административной ответственности за нарушение режима самоизоляции.

Считаем важным отметить, что проблема в применении и толковании статей за нарушение режима повышенной готовности имеется не только в России, но и других зарубежных странах. На практике не хватает достаточной правовой базы для корректного регулирования вопроса ответственности за нарушение режима самоизоляции. На наш взгляд, законодателю необходимо принять ряд нормативно-правовых актов, регулирующих основания применения указанной ответственности более подробно.

Список литературы

1. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 04.07.2020. № 144(8198).

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. №14 (Часть I). Ст. 2028.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 31.12.2001. № 256.

5. Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.3597-20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»: Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 22.05.2020 № 15 // Российская газета. 29.05.2020. № 115(8169).

6. О введении режима повышенной готовности на территории Брянской области: Постановление правительства Брянской области от 17.03.2020 № 106-п // Россий-

ская газета. 18.03.2020. URL: https://rg.ru/2020/03/18/bryansk-post106-reg-dok.html (дата обращения: 18.03.2021).

7. Решение Брянского областного суда от 10.04.2020 по делу № 3а-722/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL http://base.garant.ru/313470521/ (дата обращения: 18.03.2021).

8. Постановление № 5-516/2020 от 24.04.2020 по делу № 5-516/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/hOVTydSfv7oB/ (дата обращения: 18.03.2021).

9. В Москве составили уже 12 тыс. протоколов за нарушение гражданами режима самоизоляции // ТАСС. URL: https://tass.ru/moskva/8261247 (дата обращения: 18.03.2021).

10. Постановление № 5-334/2020 от 6 апреля 2020 г. по делу № 5-334/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://clck.ru/UvZJm (дата обращения: 18.03.2021).

11. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) от 21.04.2020 № 1 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: http://www.vsrf.ru/documents/all/28857/ (дата обращения: 18.03.2021).

References

1. On the sanitary and epidemiological well-being of the population: Federal Law of March 30, 1999 No. 52-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 14. Art. 1650.

2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 04.07.2020. No. 144 (8198).

3. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on the prevention and elimination of emergency situations: Federal Law dated 01.04.2020 No. 98-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 14 (Part I). Art. 2028.

4. The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation dated 30.12.2001 No. 195-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 31.12.2001. No. 256.

5. On the approval of the sanitary and epidemiological rules of the joint venture 3.1.3597-20 "Prevention of new coronavirus infection (COVID-19)": Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of 05/22/2020 No. 15 // Rossiyskaya Gazeta. 29.05.2020. No. 115 (8169).

6. On the introduction of a high alert regime on the territory of the Bryansk Region: Resolution of the Government of the Bryansk Region dated March 17, 2020 No. 106-p // Rossiyskaya Gazeta. 18.03.2020. URL: https://rg.ru/2020/03/18/bryansk-post106-reg-dok.html (access date: Mart 18, 12021).

7. The decision of the Bryansk Regional Court dated 10.04.2020 in case No. 3a-722/2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: http://base.garant.ru/313470521/ (access date: Mart 18, 12021).

8. Resolution No. 5-516 / 2020 dated 04.24.2020 on case No. 5-516 / 2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/hOVTydSfv7oB/ (access date: Mart 18, 12021).

9. Moscow has already drawn up 12 thousand protocols for violation by citizens of the self-isolation regime // TASS. URL: https://tass.ru/moskva/8261247 (access date: Mart 18, 12021).

10. Resolution No. 5-334 / 2020 of April 6, 2020 in case No. 5-334 / 2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://clck.ru/UvZJm (access date: Mart 18, 12021).

11. Review of certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counter the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in the territory of the Russian Federation dated April 21, 2020 No. 1 // Supreme Court of the Russian Federation. URL: http://www.vsrf.ru/documents/all/28857/ (access date: Mart 18, 12021).

УДК/UDC 34.342

Проблема эффективности административной ответственности за коррупционные правонарушения

Шубина Полина Евгеньевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: pshubina1901@gmail.com

Крутова Яна Александровна (научный руководитель)
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: navona2005@yandex.ru
SPIN-код: 5514-7400

Аннотация

В статье дается общая характеристика коррупции, исследуются ее сущность и влияние на государство и основные институты, раскрывается отрицательное влияние коррупции на жизнь общества. Проводится сравнение уголовной и административной ответственности в сфере коррупционных преступлений и правонарушений, обозначается проблема разграничения административных правонарушений и уголовных преступлений в сфере коррупции. Также анализируются коррупционные деяния и правовой статус субъектов правонарушений данной сферы. Рассматриваются и выделяются отдельные составы правонарушений, содержащие признаки коррупционной составляющей, их разграничение. Отмечается необходимость систематизации административного законодательства в сфере коррупционных правонарушений. Авторами предлагается классификация и установление единой структуры коррупционных правонарушений путем добавления отдельной главы в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные правонарушения, права, административные правонарушения, наказание, административная ответственность.

The problem of the effectiveness of administrative responsibility for corruption offenses

Shubina Polina Yevgenyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: pshubina1901@gmail.com

Krutova Yana Aleksandrovna (research advisor)
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Administrative and Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: navona2005@yandex.ru
SPIN Code: 5514-7400

Abstract

The article provides a general description of corruption, examines its essence and impact on the state and basic institutions, reveals the negative impact of corruption on the life of society. A comparison of criminal and administrative liability in the field of corruption crimes and offenses is carried out, the problem of distinguishing between administrative offenses and criminal offenses in the field of corruption is outlined. It also analyzes acts of corruption and the legal status of the subjects of offenses in this area. The article examines and highlights individual offenses containing signs of a corruption component, their differentiation. The need to systematize administrative legislation in the field of corruption offenses is noted. The authors propose the classification and establishment of a unified structure of corruption offenses by adding a separate chapter to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses.

Key words: corruption, corruption offenses, rights, administrative offenses, punishment, administrative responsibility.

Коррупция — это негативное явление в государственной и общественной жизни, которое непосредственно зародилось с появлением государства как института общества. Происхождение термина «коррупция»

связывают со словом corruptio (лат.), которое означает в буквальном переводе «порчу, подкуп» [1]. Это объясняет то, что множество государств мира признает коррупцию как явление, негативно отражающееся на общественной жизни, влекущее административную или уголовную ответственность за коррупционные правонарушения и преступления. Законодательство Российской Федерации в данном случае не является исключением. Так в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» коррупция определяется как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение данных деяний от имени или в интересах юридического лица» [2].

Коррупция проявляется, когда должностные лица, которые непосредственно представляют государственные и муниципальные органы власти, злоупотребляют своими полномочиями как в целях собственной выгоды, например при получении взятки от лица, так и в проявлении определенного бездействия, когда ситуация требует обратного. Это, безусловно, негативно отражается на жизни общества, ведь когда коррупция присутствует в ветвях власти, то это препятствует эффективной и стабильной работе общественных и государственных институтов. В экономике, например, это может привести к постепенной монополизации определенной компанией части рынка, т. к. она путем подкупа государственных органов будет имеет рычаги влияния на общество. Можно также привести пример, когда денежные средства, полученные коррупционным путем, не участвуют в экономике государства напрямую, а проходят через теневой сектор, тем самым подрывая финансовую стабильность национальной валюты и иных экономических показателей, хотя

для обычного гражданина коррупция может послужить своеобразным инструментом «облегчения» жизни. В целом примеров коррупции в жизни общества и работе государственных органов существует великое множество, но сущность каждого из них негативна, поскольку нарушается принцип беспристрастности и законности, а граждан учат тому, что легче дать взятку, чем следовать закону. Соответственно, все это ведет к постепенной деструктуризации общественной жизни.

Т. к. в отличие от уголовного права и криминологии в административном праве не выделяется отдельно группа правонарушений коррупционной направленности, установить факт совершения коррупционного административного правонарушения порой становится проблематично. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту — КоАП РФ) устанавливает административную ответственность за совершение только двух видов деликтов, связанных с коррупционным поведением, несмотря на то что целый ряд противоправных деяний, предусмотренных КоАП РФ, может носить коррупционный характер [3].

С правовой точки зрения для наступления административной либо уголовной ответственности необходимо наличие всех элементов состава правонарушения, в т. ч. субъекта. В ст. 290 и 291 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) четко указано, что дача и получение взятки могут осуществляться «должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки», которые посредством передачи денежных средств или иных ценностей совершают преступное действие [4]. Как и в приведенном примере, в соответствии с уголовным законодательством субъектом преступления может быть только физическое лицо, и доказать факт получения или же дачи взятки и установить факт совершения данного деяния, на наш взгляд, проще, в отличие от составов административных правонарушений. Примером может послужить ст. 19.28 КоАП РФ «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица»: в данном случае получение

вознаграждения от имени юридического лица в силу того, что его представляют уполномоченные на то физические лица, доказать достаточно проблематично. Тем самым установить факт того, что эти физические лица совершили правонарушение от имени юридического лица, становится практически невозможным, поскольку при проведении расследования они уже могут стать субъектами уголовного преступления, а не административного правонарушения, «выпав» из административной юрисдикции.

Продолжая сравнение рассматриваемых составов административного и уголовного правонарушений, обратим внимание также на санкции. За совершение административного деликта, предусмотренного ст. 19.28 КоАП РФ, правонарушителю грозит административный штраф с конфискацией. В уголовном законодательстве предусматривается множество наказаний за то же деяние, предусмотренное ст. 290 УК РФ, в т. ч. лишение свободы, штраф, исправительные работы и т. д. Безусловно важным здесь является то, что субъект уголовного преступления в любом случае будет подвержен особому правовому состоянию — судимости, которая в той или иной мере будет оказывать негативное влияние на правовой статус осужденного. В административном же праве понятие судимости отсутствует. При совершении административного правонарушения следствием привлечения к ответственности будет являться состояние «административной наказанности», которое продлится один год и обретет значение при назначении наказания в случае совершения повторного однородного правонарушения. Таким образом, административное наказание за коррупционные правонарушения влечет более мягкое наказание и последствия для правонарушителя в сравнении с уголовным. Тем не менее это говорит лишь о том, что законодатель имеет простор для ужесточения ответственности за данные правонарушения.

В КоАП РФ существует также множество иных составов административных правонарушений, в которых можно проследить признаки коррупционной направленности. Например, в сфере проведения выборов (ст. 5.16, 5.17, 5.18 и др.). Так, например, согласно ст. 5.16 КоАП РФ за

подкуп избирателей предусмотрен административный штраф для граждан в размере от 20 тыс. до 25 тыс. рублей; на должностных лиц — от 30 тыс. до 40 тыс. рублей; на юридических лиц — от 300 тыс. до 500 тыс. рублей, который в сравнении с вредом, причиненным данным деянием, путем которого субъект правонарушения может оказать влияние на выборы, по нашему мнению, является слишком мягкой санкцией, и данную тенденцию можно проследить в иных составах [5].

Следующими составами административных правонарушений, обладающими коррупционными признаками, являются ст. 7.29–7.35 КоАП РФ. На примере ст. 7.29 КоАП РФ, где объектом административного правонарушения будут являться отношения, связанные с обеспечением государственных и муниципальных нужд в товарах, работах, услугах, можно проследить, что непосредственно коррупционная составляющая самого состава данного правонарушения отсутствует, но тем не менее должностные лица, представляющие муниципальные или государственные органы, путем злоупотребления своими полномочиями могут самостоятельно повлиять на выбор поставщика тех или иных услуг, или создать фиктивный конкурс, предусмотренный в ч. 2. Тем самым создаются предпосылки для коррупционной составляющей, и данный состав определенно закреплен законодателем в целях ограничения манипулирования со стороны в первую очередь должностных лиц. В качестве меры административного наказания предусмотрен административный штраф, что, на наш взгляд, также является достаточно мягкой санкцией, поэтому со стороны законодателя необходимо принять это во внимание.

В качестве примера можно также выделить ст. 14.9 КоАП РФ. Данный состав административного правонарушения по общим признакам схож с предыдущими, но в этом случае законодатель непосредственно выделяет субъекта правонарушения — должностное лицо, тем самым акцентируя внимание на особом правовом статусе, вытекающем из его полномочий, которыми он может злоупотребить в целях личной выгоды. Можно предположить, что данный состав также обладает коррупционными элементами.

Согласно ст. 15.14 КоАП РФ субъект правонарушения — должностное лицо — использует бюджетные средства не по назначению, т. е. возможно и в целях личной выгоды, тем самым в очередной раз проявляется коррупционный элемент. В данном случае законодатель установил в качестве санкции административный штраф либо дисквалификацию на срок от одного до трех лет. Так, правонарушитель отстраняется от занимаемой должности и теряет свой правовой статус государственного или муниципального служащего.

Можно прийти к выводу, что вне зависимости от конкретного состава административного правонарушения существует явная проблема установления субъекта административного правонарушения, а также проблема соразмерности вреда, причиняемого общественным отношениям совершенными деяниями, и наказаний за их совершение.

По мнению Г. В. Верщицкой, отнесение данных составов административных правонарушений к числу коррупционных в большинстве случаев является условным. Необходимо учитывать, что для коррупционных проявлений характерно незаконное использование должностного положения в личных интересах, а также получение неимущественных привилегий. Поскольку мотивация административных правонарушений на их квалификацию никак не влияет, точно отнести то или иное правонарушение к числу коррупционных весьма сложно [6].

Анализируя различные составы административных правонарушений, обладающих коррупционными признаками, можно также прийти к выводу, что они распределены по различным главам КоАП РФ, поэтому отсутствует логичная и необходимая, по нашему мнению, систематизация.

На основе проведенного исследования можно прийти к выводу, что существующие механизмы борьбы с коррупцией в России недостаточно развиты. На наш взгляд, наряду с необходимостью ужесточения мер административной ответственности в целях систематизации антикоррупционного законодательства в Особенной части КоАП РФ следует выделить самостоятельную главу, объединив в ней все составы правонарушений,

обладающих коррупционными признаками. Именно закрепление данных составов в отдельной главе является одним из перспективных направлений в области борьбы с коррупцией. Таким образом у законодателя появится возможность усилить защиту интересов государственной власти от коррупционного воздействия, что положительно повлияет на ее работу и общественную жизнь в целом.

Список литературы

1. Межведилов А. М., Бакулина Л. Т., Антонов И. О., Талан М. В., Виноградова Ю. В., Гильфанова А. Д. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 192 с.

2. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Российская газета. № 266. 30.12.2008.

3. Иванов С. Б., Хабриева Т. Я., Чиханчин Ю. А. и др. Противодействие коррупции: новые вызовы: монография / Отв. ред. Т. Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016. 376 с.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

6. Вершицкая Г. В. Особенности правовой квалификации коррупционных правонарушений // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 1 С. 18–24.

References

1. Mezhvedilov A. M., Bakulina L. T., Antonov I. O., Talan M. V., Vinogradova Yu. V., Gilfanova A. D. Kazan: Kazan Publishing House. University, 2016. 192 p.

2. On combating corruption: Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ // Rossiyskaya Gazeta. No. 266.30.12.2008.

3. Ivanov S. B., Khabrieva T. Ya., Chikhanchin Yu. A. and others. Counteracting corruption: new challenges: monograph / Ex. ed. T. I. Khabrieva. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2016. 376 p.

4. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

5. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 12/30/2001 No. 195-FZ // Rossiyskaya Gazeta. No. 256. 31.12.2001.

6. Vershitskaya G. V. Features of the legal qualification of corruption offenses // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2017. Vol. 17. No. 1. Pp. 18–24.

УДК/UDC 349.2

Особенности коллективного договора в трудовом законодательстве России

Щербаков Андрей Александрович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар Россия
e-mail: hqd.sweetcap@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается коллективный договор как особый правовой акт договорного характера. Автор обращает внимание на неопределенность правовой природы коллективного договора, на отсутствие четкого определения, является ли он нормативным правовым актом. В статье рассмотрены некоторые особенности коллективного договора, которые автор видит в наличии дополнительных льгот и преимуществ для работников по сравнению с действующим трудовым законодательством. Автор уделяет внимание комплексу целей, которые устанавливаются в коллективном договоре сторонами, обращая внимание на то, что перечень целей не является исчерпывающим. Общий вывод по исследуемым вопросам состоит в том, что коллективный договор влечет для сторон фиксацию дополнительных положительных аспектов как материального, так и нематериального характера, которые они не могут получить из действующих источников трудового права.

Ключевые слова: коллективный договор, работодатель, работник, локальный акт, трудовые правоотношения, льготы, преимущества.

Specific features of the collective agreement in the labor legislation of Russia

Shcherbakov Andrey Aleksandrovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar Russia
e-mail: hqd.sweetcap@mail.ru

Abstract

This article considers a collective agreement as a special legal act of a contractual nature. The author draws attention to the uncertainty of the legal nature of the collective agreement, to the lack of a clear definition of whether it is a normative legal act. The article discusses some of the features of the collective agreement, which the author sees in the presence of additional benefits and advantages for employees in comparison with the current labor legislation. The author pays attention to the set of goals that are established in the collective agreement by the parties, drawing attention to the fact that the list of goals is not exhaustive. The general conclusion on the issues under study is that the collective agreement entails for the parties the fixation of additional positive aspects of both material and non-material nature, which they cannot receive from the existing sources of labor law.

Key words: collective agreement, employer, employee, local act, labor relations, benefits, advantages.

В настоящее время коллективный договор в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее по тексту — ТК РФ) определяется как правовой акт (ст. 40 ТК РФ) [1]. В определении не указано на его нормативность. В связи с этим неясным остается вопрос о коллективном договоре как источнике права, поскольку признак нормативности считается обязательным для всех источников трудового права. На практике это вызывает трудовые споры, теоретики трудового права расходятся во мнениях о правовой природе данного акта. Одной из причин такого подхода к коллективному договору является, на наш взгляд, наличие ряда особенностей. Они и определяют его место в трудовом законодательстве, которое не перестает вызывать споры.

Законодатель достаточно осторожно подошел к формулировке коллективного договора, который он представил в качестве особого рода правового акта. Законодатель прямо не указал характер коллективного договора, т. е. является ли он нормативным актом или же нет. Обращаясь к современной правовой доктрине в области трудового права, также не представляется возможным дать точный ответ о нормативности коллективного договора [2, с. 15].

Под коллективным договором в современном его понимании необходимо рассматривать локальный акт, который обладает определенной юридической силой и действием только на территории отдельно взятой организации. При этом коллективный договор следует отождествлять с нормативным актом, который содержит в себе нормы трудового законодательства.

Участники трудовых правоотношений обладают правом на осуществление коллективных переговоров и, как следствие, заключение коллективного договора. Данное правомочие закреплено в содержании ст. 21 и 22 ТК РФ. Современное трудовое законодательство предусматривает и некоторые обязанности сторон коллективного договора. При получении представителем одной из сторон предложения о начале коллективных переговоров стороны обязаны вступить в переговоры в течение семи дней с момента получения такого предложения.

Стороны трудовых отношений могут не заключать коллективный договор, если ни одна из них не проявит соответствующей инициативы [3]. Ответственности за отсутствие коллективного договора законодатель не предусматривает. Ни коммерческая организация, ни индивидуальный предприниматель не будут привлекаться к юридической ответственности.

К особенностям коллективного договора относятся следующие:

1) унификация трудовых правоотношений, т. к. работодателю не приходится фиксировать одни и тем положения с каждым работником в отдельных трудовых договорах;
2) наличие материальных стимулов;
3) наличие нематериальных стимулов: фиксация в коллективном договоре условий о так называемом социальном пакете (определенных льготах и компенсациях для работников) [4].

Многие практикующие специалисты выделяют комплекс целей, которые устанавливаются сторонами трудовых отношений [5]. К таким целям следует относить:

1) стабилизацию трудовых правоотношений с работником;

2) построение относительно стабильной и структурированной системы оплаты труда;
3) оптимизацию планирования, а также последующего управления расходами, которые идут на оплату труда работников организации.

Представленный комплекс целей не является исчерпывающим, т. к. в него могут включаться и иные цели, которые исходят в первую очередь из проявленной воли сторон коллективного договора.

В качестве основной особенности коллективного договора выступает то, что он влечет для сторон трудовых правоотношений определенные положительные аспекты, которые могут выражаться в установлении льгот и различного рода преимуществ, связанных с установлением более благоприятных условий труда. Так, ценность коллективного договора заключается в том, что ни нормативно-правовые акты, ни трудовой договор не могут предоставить стороне трудовых правоотношений подобных преимуществ и льгот, объем предоставления которых находится также в прямой зависимости от возможностей работодателя [6, с. 41–44].

Что касается преимуществ для работодателя, то они заключаются в том, что при условии соблюдения работодателем трудового законодательства и положений коллективного договора работники могут отказаться от разрешения конфликтных вопросов путем проведения забастовок.

Таким образом, коллективный договор является локальным актом особого значения. В его содержании представлены различного рода преимущества, которые обеспечивают правовое и материальное положение обеих сторон трудовых правоотношений. Коллективный договор занимает особое место в общей иерархии локальных нормативных актов.

При этом нельзя допустить того, чтобы коллективный договор превращался в формальный акт, с помощью которого попросту дублируются основные минимальные стандарты, сформированные в трудовом законодательстве.

На наш взгляд, следует внести изменения в ст. 40 ТК РФ, определив коллективный договор как нормативно-правовой акт, имеющий юридическую силу для его сторон.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002 г. № 1 (часть I). Ст. 3.

2. Лада А. С. Коллективный договор по современному российскому трудовому законодательству: автореф. дисс. . . . канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. 28 с.

3. Коллективный договор с дефектами формы и содержания // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 2. С.164–169.

4. Адриановская Т. Л. Компенсации в трудовом праве и праве социального обеспечения // Социальные обязательства государства: правовое регулирование: Материалы межрегионального круглого стола (Краснодар, 18.03.2015). Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский Дом — Юг», 2015. С. 11–18.

5. Бушуев И. С. Коллективный договор: перспективы развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. С.167–169.

6. Бушуев И. С. Коллективный договор: тенденции развития // Законодательство и экономика. 2015. № 12. С. 41–44.

References

1. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002 No. 1 (part I). Art. 3.

2. Lada A. S. Collective agreement on modern Russian labor legislation: author. diss. ... Cand. legal sciences. Vladivostok, 2003. 28 p.

3. Collective agreement with defects in form and content // Siberian legal review. 2019. No. 2. Pp. 164–169.

4. Adrianovskaya T. L. Compensation in labor law and social security law // Social obligations of the state: legal regulation: Materials of the interregional round table (Krasnodar, 18.03.2015). North Caucasus branch of the Russian State University of Justice. Krasnodar: Limited Liability Company "Publishing House — South 2015. Pp. 11–18.

5. Bushuev I. S. Collective agreement: development prospects // Humanities, socio-economic and social sciences. 2015. No. 11. Pp. 167–169.

6. Bushuev I. S. Collective agreement: development trends // Legislation and Economics. 2015. No. 12. Pp. 41–44.